

63.4(2)
А 47

И.Л. АЛЕКСЕЕВА

КУРГАНЫ
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

КИЕВ · НАУКОВА ДУМКА

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

И.Л. АЛЕКСЕЕВА

КУРГАНЫ
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1992

АЛЕКСЕЕВА И. Л. КУРГАНЫ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ/ АН Украины. Одес. археол. музей; Отв. ред. Э. А. Балагури. — Киев: Наук. думка, 1992. — 132 с. — ISBN 5-12-002666-4.

В монографии раскрыты особенности исторического процесса в степной полосе Днестро-Дунайского междуречья и в Нижнем Поднестровье на рубеже энеолита-бронзы, в котором участвовали два разнокультурных массива, представленных на раннем этапе утконосовской и суворовской культурными группами и продолжающих традиции усатовской и днестро-дунайской культурами раннего бронзового века (модификации ямной культурной общности в Северо-Западном Причерноморье).

Освещаются связи с синхронными культурами Балкан-Подунавья, пшуровой керамики, характеризуются идеологические воззрения племен энеолита — ранней бронзы степей Северо-Западного Причерноморья.

Для археологов, историков, краеведов.

Ответственный редактор Э. А. БАЛАГУРИ

Утверждено к печати ученым советом
Одесского археологического музея АН Украины

Редакция литературы по истории и археологии

Редактор А. А. Золотарева

Все права принадлежат издательству "Наукова думка". Какое-либо использование этого издания или его элементов, фрагментов, то есть копирование, тиражирование, распространение и т. д., возможно только при наличии предварительного письменного соглашения с издателем.

Адрес издательства "Наукова думка": Украина, 252601, Киев 4, ул. Репина, 3.

All rights reserved. No part of this issue may be reproduced by any mechanical, photographic or electronic process or in the form of a phonographic recording, nor may it be stored in a retrieval system, transmitted or otherwise copied for public or private use without written permission of the Naukova Dumka Publishers.

Address of the Publishers: Ukraine 252601, Kiev 4, Repin St., 3.

А 950400000-119 76-92
231-92

ISBN 5-12-002666-4

© И. Л. Алексеева, 1992

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с энеолитической эпохи мобильные скотоводческие племена Северного Причерноморья продвигаются на запад. В результате многовековых контактов с местными этническими образованиями в районах наиболее длительного взаимодействия формируются новые культуры и культурные группы. Их общей чертой на обширной территории степной полосы от Южного Приуралья до Дуная было единство погребальных традиций. Северо-Западное Причерноморье на этом и последующих этапах исторического развития занимает особое место, являясь контактной зоной между скотоводами Северного Причерноморья, с одной стороны, и земледельческими культурами Балканского полуострова, Трипольем, а также культурами шнуровой керамики Восточной Европы — с другой.

В первые годы активного археологического исследования (1964–1969) курганов Нижнего Поднестровья, междуречья Днестра–Дуная были обнаружены многочисленные материалы, позволяющие воссоздать предварительную картину исторического процесса, происходящего в бронзовом веке на данной территории. Наиболее ранними памятниками в изучаемом районе представлялись усатовские погребения позднего энеолита, вслед за которыми по времени шли ранне- и позднемые.

В последующие годы приток новой археологической информации способствовал систематизации и обобщению источников, что позволило выделить из их массы две наиболее ранние, энеолитические разнокультурные группы, погребения которых совершены в ямах овальной и прямоугольной в плане формы, различаются особенностями обряда захоронений и инвентарем. Таким образом, расширились представления о динамике культур в Северо-Западном Причерноморье в период энеолита–бронзы.

Новые материалы помогли выявить культурную специфику и относительную хронологию культур, отношение их к

степному энеолиту – ранней бронзе более восточных районов, ямной культуре, к Триполью, в частности к Усатову, культурам шнуровой керамики и земледельческому населению Балкано-Дунайского ареала. Характер контактов между близким территориально, но различным в этническом и хозяйственном отношениях населением проявился более отчетливо.

Новая источниковедческая база расширила возможности палеореконструкции духовного мира древних племен Северо-Западного Причерноморья, сформировавшегося на незыблемых традициях ямного культа предков, воспринявшего и переработавшего в своей среде в результате многовековой диффузии отдельные элементы земледельческого мифологического восприятия мира, что выразилось в появлении новых элементов в символических атрибутах, а возможно, привело к созданию синкретических божеств, составляющих погребальный культ скотоводов днестро-дунайского ареала.

Фактологической базой для написания настоящей работы послужил новый фонд археологических источников, добытых в результате раскопок курганов Днестро-Дунайской, Нижне-Днестровской и Буго-Днестровской новостроечными экспедициями ИА АН Украины 1972–1987 гг. в Одесской обл. под руководством автора. Объем накопленного материала позволил внести коррективы в предложенные ранее культурно-хронологические схемы и охарактеризовать историческую обстановку в регионе середины IY – начала II тыс. до н. э.

Основные наблюдения сделаны во время полевых исследований, что дает автору право для некоторых новых выводов относительно изучаемого периода.

Автор выражает глубокую благодарность ответственному редактору настоящей монографии, доктору исторических наук, профессору Э. А. Балагури; рецензенту, члену-корреспонденту АН Туркмении, профессору В. М. Массону, а также рецензенту, кандидату исторических наук В. В. Генингу за ценные замечания и всестороннюю помощь при подготовке монографии.

Главные теоретические разработки, положенные в основу монографического исследования, были проверены и одобрены В. Н. Даниленко, доброй памяти которого автор посвящает свою работу.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Во второй половине XVIII в., когда в состав Русского государства вошли степные области Северного Причерноморья, усилился интерес к изучению их исторического прошлого. В Николаеве, Феодосии, Одессе, Керчи были созданы музеи, в которых собирались коллекции древностей. В 1839 г. организовано Одесское общество истории и древностей, сыгравшее важную роль в изучении далекого прошлого Северного Причерноморья по археологическим материалам, исследован ряд памятников первобытного, античного и средневекового времени. Общество издало за 80 лет своей деятельности 33 тома "Записок". В 1858 г. музей общества, в котором были собраны значительные коллекции, объединился с городским музеем древностей. В 1884 г. в Одессе проходил VI Археологический съезд, на котором обсуждались вопросы истории бронзового века, рассматривались погребальные типы в курганах Днестра и Южного Буга и сопоставлялись с аналогичными памятниками других регионов Южной России, Европы и Азии [155, с. 24-25; 154].

С первых дней создания Одесского (Новороссийского) университета (1865) в археологических изысканиях активное участие принимают его преподаватели. Результаты их исследований публиковались на страницах "Записок Одесского общества истории и древностей", "Научных записок" университета и историко-археологического факультета. Одесский музей становится научной материальной базой подготовки кадров по археологии.

Начало изучения курганов в Северо-Западном Причерноморье (междуречье Южного Буга – Днестра – Дуная) относится к концу XIX в. Первые раскопки часто вели непрофессиональные археологи-любители, не преследовавшие, как правило, научных целей. Первые научные исследования курганов предпринял профессор Киевского университета

Ф. И. Кнауэр. С 1888 по 1899 г. он раскопал 13 курганов в Бессарабии на западном берегу р. Когильник и на западном и восточном берегах р. Сараты, в которых самой многочисленной группой оказались погребения со скорченными и окрашенными скелетами. Характерной особенностью захоронений было перекрытие их камнями и каменными плитами. Недостаток времени и средств не позволил Ф. И. Кнауэру полностью исследовать большие курганы (№ 1, 3 и 5 у г. Сараты), однако и полученных материалов оказалось достаточно, чтобы представить смену исторических эпох, отмеченную в курганах чередованием культурных напластований. Исследователь выявил "этажность" захоронений и отнес наиболее древние из них к каменному или к рубежу каменного и бронзового веков. К этому же времени относили древние захоронения В. Б. Антонович и А. А. Бобринский [69–71; 5, с. 45–47; 20, с. 3; 21, с. 39]. Находки и отчеты Ф. И. Кнауэра о проделанной работе поступили в Киевский городской и Императорский русский исторический музей.

В 1889 г. по заданию Археологической комиссии в уроч. Аккерманские сады, к юго-западу от дороги из Аккермана (ныне – г. Белгород-Днестровский) в с. Черкесы, раскопал курган, содержащий основное окрашенное и скорченное захоронение, инспектор Одесской рисовальной школы, член Одесского общества истории и древностей А. А. Матвеев. Здесь же, на Правобережье Днестровского лимана (бывш. Аккерманский уезд Бессарабской губернии), раскопки курганов производил Д. Я. Самоквасов. У сел Шабалат и Катаржи он исследовал около 20 курганов, обнаружив в них наряду с более поздними погребения усатовской и ямной культур, которые отнес к "каменной эпохе" [128, с. 20–21].

В современном Тираспольском районе Молдовы с 1896 по 1911 г. проводили раскопки курганов И. Я. и Л. П. Стемпковские. Будучи смотрителем земской больницы и Тираспольской тюрьмы, используя заключенных в качестве рабочих-землекопов, И. Я. Стемпковский, потратив личные средства, за 15 лет раскопал более 400 курганов у сел Малаешты, Коротна, Красногорка, Парканы, Терновка, Суклея, Глинное, Плоское, Карагаш, Слободка, Чобручи, у г. Тирасполя. В курганах обнаружены усатовские, ямные и более поздние захоронения. Если учесть, что исследователи не являлись специалистами в археологии, то методика их раскопок для того времени находилась на высоком уровне. Научным руководителем раскопок был В. И. Гошкевич – один из передовых ученых-

археологов, которому Стемпковские передали материалы раскопок и полевую документацию. Оригиналы их отчетов хранятся в Архиве ЛОИА АН СССР, а копии дневников и материалов – в Херсонском историко-археологическом музее (Архив ХИАМ). Материалы Стемпковских В. И. Гошкевич использовал для популяризации археологии и издал их в книге "Клады и древности Херсонской губернии" (Тираспольский уезд входил тогда в состав Херсонской губернии). Более подробно описала материалы Стемпковских И. В. Фабрициус в "Археологической карте Причерноморья Украинской ССР". Сосуды позднего Триполья опубликовала Т. С. Пассек, а В. А. Дергачев – материалы эпохи бронзы [50; 51, с. 104–111; 156, с. 15–32, 83–87].

На территории Одессы (примерно на перекрестке современных улиц Халтурина и Жанны Лябурб, на месте современного костела) исследовал разрушенный при строительстве города курган А. С. Уваров. В кургане обнаружено несколько погребений, среди которых находилось захоронение в каменном ящике [155, с. 143–151].

Большой интерес представляет раскопанный в 1912–1913 гг. М. Ф. Шкадышом и начинающим свою археологическую деятельность А. В. Добровольским в окрестностях Одессы (во дворе психиатрической больницы) стратифицированный курган, который получил название Одесского, или курган Слободка–Романовка. Его стратиграфия до сих пор является предметом дискуссии по определению хронологического соотношения культур энеолита – бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Антропологический материал погребений был изучен Д. К. Третьяковым. Результаты его исследования показали чрезвычайную близость населения, оставившего древнейшие погребения в Одесском кургане, к физическому типу племен Поднепровья и Поволожья [53, с. 121–144; 36, с. 116–142; 60, с. 29–38; 152, с. 25–40].

Изучением курганов в Побужье до революции занимались В. И. Гошкевич, М. Эберт, Н. Ф. Савицкий. Последний раскопал в 1899 г. курган Попова Могила у с. Ковалевка в Николаевском р-не Николаевской обл. Внутри кургана обнаружены кромлех и погребение в каменном ящике [65, с. 282–284].

Благодаря инициативе В. Н. Ястребова был основан Кировоградский музей, поводом для создания которого послужили собранные им материалы. В XVII томе "Записок Одесского общества истории и древностей" В. Н. Ястребов опубликовал "Опыт топографического обозрения древностей

Херсонской губернии", куда вошли и материалы Северо-Западного Причерноморья, включая более 500 курганов Одесского и Тираспольского уездов [185, с. 63–176].

Недостатком дореволюционной археологической науки было отсутствие обобщающих работ и планомерных раскопок. Попытки хронологизации и классификации собранных материалов стали предприниматься в последние десятилетия XIX в. Впервые систематизировал по географическим районам сведения о разведанных им курганах в Северо-Западном Причерноморье А. С. Уваров в археологической карте [155, с. 181]. Одновременно он произвел раскопки крупного кургана у с. Шабалат на Правобережье Днестровского лимана, в котором обнаружил погребение, очевидно, в каменном ящике.

А. А. Бобринский разделил все известные скорченные подкурганные погребения на две группы – древнейшую (каменный век) и новейшую (бронзовый век), взяв за основу материал, из которого изготовлены орудия труда, положение и окрашенность скелета, но проигнорировав особенности погребального обряда, вследствие чего в одну группу с погребениями бронзового века попали скифские, не содержащие железных предметов [21].

В. Б. Антонович разделил скорченные захоронения курганов в Северо-Западном Причерноморье на пять групп, также положив в основу материал, из которого были изготовлены орудия труда, не учитывая особенностей погребального обряда. К первой группе В. Б. Антонович отнес грунтовые погребения, безынвентарные или содержащие сосуды "самой грубой работы". Во вторую – входили парные и коллективные захоронения с каменными и металлическими изделиями, третью составляли "могилы бронзового века с сожжением", четвертую – скифские погребения и пятую – могилы железного века. Положительные стороны этой классификации состояли в том, что В. Б. Антонович допускал существование бронзового века для Южной России [5, с. 45–47].

Подробной и обстоятельной, но без четкого хронологического деления была классификация Г. Л. Скадовского [135, с. 88]. Д. Я. Самоквасов, одним из первых исследовавший курганы в Северо-Западном Причерноморье, распределил все известные ему погребения на пять групп: киммерийцев, скифов, сарматов, славян, татар. Он, однако, утверждал, что в "надпонтийских странах России бронзовой эпохи не существ-

вовало” и эпоха железа следовала сразу же за эпохой камня [126, с. VIII]. Это было шагом назад по сравнению с выводами предыдущих исследователей.

А. А. Спицын считал, что ”в столь обильных по количеству памятниках древности, как погребения со скорченными и окрашенными костяками. – И. А., должны открыться и хронологические, и этнологические отличия”, но наметил лишь территориальные в погребальном обряде и выделил на этой основе девять географических районов со своими локальными особенностями, не учитывая хронологических и культурных различий, что привело к объединению в одну группу разновременных и разнокультурных памятников. А. А. Спицын и Н. Е. Бранденбург считали привнесенным извне погребальный обряд скорченных захоронений [138, с. 53–133; 25, с. 159].

Впервые систематизировать научные знания по археологии Северного Причерноморья и наметить их историческую классификацию попытался В. И. Гошкевич. Древнейшими в степях он считал скорченные и окрашенные подкурганые захоронения, относя их к киммерийской эпохе и считая киммерийцев автохтонным населением [38, с. 104–111].

И лишь в начале XX в. были разработаны основы четкой методики классификации, пользуясь которой можно было расчленить погребения в хронологическом и этнокультурном плане. Эта работа была проведена русским археологом, талантливым полевым исследователем В. А. Городцовым. Главным признаком классификации В. А. Городцов считал тип могильного сооружения: простые прямоугольные ямы, могилы с боковыми камерами или катакомбами, могилы со срубам и захоронения в насыпях курганов. Соответственно типам могил В. А. Городцов назвал и культуры – ямную, катакомбную и срубную, распределив их в хронологической последовательности. Все они были отнесены к палеометаллической эпохе. При этом ямная культура определилась как наиболее древняя, на смену ей пришли катакомбная и срубная [34, с. 208; 35, с. 1–151]. Кроме типа могил В. А. Городцовым учитывались и другие признаки погребального ритуала: положение скелета, ориентировка, инвентарь и др. Система В. А. Городцова явилась крупным достижением отечественной археологической науки. Она была первой систематизацией медного и бронзового веков Северного и Северо-Западного Причерноморья.

В Одесском кургане В. А. Городцов выделил ямные, ка-

такомбные захоронения, погребения в насыпях и в каменных ящиках. Он высоко оценил публикацию материалов Одесского кургана А. В. Добровольским [36, с. 116–142]. Впоследствии ученый разработал и абсолютную хронологию бронзового века [37, с. 615]. Несмотря на ряд бесосновательных нападок, состоятельность периодизации и классификации В. А. Городцова подтвердило время: до сих пор основные положения его схемы сохраняют свое значение.

Через несколько лет после Великой Октябрьской социалистической революции был восстановлен Одесский археологический музей. В активизации научно-исследовательской работы большую помощь оказала основанная в 1923 г. при АН УССР Одесская комиссия краеведения, при которой были созданы социально-историческая и археологическая секции [31]. Ее задачи были сформулированы в § 18 Устава Одесской комиссии краеведения: "Создавать научные исследования, экспедиции, экскурсии и раскопки... С разрешения археологического комитета ВУАК собирать материалы по краеведению".

С начала 20-х годов под Одессой, у сел Усатово и Большой Куяльник М. Ф. Болтенко начинает раскопки энеолитического поселения, которое он считает принадлежащим особой культуре, тесно связанной с трипольской и малоазийско-эгейским миром [23; 24, с. 24–30]. Впоследствии, в 1926–1940 гг., начались исследования усатовских поселения и могильников под руководством М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодской.

Первым советским центральным научным учреждением на Украине была Комиссия по составлению археологической карты Украины, образованная в 1919 г. в системе новоорганизованной Академии наук УССР. В 1921 г. она была реорганизована в Археологическую комиссию, на базе которой создан Всеукраинский Археологический комитет (ВУАК), исследовавший большое количество памятников за время своего существования (до 1933 г.). Самыми крупными были разведки и раскопки памятников в зоне новостроек, главным образом в зоне строительства первых крупных гидроэлектростанций – Днепровской и Бугской, что способствовало изучению памятников степных культур эпохи раннего металла.

Бессменным участником экспедиций был А. В. Добровольский, много сделавший для археологического изучения памятников порожистой части Днепра. Им открыты энеолитические поселения и могильники (ошибочно отнесенные им

к неолиту, несмотря на находки трипольской керамики), среди которых самым значительным является Средний Стог II (1927 г.) – поселение, нижний слой которого представлен раковинными кучами с керамикой заключительной поры неолита, а верхний – культурой эпохи меди [54].

Бугская экспедиция, организованная в связи со строительством Бугской ГЭС, под руководством Ф. А. Козубовского в 1930–1933 гг. провела сплошное обследование Нижнего Побужья от устья р. Бакшала до с. Сабатиновка. Результатом работ явились "Археологічні дослідження на території Богесу" – краткий отчет о работе экспедиции. В раскопках курганов и в разведках принимали участие одесские археологи А. В. Добровольский и Е. Ф. Лагодовская. Экспедиция раскопала несколько курганов у сел Ак-Мечетка (ныне с. Прибужье) Вознесенского р-на, Константиновка Арбузинского р-на Николаевской обл. и на плато над балкой Сухой Ташлык (южнее с. Константиновка) [190]. Материалы экспедиции, хранившиеся в Первомайском музее, погибли во время Великой Отечественной войны.

Наряду с крупными в зоны новостроек организовывались и небольшие экспедиции. У с. Дубиново Савранского р-на и у г. Саврань Одесской обл., на Правобережье Южного Буга С. С. Гамченко раскопал несколько курганов, содержащих энеолитические погребения. Дневник раскопок, произведенных в Савранском районе в 1913 г., хранится в архиве ИА АН УССР [33]. На Левобережье Днестра, в 5–6 км от с. Курисово–Петровское (ныне – с. Петровка), возле дороги на с. Черногорка в 1930 г. Е. Ф. Лагодовская обследовала разрушенный курган (один из курганной группы, имеющий приблизительную высоту 1,5 и диаметр около 16–20 м), в котором обнаружено скорченное на спине захоронение, ориентированное на север и огороженное тремя каменными плитами. Одна из плит, которая хранится в Одесском археологическом музее АН УССР, имела на внутренней поверхности чашевидные и линейные углубления [84, с 141–146].

В 1938–1940 гг. А. В. Добровольским был раскопан курган у с. Киселево под Одессой (на месте современного пос. им. Котовского), материалы которого опубликовал И. Т. Черняков. В кургане, расположенном на плато восточного берега Куяльницкого лимана, обнаружено 11 безынвентарных погребений эпохи бронзы, часть которых была перекрыта каменными плитами, одно совершенно в каменном ящике. В это же время А. В. Добровольский начал раскопки триполь-

ского и эпохи поздней бронзы поселения Сабатиновка [55].

В 1926 г. вышла книга А. М. Тальгрена, в которой обобщались все исследования в области бронзового века в Северном Причерноморье. Она стала ценной сводкой археологических материалов эпохи бронзы того времени, несмотря на ряд фактических ошибок и неудачную попытку пересмотреть систему В. А. Городцова [219].

Обобщению результатов исследований памятников эпохи бронзы на Украине в предвоенные годы посвящена книга А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого "Родовое общество степей Восточной Европы". Основой для написания послужил почти весь известный в те годы музейный материал по истории ямной культуры. Авторы пришли к заключению, что изменение культуры, отразившееся в новых формах погребений (ямные, катакомбные, срубные), соответствует трем последовательно сменявшим друг друга хозяйственным режимам: древнему рыболовно-охотничьему (ямный), скотоводческому с зачатками земледелия (катакомбный) и преимущественно земледельческому (срубный). Ученые разделили все археологические памятники бронзового века на две стадии; материнского рода и возникновения патриархальных отношений. Многие верные наблюдения, сделанные авторами, были ошибочно ими истолкованы. Так, например, они рассматривали ямную культуру как неолитическую по уровню экономического и культурного развития [77], в то время как уже В. А. Городцов признавал ее посленеолитической, скотоводческой.

Особенно широкий масштаб на Украине приобрели археологические исследования памятников эпохи меди-бронзы в послевоенные годы в зонах новостроек Днепра, Приазовья и Крыма. Важнейшим достижением в изучении степных культур было открытие и исследование поселений, которые дали материалы для всесторонней характеристики эпохи меди-бронзы, что, в свою очередь, содействовало написанию обобщающих работ по частным и общим проблемам.

В 1945–1946 гг. Е. Ф. Лагодовская, А. В. Добровольский, В. Н. Даниленко, А. В. Бодянский проводят широкие раскопки погребальных памятников медного века с каменными захладами. На основании найденного при раскопках фрагментарного археологического материала В. Н. Даниленко приходит к выводу о том, что погребения с каменными захладами относятся к начальной фазе ямной культуры.

Наряду с плановыми проводятся и охранные раскопки отдельных памятников эпохи бронзы, в том числе и в Северо-Западном Причерноморье. В 1946 г. Т. Г. Оболдуева в составе экспедиции молдавского Института истории, языка и литературы АН СССР раскопала курган в Прутско-Днестровском междуречье на р. Когильник, в 50 км к югу от г. Кишинева, у с. Градиште Чимишлийского р-на. В кургане обнаружено 15 ямных погребений, древнейшее из которых содержало архаический ямный сосуд [113, с. 32-48].

В 1951-1954 гг. Е. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова и М. Л. Макаревич раскопали стратифицированное Михайловское поселение (Ново-Воронцовский р-н Херсонской обл.), расположенное на высоком правом берегу р. Подпольной (рукав Днепра) в Нижнем Поднепровье. Исследование этого поселения дало особенно много для освещения истории племени ямной культуры, их хозяйства, высокой строительной техники, металлургии бронзы. Наличие долговременного укрепленного поселения с остатками мощных каменных сооружений свидетельствовало о сложной исторической обстановке в степном Причерноморье в период формирования скотоводческих племен. Материалы Михайловского поселения оказались важными не только для уточнения стратиграфии эпохи энеолита и раннего бронзового века Нижнего Поднепровья, но и всей территории Северного Причерноморья [89].

В Северо-Западном Причерноморье в послевоенные годы продолжалось изучение усатовского комплекса - в основном раскопки двух грунтовых могильников. В 60-70 годы в междуречье Дуная и Днестра и в Нижнем Поднепровье обнаружено значительное количество погребений и два поселения усатовской культуры у сел Маяки и Граденицы Беляевского р-на Одесской обл. На северной окраине с. Новые Анены Молдовы на надпойменной террасе правого берега р. Бык Л. Л. Полевой в 1955 г. открыл грунтовое погребение в яме овальной формы. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-восток. Несколько погребений ямной культуры у с. Старая Сарата Флорештского р-на в 1955 г. раскопал В. И. Маркевич. В Кагульском р-не у с. Зернешты обследовал курган в 1958 г. Н. А. Кетрару. В кургане обнаружено два древнеямных погребения, в одном из которых найдено большое количество подвесок из просверленных клыков кабана [67, с. 38]. Четыре кургана у сел Олонешты и Тудорово Суворовского р-на Молдовы раскопала

А. И. Мелюкова. Три кургана содержали ямные погребения. В ямных погребениях кургана 2 найдены сосуд и подвески из зубов животных [97, с. 30–37; 98]. В 1960 г. М. С. Синицын исследовал разрушенный курган в окрестностях Одессы, у с. Черноморка. В одном из ямных погребений обнаружен яйцевидный сосуд, аналогичный группе керамики слоя III Михайловского поселения. Характерной чертой древнейших погребений в кургане было перекрытие их каменными плитами. М. С. Синицын, как и ранее А. В. Добровольский, отнес их к "киммерийской культуре" [134, с. 191–194].

В 1966 г. на Левобережье Днестра у пос. Беляевка Одесской обл. С. А. Булатович и И. Л. Алексеевой исследован курган неолита – ранней бронзы, одно из погребений которого совершено в каменном ящике [2, с. 32–42]. В 1968 г. Г. Ф. Чеботаренко раскопал курган у с. Каушаны. В кургане обнаружено несколько древнеямных погребений, одно из которых перекрывалось антропоморфной стелой примитивного типа (хранится в Бендерском историко-краеведческом музее). Одно из наиболее значительных по характеру содержащегося инвентаря ранних энеолитических погребений открыто Т. Г. Мовшей и Г. Ф. Чеботаренко у ст. Кайнары Каушанского р-на Молдовы в разрушенном кургане, находящемся в пойме левого берега р. Ботна (Прутско-Днестровское междуречье) [109, с. 45–49]. В 1972 г. А. И. Мелюкова исследовала курганы у с. Буторы Тираспольского р-на. Один из курганов содержал неолитическое, усатовское и ямные захоронения [52, с. 118–124]. В 1971 г. Г. Ф. Чеботаренко раскопывал курганы у с. Балабаны Чадыр-Лунгского р-на Молдовы. Из 19 раскопанных курганов 13 содержали ямные погребения. В одном из них обнаружены остатки четырехколесной деревянной повозки [162].

Начиная с 60-х годов на всей территории Северного Причерноморья в связи со строительством сети оросительных систем развернули исследования новостроечные экспедиции Института археологии АН Украины, которые дали богатейший материал, относящийся к разным эпохам, в частности по истории степных племен эпохи меди-бронзы.

В Нижнем Побужье и Поингулье с 1966 г. проводят исследования Ингульская и Южно-Бугская новостроечные экспедиции ИА АН Украины под руководством О. Г. Шапошниковой и Г. Т. Ковпаненко. О. Г. Шапошниковой получены интересные материалы по синхронизации Триполья и степных энеолитических культур. В Ново-Бугском р-не Николаевской обл.

Ингульской экспедицией раскопано трехслойное поселение Новорозановка на левом берегу р. Ингул, второй (энеолитический) слой которого представлен среднестоговской керамикой, фрагментами трипольской расписной посуды конца развитого этапа VII—CI и двумя сосудами, аналогичными керамике нижнего слоя Михайловского поселения [170, с. 52–66]. Экспедицией раскопано более 100 курганов, наиболее раннюю группу которых составили погребения нижнемихайловского типа. Раскопками обнаружено свыше 60 антропоморфных стел. Некоторые погребения ямной и катакомбной культур были перекрыты остатками деревянных повозок. Наиболее ранними в Побужье зафиксированы кеми-обинские захоронения [169].

Важный вклад в исследование Северо-Западного Причерноморья внесла Днестро-Дунайская экспедиция ИА АН Украины, раскопавшая несколько десятков курганов под руководством Н. М. Шмаглия (1964–1966, 1968–1972) и И. Л. Алексеевой (1972–1976). Результаты первых трех лет раскопок отражены в сборнике "Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра" (1970). Самыми древними в курганах Н. М. Шмаглий и И. Т. Черняков считают усатовские погребения, вслед за ними по времени идут ямные, носители которых, по мнению авторов, проникли в Северо-Западное Причерноморье уже на раннем этапе своей истории. В работе указывается и на своеобразие позднеямных захоронений, проявившееся в характере содержащегося в них инвентаря [175, с. 100–115], и на длительность существования культуры раннего бронзового века в междуречье Днестра – Дуная. В кургане у с. Нерушай обнаружено погребение черепов быков и лошадей. У с. Маяки в 1968 г. обнаружена деревянная четырехколесная повозка, перекрывающая погребение ямной культуры [174]. В 70-е годы наиболее интересным оказалось раскопанное Н. М. Шмаглием и И. Л. Алексеевой энеолитическое захоронение 7 в кургане 1 курганного могильника II у пос. Суворово в Нижнем Подунавье, сопровождавшееся каменным скипетром в виде головы лошади [46].

Раскопки курганов в междуречье Дуная и Днестра продолжили экспедиции Одесского археологического музея АН Украины, Одесского государственного университета и новостроечные экспедиции Института археологии АН Украины – Нижне-Днестровская (1976 г., И. Л. Алексеева), Буго-Днестровская (1979–1980 гг., И. Л. Алексеева); (1979, 1981 гг., И. Т. Черняков), Семеновская (1975–1976 гг., Л. В. Субботин), Ду

Днестровская (1977–1988 гг., Л. В. Субботин), Измаильская (1975 г., Г. Ф. Чеботаренко; 1976–1983 гг., А. В. Гудкова). В курганах обнаружены энеолитические погребения в ямах прямоугольной и овальной формы, погребения усатовской культуры, раннего бронзового века и более позднего времени. На исследованной территории открыто значительное количество антропоморфных стел: у сел Утконосовка, Шевченково, Парাপоры, Семеновка, Кислица, Николаевка, Санжейка и одна стела с гравированными изображениями у с. Старые Трояны (Новоселовка) на берегу оз. Китай. В кургане у с. Семеновка над основным погребением выявлено куполообразное земляное сооружение с уплощенной вершиной [191]. В курганах у с. Ясски обнаружены две деревянные четырехколесные повозки.

На Правобережье Нижнего Поднестровья исследования проводились Суворовской новостроечной экспедицией отдела этнографии и искусствоведения АН МССР под руководством Е. В. Ярового (1976–1980); раскопано около 20 курганов.

В послевоенные годы продолжалось начатое А. В. Добровольским изучение энеолита. А. В. Добровольский установил синхронность энеолитических памятников типа Средний Стог II с Трипольем. В послевоенные годы [1955] В. Н. Даниленко датировал среднестоговские памятники временем развитого [VI] и началом позднего Триполья [42], считая в то же время, что эти памятники представляют собой отдельный культурный тип и являются подосновой сложения восточно-европейских культур шнуровой керамики [42]. Автор предложил свою концепцию о двух линиях развития степного азово-черноморского энеолита [43].

В 1957 г. С. Н. Бибиков, В. Н. Даниленко и Е. Ф. Лагодовская впервые в историографии представляли развернутый очерк истории медного века Украины [103, с. 53–74]. В докладе на пленуме Института археологии АН УССР в 1958 г. В. Н. Даниленко назвал волго-каспийский ареал эпицентром сложения ямной этнокультурной общности, где развитие шло эволюционным путем. В более западных районах – в Поднепровье и Побужье ямная культура развивалась, по его мнению, в виде ряда последовательных фаз-волн, пришедших из Прикаспия.

Т. Г. Мовша в статье "О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века" на основании данных А. В. Добровольского, В. Н. Даниленко, А. В. Водянского поставила вопрос о среднестоговском варианте в соста-

ве трипольской культуры развитой поры. Касаясь характера взаимоотношений племен развитого Триполья (VI) и степных скотоводческих племен, Т. Г. Мовша пришла к выводу, что на данном этапе эпохи энеолита в Северном Причерноморье происходит процесс скрещивания и взаимной ассимиляции трипольского населения и племен ямной культуры. Автор считает, что в сложении ямной культуры принимало участие несколько компонентов, среди которых решающая роль принадлежала среднестоговским памятникам. Эта же культура (ее наиболее характерные черты – курганы, кромлехи, каменные заклады и др.) и памятники нижнего слоя Михайловки, по мнению исследовательницы, имели важное значение в сложении усатовской культуры. В дальнейшем Т. Г. Мовша подчеркивает усилившиеся связи позднетрипольских племен со среднестоговскими [107, с. 186–199], указывая на степное происхождение в Триполье так называемой кухонной керамики с примесью измельченных раковин и приемов ее орнаментации. Благодаря находкам импортов среднестоговской керамики в трипольских поселениях фазы Кукутени А–В, Т. Г. Мовша синхронизирует последние со Средним Стогом II [108]. Памятники нижнего слоя Михайловки она считает одновременными Триполью этапа VII–СІ, с одной стороны, и ранней фазе майкопской культуры – с другой.

О. Г. Шапошникова утверждает, что памятники нижнемихайловского типа развились и сложились под влиянием северо-кавказских энеолитических культур и свидетельствуют об особом пути развития племен [168].

Д. Я. Телегин, изучая материалы поселения Александрия на Харьковщине, пришел к выводу, что в основе ямной культуры лежит местная, днепро-донецкая, объединившаяся с пришлой, среднестоговской культурой, проникшей с юго-востока. Таким образом, предшествующими ямным памятникам Д. Я. Телегин считает материалы поселения нижнего слоя Михайловки, погребения типа Осокоровки, Грушевки, Баратовки и объединяет их в культуру памятников нижнемихайловского типа, которая занимала территорию от Нижнего Подонья до Дуная. Характерными чертами этой культуры автор считает особенности погребального обряда (ямы овальной формы, каменные ящики, антропоморфные стелы, наличие кусков охры в погребениях) и инвентаря (остродонная и плоскодонная керамика разных форм с примесью мелко-толченых раковин в глине, позднетрипольские статуэтки

и др. [145]. В статье "Об абсолютном возрасте ямной культуры", основываясь на радиоуглеродных датах, Д. Я. Телегин датирует ямные памятники XXV–XIX вв. до н. э. [148, с. 25–27].

Большой работой, обобщающей материалы по исследуемой проблеме, явилась докторская диссертация Н. Я. Мерперта, в которой автор рассматривает ямную культуру как древнейшую культурно-историческую область в степной полосе Восточной Европы, распространившуюся от Южного Приуралья до Дуная в виде ряда локальных групп, формирующихся на единой экономической основе и прошедших в своем развитии четыре этапа [100]. Н. Я. Мерперт подчеркивает существование сложных и длительных связей древнеямного населения Северного Причерноморья с народами Балканского пояса в раннем бронзовом веке, о чем свидетельствует, по его мнению, наличие памятников мариупольского типа в Трансильвании (Дечия Мурешулуй), архаичных древнеямных погребений в Болгарии (Енджи) и Македонии (Суводол) [99, с. 3–21]. В границах древнеямной культурно-исторической области Н. Я. Мерперт выделяет шесть территориальных вариантов, которые в свою очередь разбиты на районы, включающие определенное количество хронологических групп. Древнеямные погребения в Северо-Западном Причерноморье (а именно в междуречье Южного Буга – Днестра – Дуная) Н. Я. Мерперт на основе материалов тираспольских курганов из раскопок Стемповских относит к особому "юго-западному варианту", все погребения которого по положению скелета и ориентировке он подразделяет на четыре группы и концентрирует их в определенных районах. Первую безынвентарную группу Н. Я. Мерперт считает "общедревнеямным горизонтом", определяя ее предшествующей усатовской культуре и "сыгравшей определенную, решающую роль в ее формировании". Исследователь так же, как и В. Н. Даниленко, считает, что развитие ямной культурно-исторической области в ее юго-западном варианте происходило с перерывами в отличие от более восточных областей, где сложение культуры носило эволюционный характер. Указывает Н. Я. Мерперт и на активные контакты между ямными и усатовскими племенами.

Подобных взглядов (с небольшими отклонениями) придерживается американская исследовательница М. Гимбутас. "Курганную культуру" она делит на четыре этапа: Михайловка I, Средний Стог II, Михайловка II и Михайловка III [203, с. 91–98]. В отличие от Н. Я. Мерперта М. Гимбутас считает,

что распространение ямной ("курганной", по Гимбутас) культуры из восточных и юго-восточных степей происходило на втором этапе ее развития. Распространение "курганного народа", по мнению автора, привело к индоевропеизации большей части Европы [204; 205]. Первоначально М. Гимбутас считала этот процесс кратковременным и датировала его началом II тыс. до н. э., а именно 2300–2000 гг. до н. э. В последней работе она указывает на четыре большие волны проникновения "степных пастухов", датируемые соответственно: 1) 4400–4300 гг. до н. э.; 2) 3400–3200 гг. до н. э.; 3) 3000–2800 гг. до н. э. и 4) 2500–2200 гг. до н. э., где первую представляет ранний Средний Стог, вторую – поздний Средний Стог, третью – Михайловка I–Усатово и четвертую – ямная культура [205].

В книге "Энеолит Украины", вышедшей в 1974 г., В. Н. Даниленко освещает сложение основных энеолитических этнокультурных областей Восточной Европы – трипольской и древнеямной. Дана развернутая картина многоступенчатого процесса формирования ямной этнокультурной области, проходящей в своем развитии семь фаз, каждой из которых соответствует определенный характер погребального обряда и инвентаря. Особое место занимают проблемы азово-черноморского ареала. Автор указывает на параллельную ямной и переплетающуюся с ней азово-черноморскую линию развития, оказывающую заметное влияние на трипольскую культуру. Характерной чертой азово-черноморского энеолита В. Н. Даниленко считает появление всадничества и связанный с этим явлением поворотный момент в истории степного энеолитического населения Восточной Европы [45, с. 62].

Определенный интерес представляет хронологическая система энеолита – бронзового века Юго-Восточной Европы, предложенная В. А. Софроновым [137, с. 13–15], в которой наиболее древние степные памятники Северо-Западного Причерноморья (Кайнары, Суворово) синхронизируются с Трипольем VI и Гумельницей; в Поингулье, Поднепровье и Подонье – с древнейшей фазой (I-a) среднестоговской культуры; в Приазовье – с Мариупольским могильником. Весь этот энеолитический этап (2-й, по Софронову) датируется автором рубежом IV–II тыс. до н. э. III и IV этапы энеолита, характеризующиеся в Прутско-Днестровском междуречье Трипольем VI–VII, включают неопределенные, на наш взгляд, "памятники древнеямного облика" и "древнеямные комплексы", которые синхронны в Поднепровье и Подонье сред-

нестоговским памятникам 1-б и 2-а, а в периодизации Волго-Уралья – первому этапу древнеямной общности (по Мерперту) [137, с. 13–15]. Ранний бронзовый век, разделяемый В. А. Софроновым на три этапа, начинается в Прутско-Днестровском междуречье и Поингулье Трипольем С1–С2, а на более восточных территориях – памятниками кеми-обинского типа и нижнемихайловскими, датировемыми автором XXV–XX вв. до н. э.

Попытку доказать бытование ямной этнокультурной общности, сохранившей без изменений основные черты в западных своих границах, предпринял в последние годы Е. В. Яровой [182]. Автор конструирует типологические таблицы, включающие 55 типов погребений, не учитывая, однако, стратиграфии курганов и таких важных археологических признаков, как форма погребального сооружения, перекрытие могил камнем, деревом, наличие кромлехов, сопровождение могил костями животных, кострищами. Тем не менее, работа представляет интерес для исследователей как сводка последних материалов энеолита – ранней бронзы Прутско-Днестровского междуречья.

В одной из последних работ В. А. Дергачева собран весь известный археологический материал по энеолиту–бронзовому веку Северо-Западного Причерноморья [51], где на широком историческом фоне предлагается его анализ и характеристика выделяемых автором культурных групп. Представленная автором периодизация в основных своих чертах не нова. Так, выделенную нами суворовскую группу он также признает энеолитической и, в свою очередь, предлагает называть суворовской, не аргументируя этот тезис. В. А. Дергачев рассматривает суворовскую группу более широко, включая в нее и другие энеолитические памятники, выделенные нами в утконосовскую группу, отличную от суворовской погребальным обрядом и инвентарем, а главное – овальной в плане формой могильного сооружения. Ранние памятники ямной культуры В. А. Дергачев предлагает включить в днестровскую группу, а поздние – в "буджакскую". Говоря о характере взаимоотношений племен раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья с племенами сопредельных территорий, в частности с населением культур шнуrowой керамики, автор видит в нем определяющее влияние "шнуровиков" на развитие и становление самобытного керамического комплекса днестро-дунайского междуречья.

Свою культурно-хронологическую схему эпохи энеолита–бронзы

Северо-Западного Причерноморья, основанную также на анализе керамического материала курганных памятников, разработал И. Т. Черняков. Главным ее содержанием является своеобразие культуры днестро-дунайского ареала, которое он вместе с Н. М. Шмаглием обосновал в первые годы исследований (1971) курганов. Хронологические рамки "буджакской" культуры, в которую И. Т. Черняков включает позднейшие погребения, являются слишком узкими, что, впрочем, признает и сам автор в последних работах [166].

На основе результатов спектрального и металлографического анализов огромного археологического материала предлагает периодизацию эпохи раннего металла Е. Н. Черных [163; 164]. Ранний бронзовый век он датирует от первой половины III до середины II тыс. до н. э., опуская нижнюю границу до 3500–3400 гг. до н. э. В Балкано-Карпатье и на Юго-Западе СССР, по его периодизации, к раннему бронзовому веку относятся Караново VII, Эзеро, Чернавода I–III, Усатово [164, с. 23–31].

В последние годы памятники, близкие ямной этнокультурной общности, открыты в Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, что и обуславливает неослабевающий интерес зарубежных исследователей к истории степного населения энеолита – бронзы Юго-Восточной Европы. Несколько крупных обобщающих работ переходному периоду от энеолита к раннему бронзовому веку посвятили С. Моринц и П. Роман [212]. Они указывают на раннее проникновение восточных степных элементов в область распространения культуры Гумельница, представленное памятниками с керамикой типа С (с примесью толченой раковины в глине и украшенной отпечатками шнура), и в меньшей степени в область распространения культуры Селькуца (носителей культуры Чернавода I с типом родственной керамики Кукутени С.). Вторая и последняя волны "северопонтийской шнуровой керамики", по мнению авторов, являются усатовскими (Фолтешть I). Переходный период от энеолита к бронзе авторы синхронизируют с концом Трои I, считая его абсолютной датой 2500 г. до н. э. [212, с. 61–73]. Одновременными Трое I авторы считают и энеолитические культуры Гумельницу, Кукутени и Селькуцу. Погребения с аскасами датируются временем существования Фолтешть II, Чернавода II, первых слоев ранней бронзы Эзеро.

Д. Берчу относит первое проникновение носителей погребений с охрой к 2300 г. до н. э. – времени разрушения Трои II –

началу культуры Чернавода [196; 19, с. 333–396]. К этому же периоду (Чернавода–Касимча–Эзеро–Коцофень) автор относит погребения с сосудами типа аскосов.

Е. Комша высказывает предположение, что многочисленные культуры, сменившие Гумельницу в Молдове, Валахии, Олтении, Добрудже и на северо-востоке Болгарии и выступающие под разными наименованиями (Городск-Усатово, Городиштя-Фолтешть, Кукутени Д, Гумельница С и Д, культура погребений с охрой, культура Чернавода), могут представлять одни и те же явления одной эпохи [74, с. 71].

Для нас представляют определенный интерес материалы раскопанного кургана в Бреилице. Н. Харцуки и И. Т. Драгомир делят его древнейшие погребения на три фазы: 1) усатовское погребение, в котором обнаружены расписной трипольский сосуд с крышкой, подвески из кости, имитирующие просверленные зубы оленя, аналогичные найденным в Карбунском кладе, в Арцизе и Десантном, и прямоугольные пластинки из кости, напоминающие по форме пластинки из кабанных клыков Мариупольского могильника; 2) погребение, содержащее сосуд с приподнятой ручкой и украшенный шнуровым орнаментом; 3) погребение, в котором обнаружен сосуд типа аскоса [207, с. 145]. Э. Кондураки датирует погребения в Бреилице и синхронные им погребения в Валя-Лупулуй ранним бронзовым веком [75, с. 71].

На территории современной северо-восточной Болгарии первые курганы с окрашенными охрой, скорченными захоронениями были раскопаны еще в 20–30-е годы Р. Поповым и В. Миковым [104; 121]. Для характеристики эпохи ранней бронзы, отображенной в материалах раскопанных могильников, большое значение имеет исследование многослойных поселений Эзеро, Караново и др. для сопоставления их с хорошо датированными слоями Трои. В последние годы разработка проблем ранней бронзы значительно продвинулась благодаря комплексному применению типологического и стратиграфического методов. Н. Я. Мерперт указывает на отсутствие генетической связи погребений с охрой и автохтонным населением Болгарии, подчеркивая раннее проникновение древнеямных племен на Балканский п-ов [101].

На Международном симпозиуме в Пловдиве, посвященном этногенезу балканских народов, теме взаимоотношений кочевников северо-причерноморских степей и автохтонного балканского населения был посвящен доклад М. Гарашанина [200]. Выясняя причины продвижения степных племен на запад, автор дает объективную оценку их исторической

роли и одной из причин называет стремление к овладению источниками металла [201, с. 22]. Основываясь главным образом на балканских материалах, М. Гарашанин считает продвижение степных элементов на запад хотя и длительным, но единовременным процессом и датирует его 2000 г. до н. э.

Погребения с охрой на территории Венгрии рассматривались Я. Баннер, А. Можолитч и др. [193]. Значительной работой, обобщающей сведения о памятниках раннебронзового века Венгрии, явилась книга Н. Калича "Ранний бронзовый век Северо-Восточной Венгрии" (1968), первый раздел которой посвящен курганным погребениям и памятникам культуры шнуровой керамики. Эта группа материалов рассматривается автором в связи с аналогичными памятниками южнорусских степей, Трансильвании, Восточной Словакии, Восточной и Южной Румынии, Болгарии и Югославии. Материалы раннего бронзового века Н. Калич разделил на две группы, к первой из них он отнес "большие курганы" с несколькими основными погребениями, совершенными большей частью в деревянных конструкциях, принадлежащих "рослым костякам", скорченным на спине или на боку, со скудным инвентарем (височные кольца, бусы из раковин, два сосуда со шнуровым орнаментом), ко второй – курганы меньшего размера, содержащие "погребения с охрой", но имеющие ту же характеристику [198]. Автор объединяет в одну группу погребения всех культур с охрой в Северном Причерноморье (ямную, усатовскую, катакомбную, срубную). Тем не менее, такая работа представляет ценность как сводка курганных погребений Венгрии.

Таким образом, даже кратко ознакомившись с взглядами советских ученых, исследователей балкано-дунайских стран и других зарубежных археологов, можно сделать вывод о том, что проблемы, связанные с историей населения энеолита – раннего бронзового века Юго-Восточной Европы, актуальны.

Значительный вклад в решение этих проблем вносят археологические материалы курганов междуречий Южного Буга – Днестра – Дуная как контактной зоны между Северным Причерноморьем, Балканами и Восточной Европой. Проникновение степных племен на запад во многом определило специфику формирования и исторические судьбы позднейших земледельческо-скотоводческих культур Юго-Восточной Европы. В свою очередь, в степях Северо-Западного Причерноморья в результате многовекового взаимодействия с чуждыми в этническом и хозяйственном плане племенами также происходит культурная трансформация, приведшая к появлению новых культур и культурных групп.

ГЛАВА II

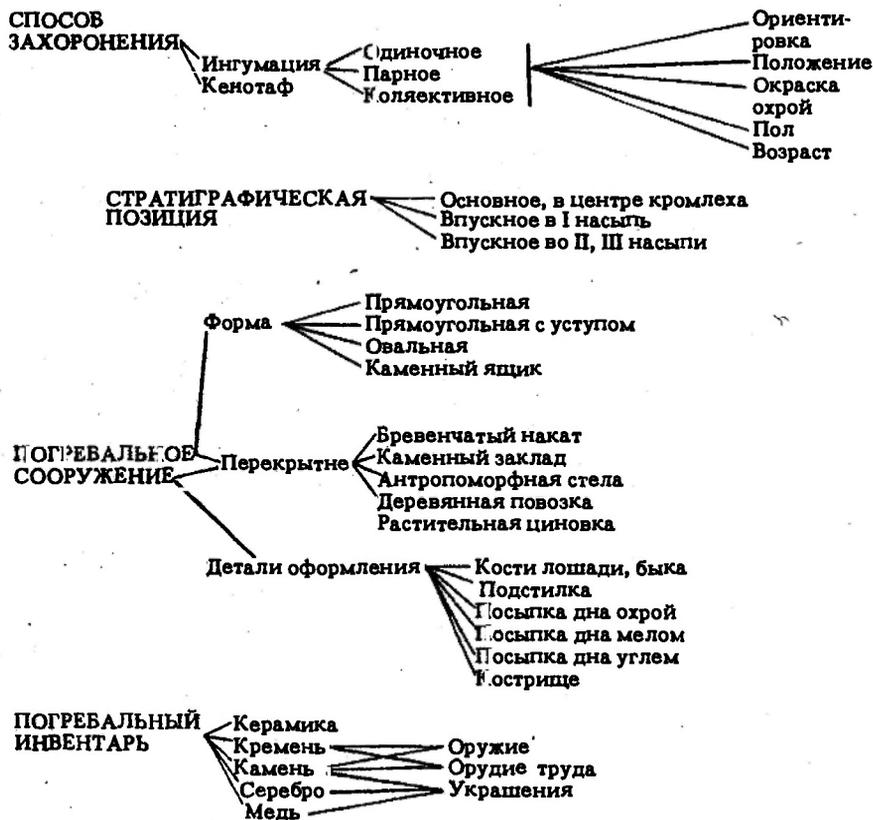
ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ И ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНЫХ ГРУПП ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Основным археологическим источником при изучении степных культур эпохи энеолита – бронзового века Северо-Западного Причерноморья, реконструкции их идеологических представлений, социальной структуры, генетических и этнокультурных связей является погребальный обряд. Курганный обряд возник и господствовал в степях Северо-Западного Причерноморья на протяжении более двух тысячелетий эпохи бронзы. Он является своеобразным этнографическим признаком древнего степного населения и единственным источником для ретроспективных построений. Бытование курганного ритуала на протяжении энеолита – раннего бронзового века (с середины IV до середины II тыс. до н. э.) – значительного исторического отрезка дает большие возможности, для выяснения происхождения культур этого времени, их периодизации, относительной хронологии и особенностей сторон жизни древних скотоводческих племен.

Возможности палеосоциологических реконструкций в настоящее время расширились в связи с массовым притоком новых археологических материалов, вызванным широкими раскопками курганов в зонах строительства оросительных систем. Возникла необходимость систематизации данных погребального обряда, установления зависимости между его деталями и корреляции с выводами стратиграфического анализа.

Так, в процессе изучения памятников энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья было установлено (первоначально в ходе полевых работ), что масса подкурганных захоронений содержит значительную группу энеолитических погребений, представленную двумя разнокультурными массивами, условно названным суворовским и утконо-

совским, которые различаются между собой прямоугольной и овальной в плане формой могильного сооружения и инвентарем; в то же время между ними фиксируется определенная взаимосвязь, обусловленная единством территории и времени бытования. Для полного и последовательного анализа была разработана схема признаков погребального ритуала, согласно которой и предлагается его характеристика.

Изучение стратиграфии курганов показало, что древнейшими в них являются захоронения, связанные с сооружением кромлехов. Погребения внутри кромлехов совершены в ямах прямоугольной и овальной в плане формы, что указывает на их принадлежность носителям двух различных культурных групп. Как показано на схеме (рис. 1, 1), между двумя выявленными разнокультурными группами погребений на

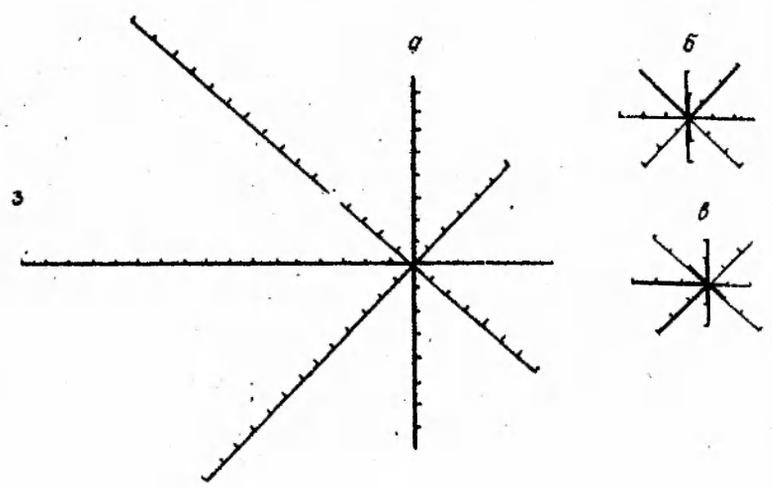
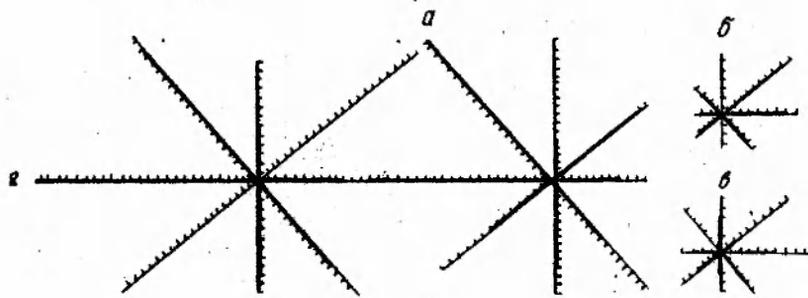
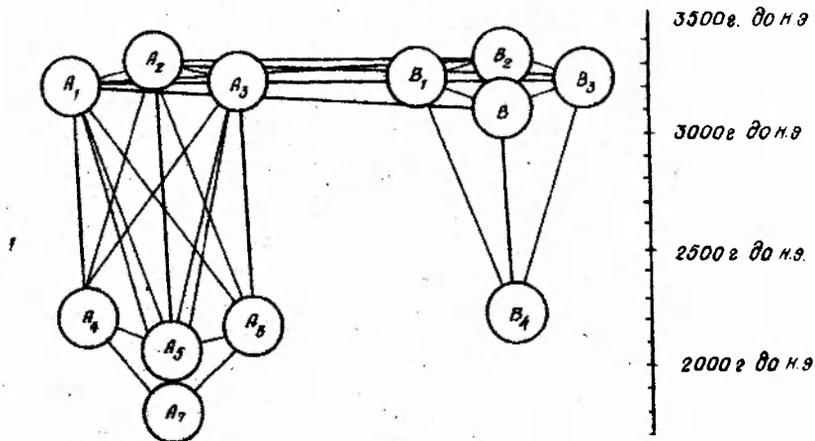
протяжении энеолита существовали определенные связи, проявившиеся в сходных чертах погребального ритуала и частично – инвентаря. С переходом к раннему бронзовому веку эти связи продолжают сохраняться и прослеживаются на материалах днестро-дунайской и усатовской культур.

Ввиду того что основные погребения в курганах могли быть разновременными, при изучении стратиграфии автором за основу принимались центральные захоронения под первоначальными насыпями в многослойных курганах, содержащих не менее трех насыпей с погребениями от энеолита до поздней бронзы. Главные признаки древнейших погребений – кромлехи, каменные заклады и сопровождение центральных захоронений костями животных и кострищем. Впоследствии в выделенную группу включались основные захоронения в ямах овальной и прямоугольной в плане формы, окруженные кромлехами или без них, но под каменными закладами, или с костями лошади, быка, собаки, с кострищем в курганах с двуслойными и однослойными насыпями.

1. Памятники суворовской культурной группы. Погребения в ямах прямоугольной в плане формы отнесены нами к суворовской культурной группе, эпонимом которой взято погребение 7 в кургане 1 Суворовского могильника II у пос. Суворово Измаильского р-на Одесской обл. (Нижнее Подунавье). Архаический возраст погребения и культурная близость его энеолитическим памятникам Северного Причерноморья и Поволжья доказаны на большом археологическом материале [46, с. 3–20].

Погребение 7 было основным в одном из двух небольших курганов, окруженных двойными кромлехами (диаметр *рис. 1. 1* – схема связей суворовской (А) и утконосовской (В) культурных групп в энеолите – раннем бронзовом веке на территории Северо-Западного Причерноморья:

А₁ – основное погребение в яме прямоугольной формы, в центре кромлеха; А₂ – основное погребение в яме прямоугольной формы, под каменным закладом; А₃ – основное погребение в яме прямоугольной формы, сопровождаемое костями животных, кострищем (энеолит); А₄ – впускное погребение в яме прямоугольной формы, перекрытое деревом, камнем, антропоморфной стелой; А₅ – впускное погребение в яме прямоугольной формы с уступом, перекрытое повозкой; А₆ – впускное погребение в каменном ящике; А₇ – впускное погребение во второй и третьей насыпях в яме прямоугольной формы с различным оформлением (ранний бронзовый век); В₁ – основное погребение в яме овальной формы, в центре кромлеха; В₂ – основное погребение в яме овальной формы, под каменным закладом; В₃ – основное погребение в яме овальной формы, сопровождаемое костями животных, кострищем; В – основное погребение в яме овальной формы (энеолит); В₄ – усатовское погребение (поздний энеолит). 2 – диаграммы ориентировок погребенных в ямах прямоугольной формы, перекрытых деревом: а – погребения на спине; б – на левом боку, в – на правом боку. 3 – диаграммы ориентировок погребенных в ямах прямоугольной формы с уступами: а – погребения на спине, б – на левом боку, в – на правом боку

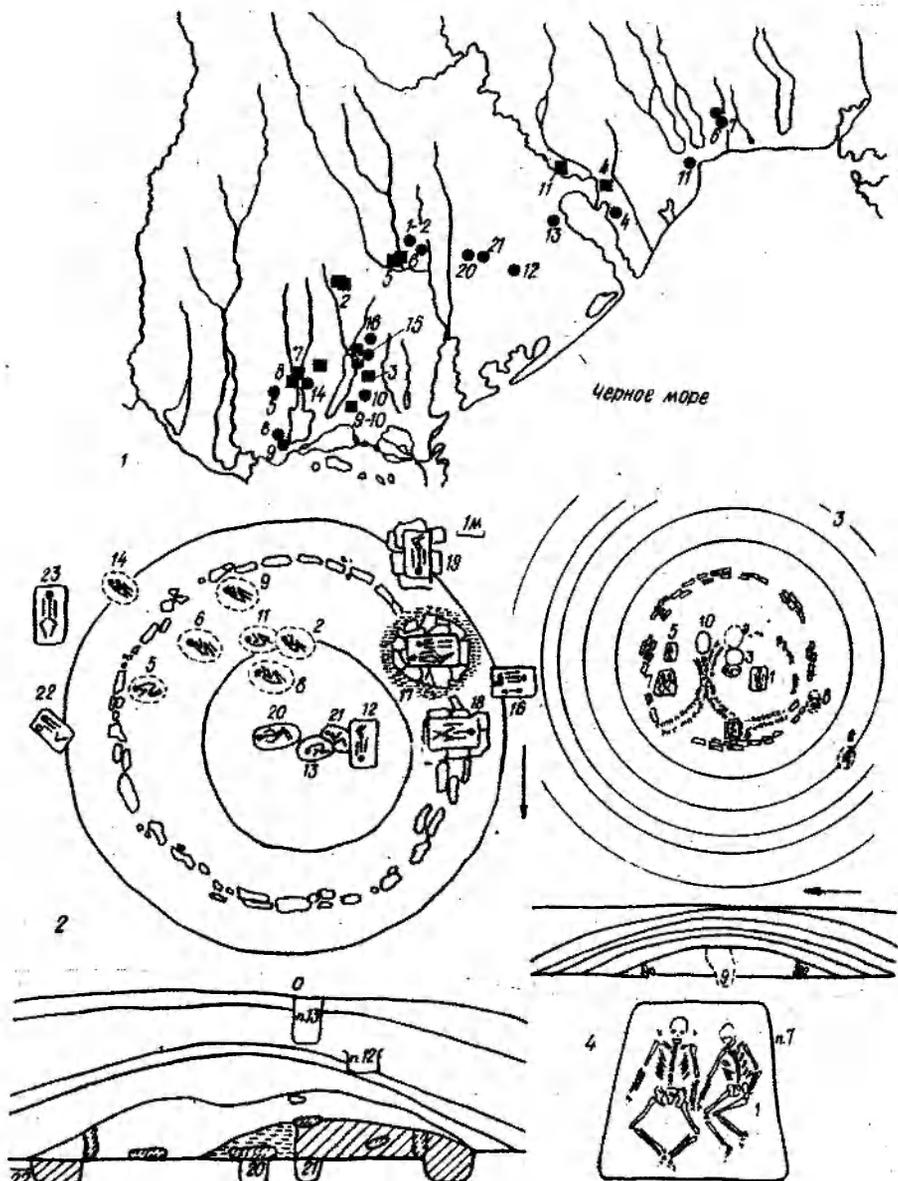

Рис. 2. 1 – карта распространения памятников суворовской и утконосовской групп в Северо-Западном Причерноморье; 2 – кург. 1, общий план и профиль, г. Арциз Одесской обл.; 3 – кург. 1 (второй Суворовский кург. м-к), общий план и профиль (Измаильский р-н, Одесская обл.); 4 – кург. 1, погр. 7, второй Суворовский м-к

5,5–6 м), соприкасающихся наружными сторонами и находящихся в основании кургана больших размеров (рис. 2, 3). Большой круг был кромлехом, составленным из массивных плит, поставленных на ребро. Диаметр большого кромлеха 13 м, размеры плит 0,85х0,65х0,25; 1х0,7х0,3 м и др. Меньшие кромлехи были выложены мелкими необработанными камнями. Сложены они по единому строительному принципу, выявлены на одинаковой глубине, что указывает на их одновременность.

Погребение 7 находилось в яме прямоугольной, слегка трапезиевидной формы, размером 1,7х1,4х2х0,4 м. На дне ямы выявлены два скелета, лежащие головами на восток (рис. 2, 4; 3, 4). Первый из них, очевидно, мужской, лежал на спине с вытянутыми вдоль туловищами руками и согнутыми ромбом ногами. Слева от черепа найден кусок угля со следами охры, возле правой ключицы – кремневая ножевидная пластина длиной 12 см, рядом с ней – медное шило, круглое в сечении 0,2 см, длиной 12,5 см, а также кремневая ножевидная пластина меньших размеров. На тазовых костях был найден каменный скипетр в виде головы лошади (рис. 3, 1; 4, 2).

Второй скелет, очевидно женский, лежал слева, почти на правом боку (как бы обращен в сторону первого), со слегка подогнутыми ногами. Руки незначительно согнуты в локтях, кисть левой лежит на тазовых костях, рядом с ней – кремневая ножевидная пластина и медное шило меньших по сравнению с предыдущими размеров. Правая рука направлена к кисти левой руки первого скелета. Рядом с ней лежало комбинированное орудие в виде концевого кремневого скребка с ретушью, заходящей на края. Орудие имеет следы пребывания в огне. На тазовых костях второго скелета найдены остатки пояса, составленного из подвесок, выточенных из створок раковин уню, а на шейных позвонках – низка бус из таких же подвесок меньших размеров (рис. 3, 2).

В эту же группу входят основные курганные захоронения, совершенные в тщательно обработанных ямах прямоугольной формы с каменными закладами. Ямы часто перекрыты растительной циновкой, деревянным накатом, поверх которого, как правило, укладывались массивные, грубо обработанные плиты известняка: средний размер 1,8х0,9х0,3 м (рис. 3, 5, 6), вес около 0,5 т. Иногда вместо плит над погребением сооружался каменный заклад из блоков или камней разной величины. Дно погребальной ямы посыпалось мелом, охрой

(иногда вместо порошка охры или вместе с ним в могилу клали крупные куски охры). Все без исключения погребенные лежали в скорченном положении на спине, ноги согнуты в коленях влево, вправо, распались "ромбом", руки вытянуты вдоль туловища, иногда кисть одной из них лежит на тазовых костях или на животе. Скелеты обильно окрашены охрой, особенно черепа, кисти рук и стопы ног, иногда рядом с черепом находятся куски охры, часто в погребениях одновременно встречается охра разных оттенков и цвета (лиловая, алая, желтая, бурая, розовая, малиновая). Ориентировка погребений восточная и западная с преобладанием последней.

Средние размеры насыпей над ямами прямоугольной в плане формы в центре кромлехов: высота 1,7 м, диаметр 27,6 м (рис. 12, 4). Диаметр кромлехов варьирует от 3—4 до 35 м. Некоторые погребения сопровождаются кострищами, расположенными на уровне древней поверхности на некотором расстоянии от человеческого погребения или над ним, а также захоронением костей животных.

Рассмотрим погребения суворовской культурной группы, выделяющиеся наиболее выразительными особенностями погребального обряда и инвентаря.

Так, древнейшее захоронение рассматриваемого типа обнаружено в основании одного из двух небольших курганов, которые, в свою очередь, были перекрыты одной общей насыпью кургана 1 и больших размеров, у с. Петродолинское Овидиопольского р-на Одесской обл. Погребение 14 было перекрыто каменным завалом. Размер погребальной ямы прямоугольной в плане формы 1,8x1,1x1 м. Скелет лежал на спине, головой на юго-запад-запад. Руки слегка согнуты в локтях и вытянуты вдоль туловища. Кости густо окрашены охрой. Дно ямы обильно посыпано мелом. Над двумя первоначальными древнейшими курганами впоследствии были совершены еще три досыпки, в которые впущены погребения раннего, среднего и позднего бронзового века. Общая высота кургана достигала 2,6 м, диаметр — 50 м.

У с. Дальник Беляевского р-на в кургане 1 высотой 1,9, диаметром 40 м основное погребение 7 и два впускных (5 и 6) в первоначальную насыпь кургана были совершены в ямах прямоугольной формы и перекрыты каменными закладами из массивных известняковых плит. Погребение 5, перекрытое плитами, содержало окрашенный охрой скелет, лежащий в скорченном положении на спине, головой на север. Дно могилы посыпано мелом. Погребение 6 имело

углубления по углам dna ямы. Скелет, обильно окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на восток, руки вытянуты вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, ноги согнуты влево (рис. 22, 4, 5).

Основное погребение 7 находилось в яме прямоугольной формы размером 1,4x0,8x0,6 м, перекрытой каменными плитами. По углам dna ямы обнаружены круглые в плане углубления диаметром 5 и глубиной 7–9 см. Скелет плохой сохранности, обильно окрашенный охрой и мелом, лежал в скорченном положении на спине, головой на запад.

Основное погребение 9 суворовской культурной группы обнаружено в кургане 2 высотой 3,9, диаметром 50 м у с. Дальник Беляевского р-на. Оно находилось в яме прямоугольной формы размером 1,9x1x1,1 м, перекрытой массивным каменным завалом из крупных блоков известняка разных размеров, грубо обработанных. Скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на восток (рис. 14, 3). Dно ямы и скелет обильно окрашены охрой и мелом. Насыпь кургана была единственной и состояла из чернозема. Впускными в курган были погребения раннего бронзового века и культуры многоваликовой керамики.

Дополняет группу захоронений суворовского типа основное погребение 4 в кургане 1 высотой 1,15, диаметром 30 м у с. Новая Долина Овидиопольского р-на. Захоронение обнаружено в яме прямоугольной формы размером 1,8x1,1x0,9 м, перекрытой каменным закладом из четырех плит, средний размер которых 1,2x1x0,3 м (рис. 3, 6). По углам dna ямы выявлены круглые в плане углубления диаметром 5, глубиной 7 см, конической в профиле формы. Обильно окрашенный охрой (особенно кости черепа и таза) скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад. Руки слегка согнуты в локтях и вытянуты вдоль туловища, ноги значительно согнуты вправо. Впускными в насыпь кургана были погребения раннего и позднего бронзового века.

Одно из наиболее ранних погребений данной группы было обнаружено в кургане 6 Ясского курганного могильника в Беляевском р-не. Курган высотой 1,4, диаметром 30 м был сооружен над ярусным погребением 6–7 в яме прямоугольной формы размером 1,65x0,95x0,8 м под каменным закладом (рис. 8, 1, 2). Первый скелет лежал на дне могилы на спине, головой на северо-восток, ноги согнуты влево, правая рука слегка согнута в локте и вытянута вдоль туловища. У плечевой кости правой руки обнаружены три куска охры. Скелет

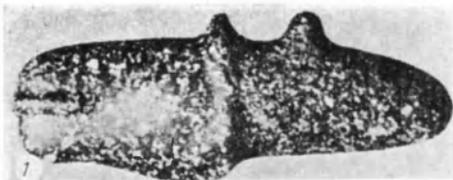

Рис. 3. 1—2, 4 — кург. 1, погр. 7, второй кург. м-к, пос. Суворово; 3 — кург. 2, основное погр. 6, с. Островное; 5 — кург. 1, второй кург. м-к у с. Червоный Яр (Измаильский р-н), каменный заклад над погребением; 6 — кург. 1, погр. 4, с. Новая Долина (Овидиопольский р-н), каменный заклад над основным погребением.

Рис. 8. 1—2 — кург. 6, кромлех, Ясский кург. м-к.

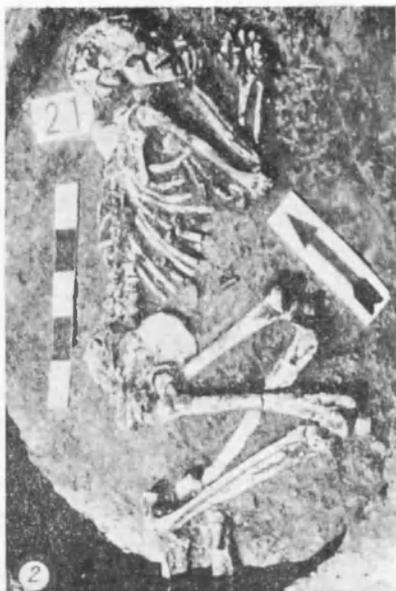

Рис. 9. Погребения утконосовской культурной группы:
1, 2 — кург. 1, г. Арциз; 3 — кург. 1, с. Новокаменка (Измаильский р-н).

7

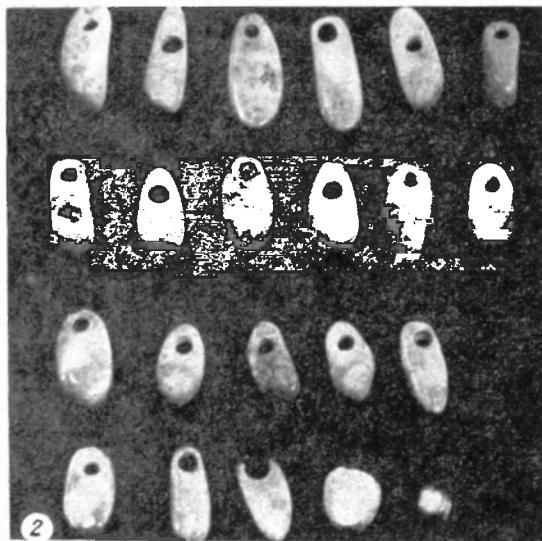

Рис. 10. Украшения из молочных зубов оленя в погребениях утконосовской культурной группы:
 1 — кург. 1, погр. 20, г. Арциз; 2 — кург. 1, погр. 17, с. Десантное (Килийский р-н).

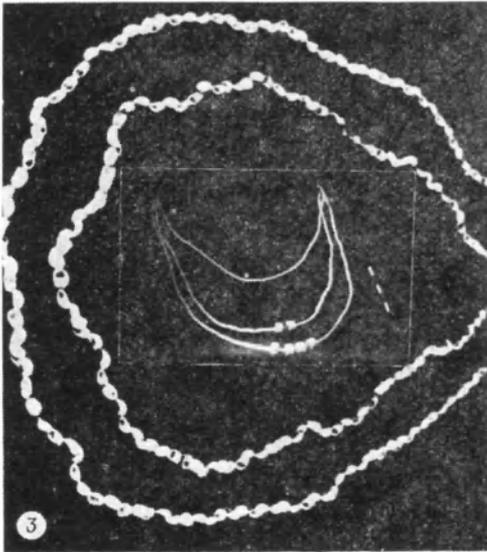
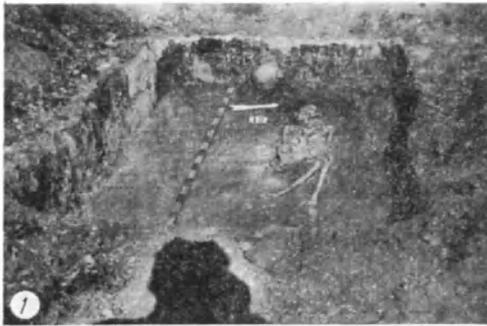

Рис. 11. 1 — кург. 2, погр. 12, с. Островное; 2 — кург. 1, погр. 6, с. Червоный Яр I, известняк; 3 — кург. 2, погр. 3, с. Утконосовка, раковина, кость; 4 — кург. 1, погр. 6, с. Червоный Яр I, известняк; 5 — Усатово, зубы оленя.

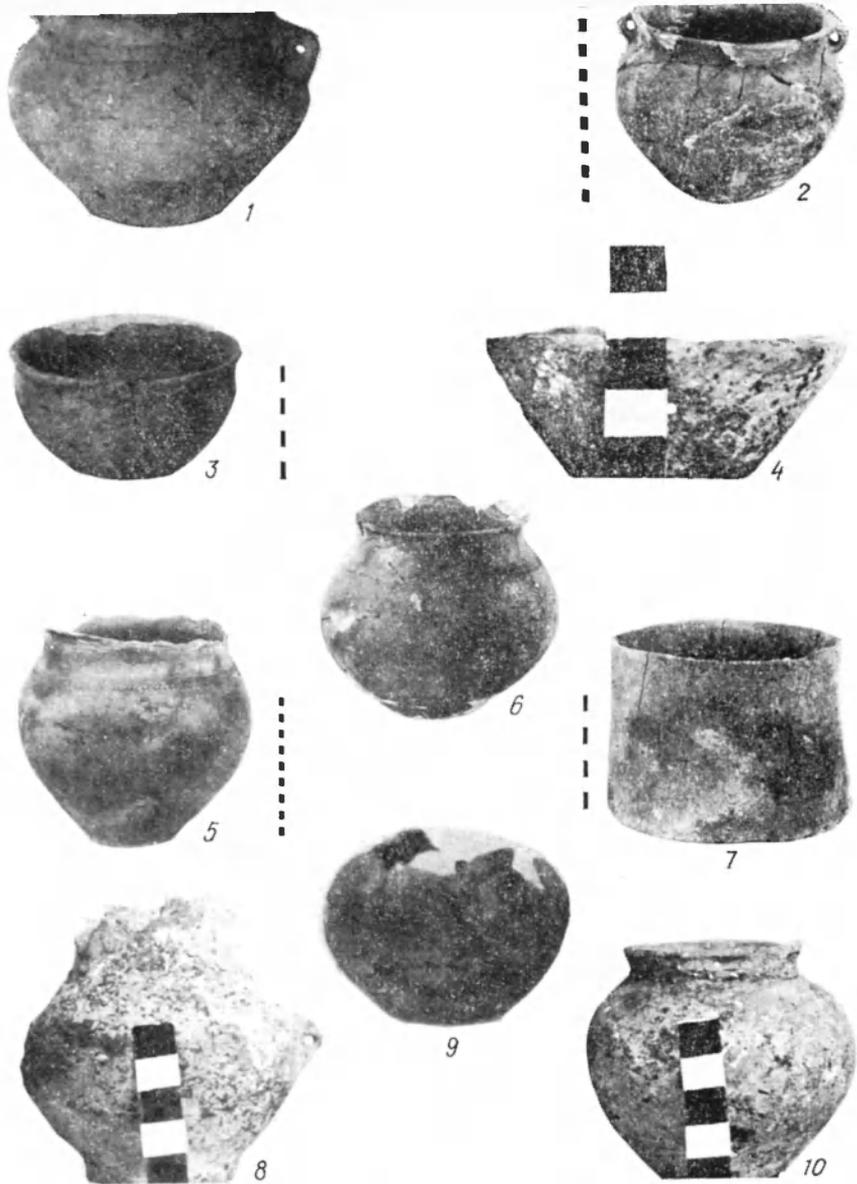

Рис. 13. Керамика (1—7, 9—10) усатовских погребений в курганах Нижнего Поднестровья; 8 — сосуд утконосовского типа:
 1 — кург. 1, погр. 8, с. Николаевка (Овдинопольский р-н); 2 — кург. 2, погр. 5, с. Николаевка; 3 — кург. 2, погр. 4, с. Николаевка; 4 — кург. 1, погр. 4, с. Яски; 5 — кург. 2, погр. 4, с. Николаевка; 6 — кург. 2, погр. 5, с. Николаевка; 7 — кург. 2, погр. 4, с. Николаевка; 8 — кург. 1, погр. 16, с. Яски; 9 — кург. 1, погр. 14, с. Яски; 10 — кург. 1, погр. 5, с. Яски.

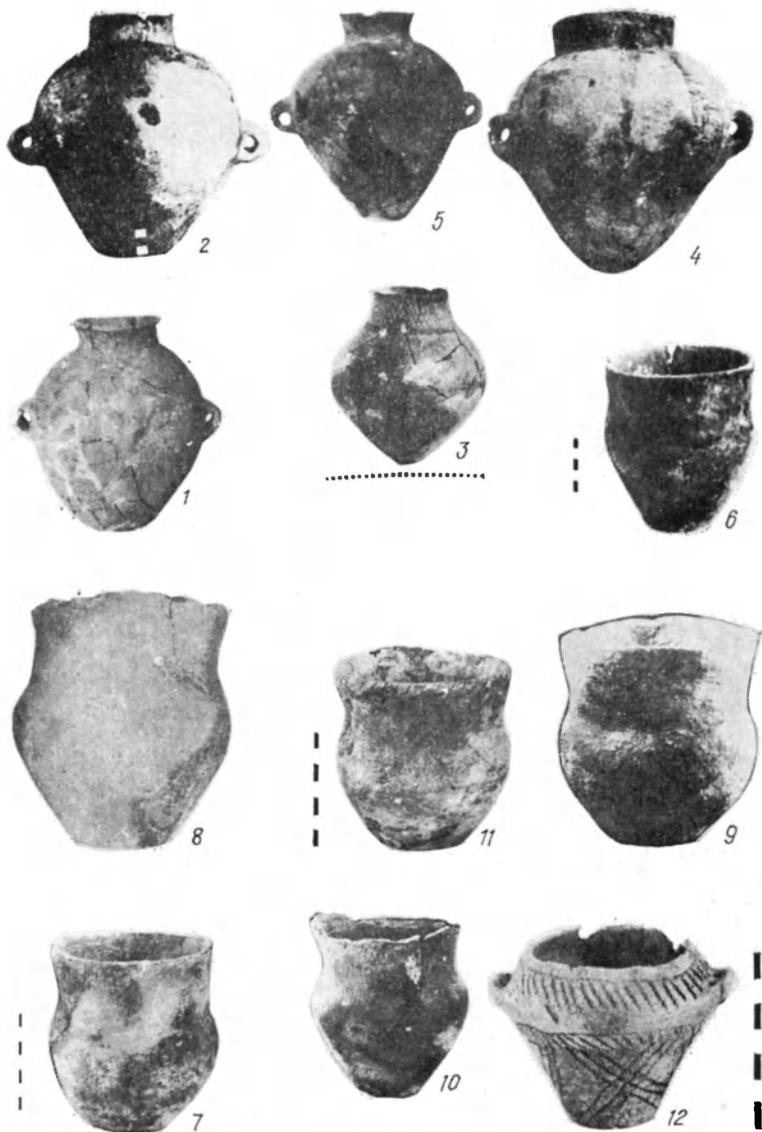

Рис. 15. Керамика днестро-дунайской культуры (1—2, 5—12), 3 — Усатово, 4 — Белозерка:

1 — кург. 10, погр. 7, с. Надлиманское; 2 — кург. 2, погр. 12, с. Островное; 3 — Усатово; 4 — Белозерка; 5 — кург. 5, погр. 26, с. Яски; 6 — кург. 8, погр. 26, с. Плавни; 7 — кург. 1, погр. 16, с. Яски; 8 — кург. 1, с. Червоный Яр I, в насыпи; 9 — кург. 1, погр. 32, с. Беляевка; 10 — кург. 5, погр. 24, с. Яски; 11 — кург. 1, погр. 14, с. Огородное II (Болградский р-н); 12 — кург. 6, погр. 14, с. Яски.

*Рис. 17. Керамика днестро-дунайской культуры. Кубки:
1 — кург. 1, с. Каменка, в насыпи; 2 — кург. 1, погр. 12, с. Мирное (Бляевский р-н); 3 — кург. 9, погр. 17, с. Ефимовка; 4 — кург. 2, погр. 8, с. Глубокое; 5 — кург. 7, погр. 2, с. Виноградовка (Аринзский р-н); 6 — кург. 7, погр. 12, с. Баштановка (Татарбунарский р-н).*

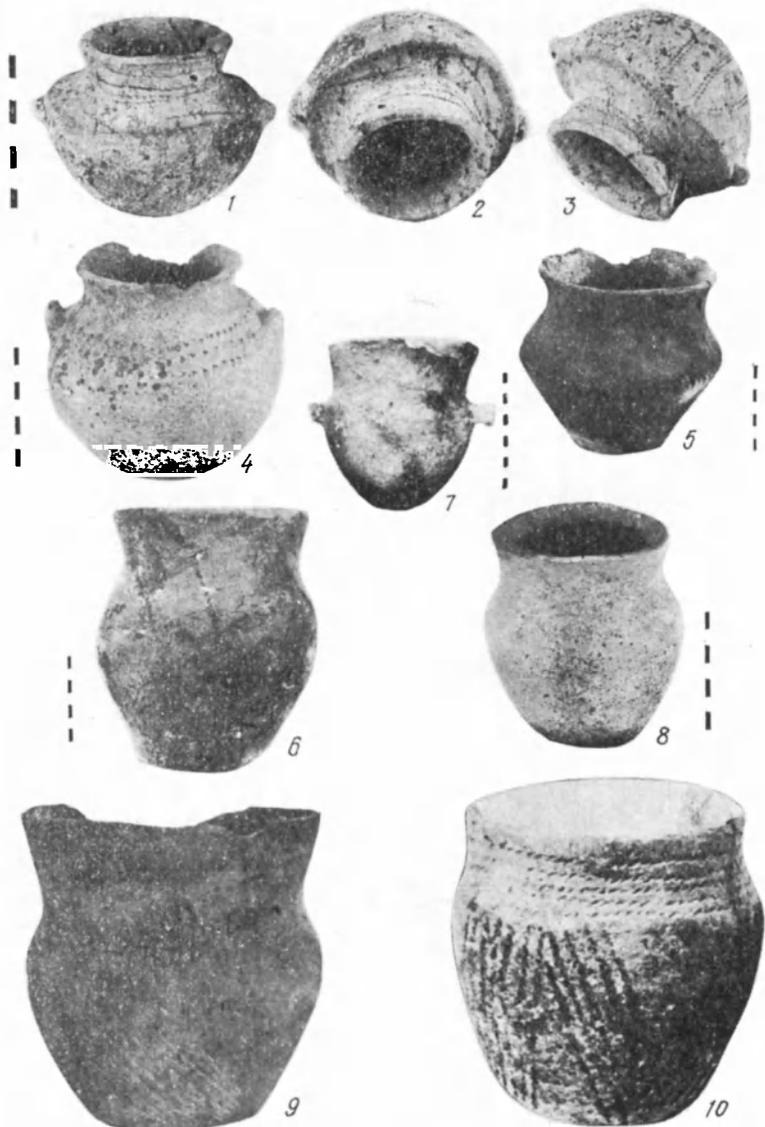

Рис. 19. Керамика днестро-дунайской культуры:

1 — кург. 1, погр. 5, с. Новокаменка; 2 — кург. 1, погр. 14, с. Новокаменка; 3 — кург. 1, погр. 5, с. Новокаменка; 4 — кург. 2, погр. 14, с. Ефимовка; 5 — кург. 8, погр. 10, с. Николаевка; 6 — кург. 1, погр. 5, с. Петродолинское; 7 — кург. 1, погр. 13, с. Новокаменка; 8 — кург. 8, погр. 10, с. Николаевка; 9 — кург. 87, погр. 1, с. Парканы, Молдова; 10 — кург. 7, погр. 21, с. Баштановка.

Рис. 20. 1 — погребение с четырехколесной повозкой. кург. 1, погр. 18, Ясский курганный м-к; 2 — погребение с амфорой — кург. 2, погр. 12, с. Островное.

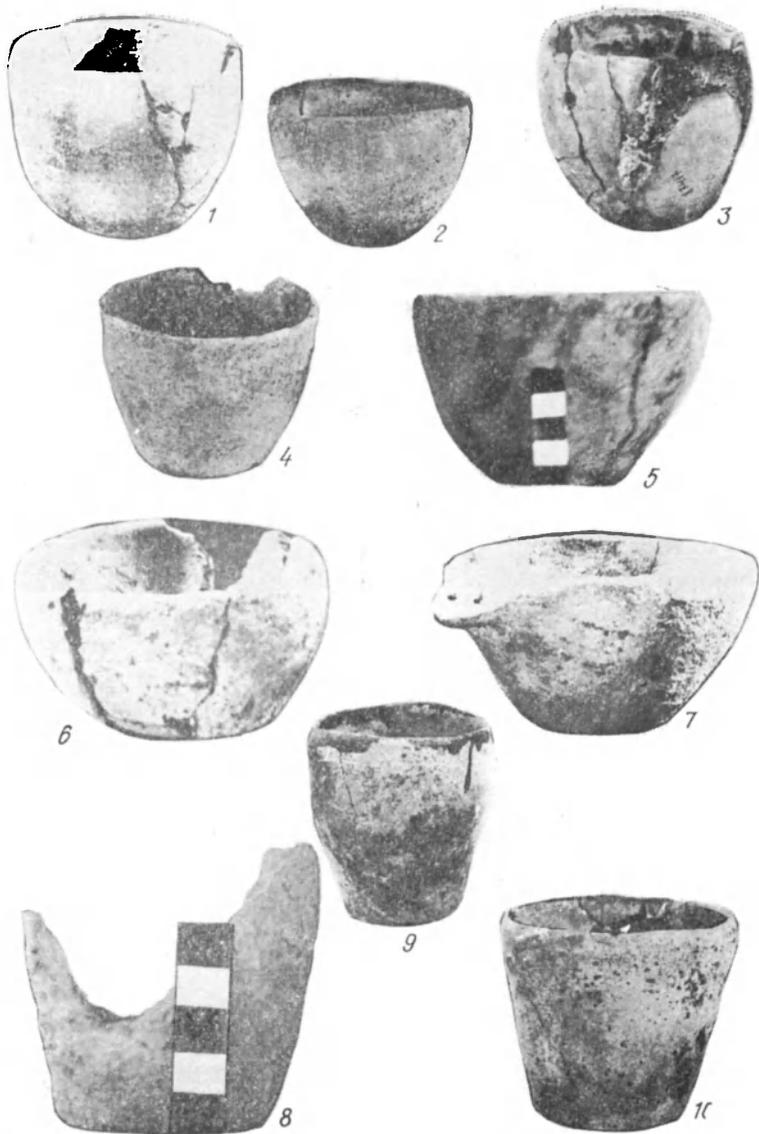

Рис. 23. Керамика днестро-дунайской культуры. Чашки. Банковидные сосуды: 1 — кург. 1, погр. 34, с. Беляевка; 2 — кург. 8, погр. 11, с. Николаевка; 3 — кург. 1, погр. 9, с. Мирнос; 4 — кург. 1, погр. 3, с. Петродолнское; 5 — кург. 2, погр. 10, с. Яски; 6 — кург. 1, погр. 27, с. Беляевка; 7 — кург. 1, погр. 20, с. Беляевка; 8 — кург. 1, погр. 1, с. Яски; 9 — кург. 1, погр. 22, с. Арциз; 10 — кург. 1, погр. 1, с. Новая Долина.

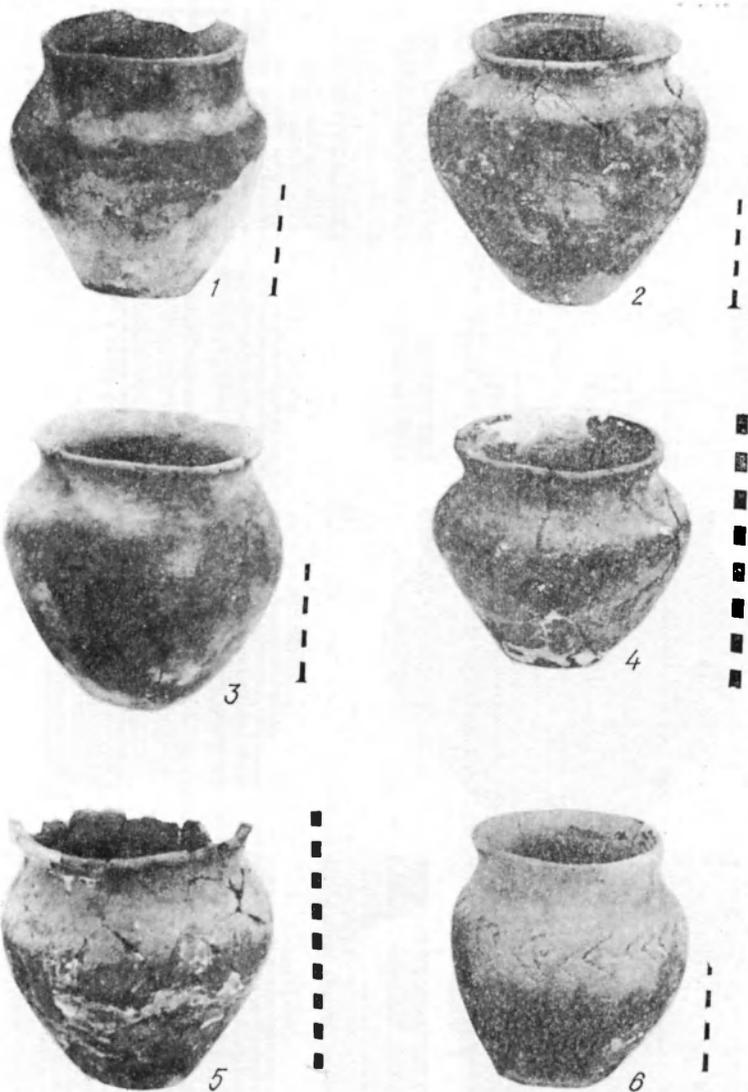

Рис. 24. Керамика днестро-дунайской культуры. Горшки:
 1 — кург. 8, погр. 8, с. Николаевка; 2 — кург. 1, погр. 6, с. Червоный
 Яр I; 3 — кург. 3, погр. 10, с. Ефимовка; 4 — кург. 1, погр. 5, с. Ново-
 каменка; 5 — кург. 4, погр. 4, Болград.

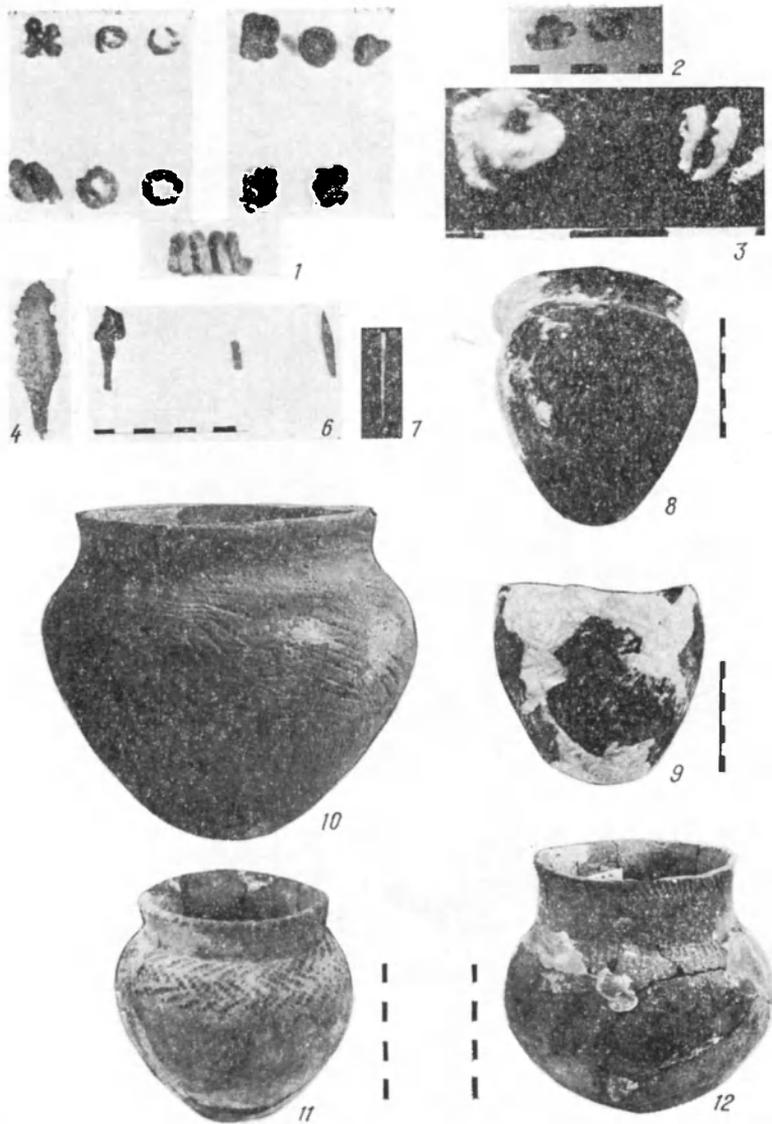

Рис. 26. Инвентарь погребений днестро-дунайской культуры:
 1 — кург. 2, погр. 11, с. Богатое; кург. 1, погр. 5, с. Утконосовка; кург. 2, погр. 6, с. Островное; кург. 1, погр. 4, с. Каменка; 2 — кург. 5, погр. 22, с. Яски; 3 — кург. 6, погр. 1, с. Утконосовка; 4 — кург. 2, погр. 2, с. Яски; 5 — кург. 2, погр. 10, с. Богатое; 6 — кург. 1, погр. 11, с. Новокаменка; 7 — кург. 2, погр. 17, с. Богатое; 8 — кург. 3, погр. 1, с. Дальник; 9 — кург. 3, погр. 3, с. Дальник; 10 — кург. сосуд из фондов ОАМ; 11 — кург. 1, погр. 1, с. Черноморка; 12 — кург. 1, погр. 6, с. Каменка; 1—7 — металл, 8—12 — керамика.

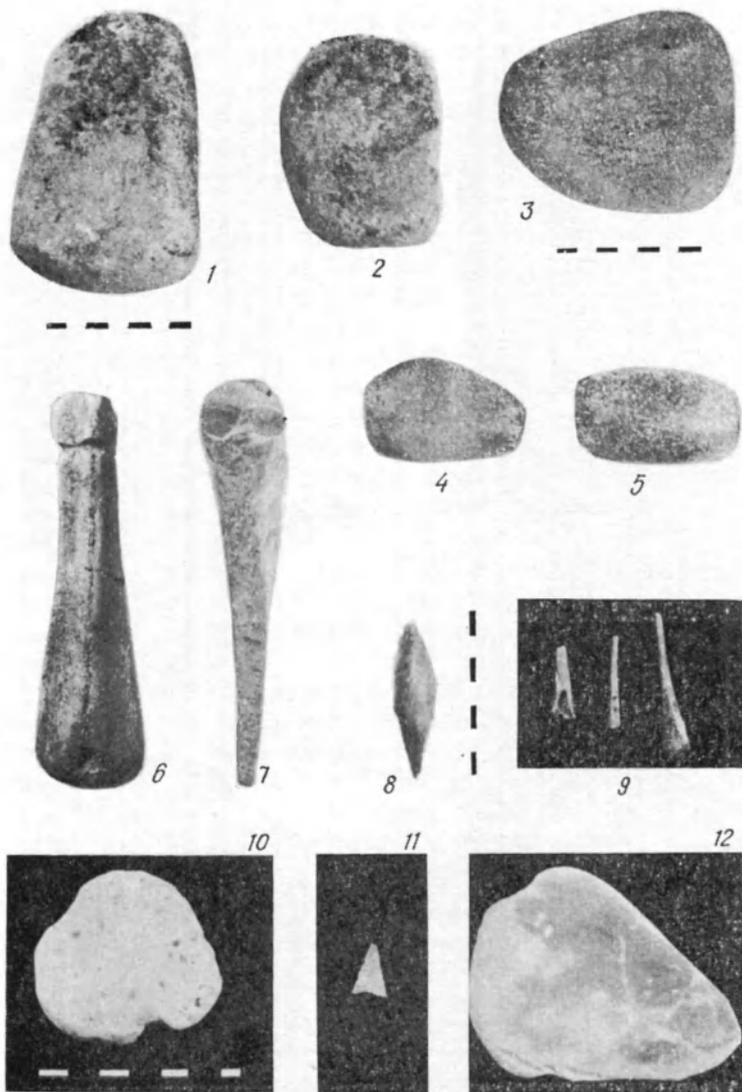

Рис. 27. Инвентарь погребений днестро-дунайской культуры:
 1 — кург. 1, погр. 3, с. Мирное (Килийский р-н); 2 — кург. 3, погр. 12, с. Шевченково (Килийский р-н); 3 — кург. 1, погр. 5, с. Мирное (Беляевский р-н); 4 — кург. 1, погр. 4, с. Новокаменка; 5 — кург. 1, погр. 18, с. Яски; 6 — кург. 9, погр. 10, с. Надлиманское; 7 — кург. 1, погр. 1, с. Каменка, 8 — кург. 1, погр. 6, с. Червоный Яр I; 9 — кург. 1, погр. 14, с. Яски; 10 — кург. 1, погр. 18, с. Яски; 11 — кург. 2, погр. 10, с. Богатое; 12 — кург. 1, погр. 16, с. Десантное.

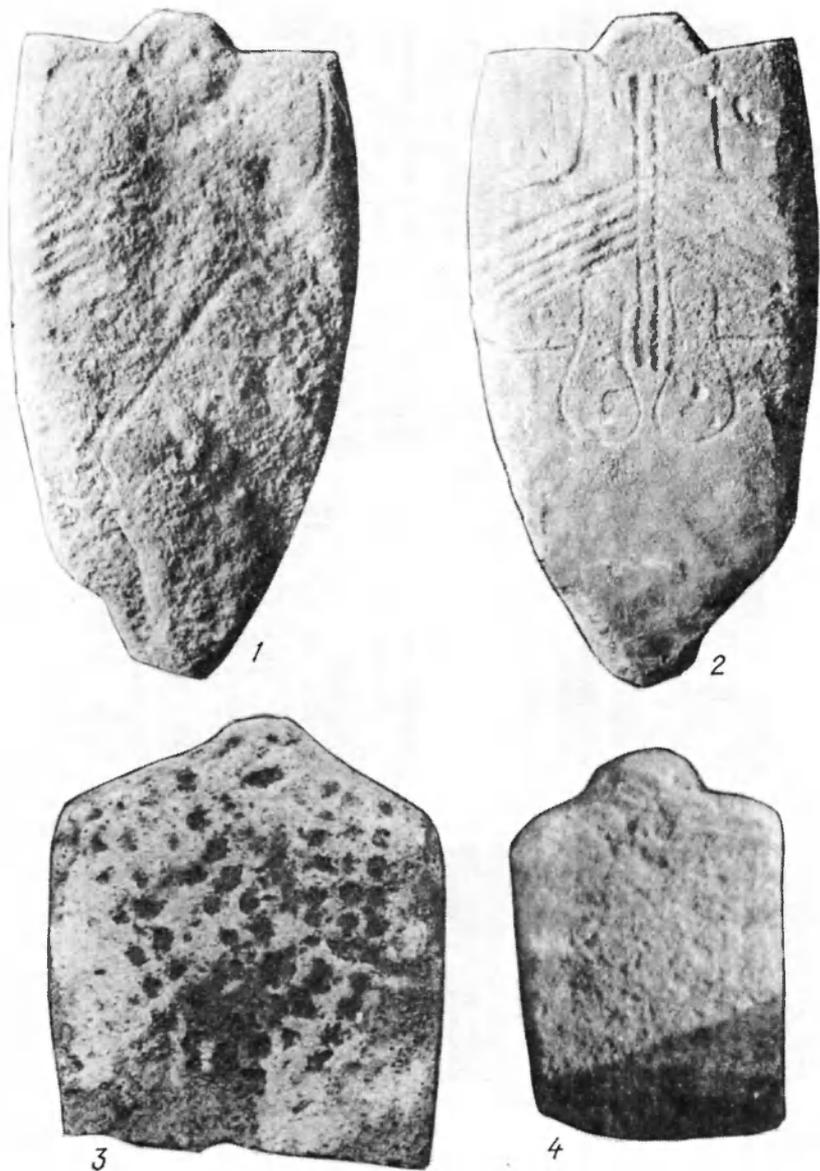

Рис. 30. Антропоморфные стелы из курганов Северо-Западного Причерноморья:
 1—2—с. Новоселовка (Килийский р-н); 3—с. Шевченково, кург. 3, погр. 13; 4—с. Утконосовка, кург. 1, погр. 6.

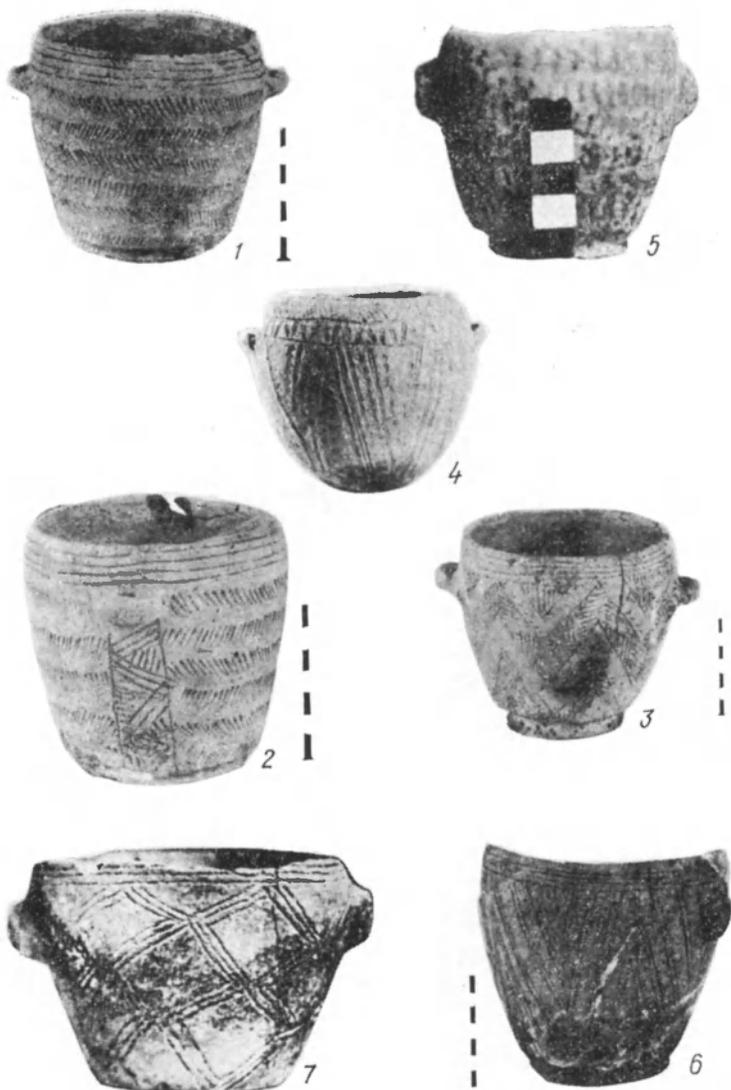

Рис. 18. Керамика днестро-дунайской культуры. Сптулообразные сосуды:
 1—2 — кург. 3, погр. 5, с. Ефимовка; 3 — кург. 2, погр. 6;
 4 — кург. 2, погр. 14, с. Ефимовка; 5 — кург. 3, погр. 6, с. Яски;
 6 — кург. 1, погр. 2, с. Червоный Яр 1; 7 — кург. 6, погр. 6, с. Ефимовка.

слегка окрашен. После того, как погребениго засыпали землей, сгустя некоторое время над первым скелетом был захоронен второй. Он находился под самым перекрытием из деревянных плах, на растительной циновке. Лежал скелет на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, ноги согнуты вправо (рис. 8). Кости окрашены слабо. Однослойная насыпь кургана была обложена каменным закладом и окружена кромлехом из массивных крупных плит известняка, поставленных на ребро. Диаметр каменного заклада составлял 4 м. Сопровождающим ярусное захоронение было впускное погребение 5 в центр кургана в яме прямоугольно-трапециевидной формы, перекрытой деревом. Вблизи погребения выявлены остатки кострища. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-восток, ноги согнуты вправо, руки вытянуты вдоль туловища.

Основное захоронение 10 в кургане 1 у с. Мирное Беляевского р-на открыто в яме прямоугольной формы, перекрытой каменными плитами (размер наибольшей из них 1x0,7x0,2 м). Размер погребальной ямы 1,6x1x1 м. По углам dna ямы обнаружены углубления диаметром 6 и глубиной 4 см. Высота кургана 2, диаметр 42 м. Насыпь кургана была однородной и состояла из чернозема. Скелет лежал в скорченном положении на спине с небольшим поворотом вправо, головой на северо-восток. Кисть левой руки находилась на тазовых костях, положение правой неясно. Скелет обильно окрашен охрой. На дне ямы много мела и следы растительной циновки.

В кургане 1 высотой 0,9, диаметром 30 м могильника у с. Красное Григориопольского р-на Молдовы основное погребение 5 совершено по суворовскому типу в яме прямоугольной формы размером 2x1,25x0,8 м, перекрытой каменным завалом и двумя крупными обработанными плитами. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад, ноги согнуты вправо, руки вытянуты вдоль туловища [68, с. 137].

В кургане 4 высотой 0,2, диаметром 18–20 м того же могильника единственное центральное погребение находилось в прямоугольной яме, перекрытой восьмью обработанными известняковыми плитами. Обильно окрашенный охрой скелет лежал скорченно на спине, головой на запад.

Основное погребение 2 в кургане 10 того же могильника обнаружено в яме прямоугольной формы, заваленной известняковыми камнями. Окрашенный охрой скелет разрушен

обвалившимся каменным перекрытием. В погребении встречались угольки. Яма ориентирована в направлении северо-запад – юго-восток.

Насыпь кургана 1 у с. Ясски Беляевского кургана высотой 5, диаметром 56 м частично перекрывала курган с погребениями усатовской культуры и была возведена над погребением 24, совершенном в яме прямоугольной формы и перекрытом четырьмя плитами, уложенными поперек длинной оси могилы. Размер погребения 2,2x1,1x1,2 м. Под плитами находилась тростниковая циновка толщиной 2 см. Крупный скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад. Руки слегка согнуты в локтях и вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты ромбом. По углам дна ямы выявлены круглые в плане и конические в профиле углубления.

Основное погребение суворовского типа раскопано на территории Молдовы в кургане высотой 2, диаметром 36 м у с. Капланы Каушанского р-на. Погребение 6 находилось в центре кромлеха диаметром 25 м, в яме прямоугольной формы, перекрытой бревенчатым накатом и завалом из камней. Скелет, окрашенный охрой, был разрушен. Ориентировка восточная.

Курган 2 высотой 5,4, диаметром 52 м у с. Корпач Единецкого р-на Молдовы был насыпан над погребением суворовского типа. Погребение находилось в центре кромлеха. Высота первоначальной насыпи 2,2 м, диаметр 26–27 м [184, с. 37–76].

Аналогичное погребение обнаружено в качестве основного в кургане 3 высотой 1,1, диаметром 30 м [184]. Захоронение 6 выявлено в яме прямоугольной формы, перекрытой двумя каменными плитами. Окрашенный охрой скелет ребенка лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-запад.

В 1889 г. в основании кургана у с. Будаки Белгород-Днестровского р-на в уроч. Аккерманские сады А. А. Матвеев, член Одесского общества истории и древностей, раскопал погребение, перекрытое закладом из восьми известняковых плит и деревянным настилом. Скелет, окрашенный красно-бурой охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на запад [114, с. 51].

У с. Новые Раскайцы Суворовского р-на Молдовы в кургане высотой 4,5, диаметром 40 м основное погребение 20 обнаружено в прямоугольной яме, перекрытой каменной пли-

той, напоминающей антропоморфную стелу (одна сторона ее закруглена). Окрашенный охрой скелет (особенно череп) лежал скорченно на спине, головой на северо-запад. Ноги согнуты вправо. Руки вытянуты вдоль туловища.

В кургане 4 у с. Корпач основное погребение 1 относится к суворовской этнокультурной группе. Оно обнаружено в яме прямоугольно-трапециевидной формы с округленными углами, размер ямы 1,7x1,1x0,85x0,45 м. Над погребением был сооружен каменный заклад из камней разной величины (от 0,7x0,6x0,25 до 0,8x0,55x0,3 м) без следов обработки. Скелет лежал на спине, головой на запад, руки согнуты в локтях и вытянуты вдоль туловища, ноги распались ромбом. Скелет слегка окрашен охрой. Слева от черепа лежал кусок охры диаметром 5 см.

Курган 1 у с. Олонешты в Молдове высотой 4,4, диаметром 40 м содержал основное захоронение 32, совершенное в яме прямоугольной формы, перекрытой каменным закладом и деревянным настилом. Погребение ограблено. Кости густо окрашены охрой (особенно череп) темно-малинового цвета. Скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. К группе погребений суворовского типа можно отнести погребение 6, которое обнаружено в качестве основного в кургане 2 у с. Островное Арцизского р-на. Высота кургана 5 м, диаметр 60 м (рис. 4, 1). Погребение находилось в центре кромляха шириной 1,5 м. Внутренний диаметр его достигал 34 м. Кое-где кромлях прерывался (его плиты были использованы носителями культуры многоваликовой керамики для сооружения каменных погребальных ящиков). Курган состоял из трех насыпей чернозема, возведенных последовательно над погребениями энеолита, раннего и среднего бронзового века. Высота первоначальной насыпи 3,5 м, диаметр 34 м. Основное погребение 6 было совершено в яме прямоугольной формы, перекрытой мощным каменным закладом из трех плит, уложенных поперек длинной оси могилы; размеры плит достигали 1,4x0,9x0,42 м. Скелет крупного человека лежал на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты вправо. Возле черепа обнаружены две серебряные спиралевидные подвески в три оборота. На скелете и на дне ямы — большое количество охры и мела. Охра была ярко-красного и бурого цвета. Слева от черепа лежал крупный кусок ярко-красной охры. На дне ямы, кроме охры и мела, обнаружены остатки толстой циновки из коры или кожи. На черепе — алая охра, на костях скелета — с перламутро-

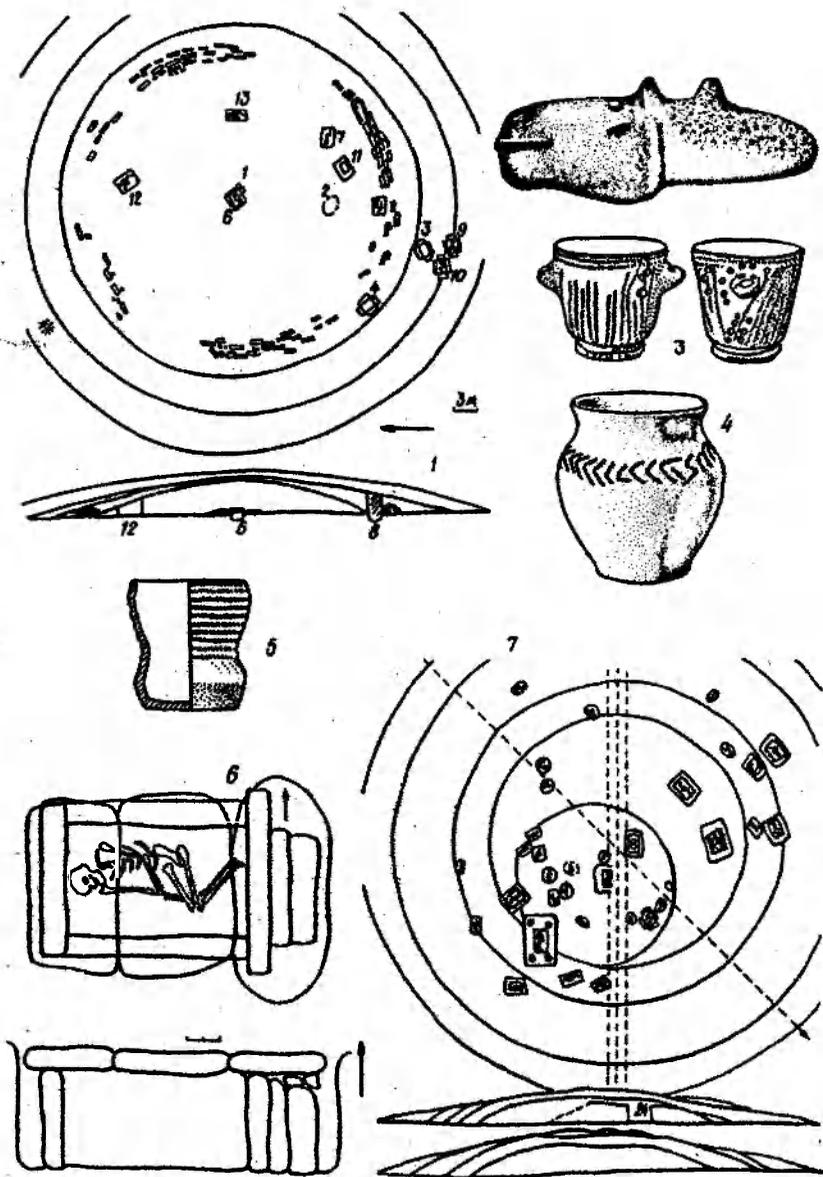

Рис. 4. 1 – кург. 2, общий план и профиль, с. Островное (Аршизский р-н); 2 – кург. 1, погр. 7, второй кург. м-к, пос. Суворово, скипетр (порфирит); 3–4 – кург. 9, погр. 56, с. Нерушай (Килийский р-н); 5 – кург. 1, погр. 12, с. Мирное (Беляевский р-н); 6 – кург. 1, погр. 1, план и профиль, с. Санжейка (Овидиопольский р-н); 7 – кург. 1, план и профиль, с. Яски (Беляевский р-н)

вым отливом, почти розового цвета. Кости ног скелета сильно обожжены. На затылочной части черепа – большая круглая вмятина, по-видимому, от удара круглым тяжелым предметом (обухом топора?).

Одновременно описанному кургану является однослойный, сильно распаханный курган 4 этого же могильника. В высоту он достигал 0,2 м, в диаметре – 20. Курган содержал одно основное захоронение суворовского типа, совершенное в яме прямоугольной формы размером 1,8х1,2х1,2 м, перекрытой массивной каменной плитой (1,8х1,4х0,8 м). Погребение, оказавшееся разрушенным, окружал двойной кромлех диаметром 9 и 12 м. Окрашенные охрой кости человеческого скелета были разбросаны и перемешаны.

В кургане 3 у с. Баштановка Татарбунарского р-на высотой 2,1, диаметром 52 м основное погребение было совершено в яме прямоугольной формы размером 3,6х2,6х1,1 м, перекрытой деревянным настилом. Погребение разрушено. В заполнении обнаружены окрашенные охрой кости человеческого скелета. В центре кургана находилось кострище диаметром 1,5 м, толщина прокаленного слоя 9 см. На глубине 1–1,2 м выявлен кромлех [175, с. 68].

Основное погребение 6 в кургане 6 высотой 2,5, диаметром 74 м того же могильника у с. Баштановка относится к суворовскому типу. Погребение находилось в яме прямоугольной формы размером 1,2х0,9х0,6 м, перекрытой блоками известняка. Диаметр каменного заклада 11 м, высота 1,5 м. Погребение оказалось ограбленным. По углам дна ямы выявлены круглые в плане углубления диаметром до 3 см.

К погребениям суворовского типа можно отнести основное захоронение 5 в кургане 3 высотой 0,7, диаметром 25–30 м у с. Старые Куконешты Единецкого р-на Молдовы. Яма прямоугольной формы размером 1,8х0,9х1,2 м оказалась кенотафом. Поперек длинной оси она перекрывалась двумя каменными плитами.

Погребение суворовского типа обнаружено в 1891 г. Ф. И. Кнауэром у с. Павловка Арцизского р-на [71, с. 89] в одном из двух курганов, соединенных валом высотой 3,5, диаметром 14 м. Основное погребение 14 находилось в яме прямоугольной формы, перекрытой "большими прямоугольными камнями", под которыми были следы дерева. Скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на юг, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты ромбом. В погребении возле черепа встречались куски охры.

В 1889 г. Ф. И. Кнауэр раскопал погребение подобного типа в кургане 10 у с. Сарата (на уровне древней поверхности), оно перекрывалось пятью большими известняковыми плитами. Скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на запад. Руки были согнуты в локтях и вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты ромбом [69, с 39-40].

В 1890 г. Ф. И. Кнауэр раскопал в кургане 5 аналогичное захоронение в яме прямоугольной формы размером 1,9х0,7х0,9 м, открытой на уровне древней поверхности, перекрытой известняковыми плитами, под которыми находилось деревянное перекрытие. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп обильно окрашен охрой. Куски охры кирпично-красного цвета обнаружены у плеча [70, с. 37].

Погребение суворовского типа обнаружено у с. Семеновка Белгород-Днестровского р-на в основании кургана 2 высотой 1,4, диаметром 34 м в яме прямоугольной формы, перекрытой тремя известняковыми плитами [191]. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой находилась на тазовых костях. Ноги согнуты вправо. В области шейных позвонков и таза – большое количество охры. Возле черепа и рядом с локтем левой руки – большие куски фиолетовой краски.

Аналогичное погребение открыто в кургане 12 того же могильника. Основное захоронение 11 находилось в яме прямоугольной формы, перекрытой каменным закладом. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад.

Основное погребение суворовского типа обнаружено в кургане 19 того же могильника. Погребение совершено в яме прямоугольной формы, перекрытой каменным закладом. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты вправо.

В кургане 4 у с. Баштановка два основных погребения суворовского типа сопровождалось погребением лошади. Разрушенное погребение 23 находилось в яме прямоугольной формы, перекрытой четырьмя известняковыми плитами. Погребение 24, совершенное также в яме прямоугольной формы, было перекрыто двумя каменными плитами, под которыми находилась циновка, окрашенная по краям в чер-

ный цвет. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад, ноги согнуты вправо, правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой находилась на тазовых костях [175, с. 85].

К этому же типу можно отнести основное погребение 4 в кургане 1 высотой 1,05 м, диаметром 26–28 м у с. Медвежа Бричанского р-на Молдовы. Погребение совершено в прямоугольной яме. Скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-восток. В погребении обнаружена кость животного. К востоку от края ямы прослежены остатки кострища диаметром 0,8 м. Остатки другого кострища зафиксированы к северо-западу от погребения, его диаметр 0,7 м.

Кострищем же сопровождалось основное захоронение 6 в кургане высотой 3,3 м, диаметром 40–45 м у с. Щербакки Единецкого р-на Молдовы. Погребение совершено в прямоугольной яме, перекрытой бревнами. Скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад. Ноги согнуты вправо, руки вытянуты вдоль туловища. На дне ямы обнаружены угольки. Кострище находилось к западу от погребения. Диаметр его достигал 1 м, мощность прокаленного слоя 1,5–2 см. Высота первоначальной насыпи составляла 1,6 м, диаметр 25 м.

Курган 1 второго курганного могильника у с. Червоный Яр Килийского р-на высотой 2,35, диаметром 46 м также можно отнести к суворовской культурной группе. Основное погребение 2 находилось в яме прямоугольной в плане формы размером 1,9x1,4x2 м, перекрытой мощным закладом из камней известняка крупных и мелких размеров (1,2x1 м) и деревянными плахами толщиной до 0,05 м. Погребение окружал двойной кромлех диаметром 9 и 14 м, сооруженный из плит, вертикально поставленных на ребро. Скелет, обильно окрашенный охрой, лежал на спине, головой на восток, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты влево. На дне ямы обнаружены куски охры, мела и древесного угля, а также два невыразительных кремневых отщепца. За наружным кольцом кромлеха обнаружен ров шириной и глубиной 2 м. Впускными в курган оказались погребения раннего и позднего бронзового века. Насыпь была единственной и состояла из чернозема.

Основное погребение 5 в кургане 1 у с. Утконосовка Измаильского р-на Одесской обл. (Нижнее Подунавье) совершено в яме прямоугольной в плане формы и находилось в центре мощного кромлеха диаметром 12 м, сооруженного из

крупных плит известняка, поставленных вертикально на ребро. Размер погребальной ямы 1,8х1,1х0,85 м. Скелет лежал на спине, головой на северо-восток. Ноги согнуты вправо, положение рук неясно. Череп густо окрашен охрой красного цвета. В могиле попадались остатки дерева от перекрытия.

В первом курганном могильнике у с. Каменка Измаильского р-на основное погребение 2, относящееся к суворовской этнокультурной группе, обнаружено в кургане 4 высотой 0,5, диаметром 30 м в яме прямоугольной формы размером 1,2х1х0,7 м, перекрытой тремя плитами. Скелет, обильно окрашенный охрой, особенно в области черепа, лежал в скорченном положении на спине, головой на запад, руки слегка расставлены в стороны и вытянуты вдоль туловища, ноги распались ромбом. Растительная циновка на дне ямы была посыпана охрой. У черепа погребенного обнаружен кремневый наконечник стрелы архаического типа с прямым основанием.

В основании кургана 1 первого Суворовского могильника (высота кургана 5,3, диаметр 80 м) погребение находилось в прямоугольной яме размером 2,3х1,3х1,3 м, перекрытой тростником и двумя большими каменными плитами. Крупный скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты влево. Курганная насыпь была единовременной, состоящей из чернозема и сооружена специально для одного, центрального захоронения.

Памятники утконосовской этнокультурной группы. Уже в 50-е годы В. Н. Даниленко указал на то, что энеолит Северного Причерноморья характеризуется двумя разнотипными группами памятников, из которых первая представлена архаическим звеном древнеямной этнокультурной области, вторая же свидетельствует о пребывании на рассматриваемой территории населения другой этнокультурной группы, отличной от первой особенностями погребального обряда и материальной культуры. В Северо-Западном Причерноморье эти две группы памятников представлены погребениями в ямах прямоугольной и овальной формы, условно названными, как указывалось, суворовской и утконосовской. Стратиграфическое положение захоронений обеих групп в основании многослойных курганов и ряд общих черт погребального ритуала доказывают их синхронность. И те и другие погребения расположены в центре кромехов, часто перекрыты каменными плитами и закладами, деревянным настилом,

обе группы погребений сопровождаются захоронением костей лошади, быка, кострищами; куски охры, мела и угля встречаются в ямах прямоугольной и овальной форм. Синхронность памятников обоих типов проявилась, кроме сходных черт погребального ритуала, и в наличии общих технологических черт керамики с примесью измельченной раковины в глине и в расчесах наружной поверхности. Отличия же состоят в форме могилы, ориентировке погребенных, разных типах керамики и украшений.

Погребения, совершенные в ямах овальной формы, названы "утконосовскими" по характерному погребению 2 кургана 3 у с. Утконосовка Измаильского р-на Одесской обл. (Нижнее Подунавье) [4]. Погребение обнаружено раскопками Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции ИА АН Украины под руководством Н. М. Шмаглия в 1970 г. Стратиграфически оно находилось ниже погребения эпохи поздней бронзы. На глубине 1,4 м выявлено кострище диаметром 2 м. Мощность прокаленного слоя, состоящего из суглинка и древесного угля, достигала 0,6 м. После расчистки кострища на глубине 2 м четко обозначилось овальной формы пятно могильной ямы, ориентированной по длинной оси в направлении северо-восток – юго-запад, размером 1,8х1,6х0,6 м. Скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головой на восток. Кисти рук были согнуты в локтях, кисть правой находилась рядом с локтем левой руки, ноги согнуты в коленях, пятки прижаты к тазу. Скелет обильно окрашен охрой (особенно интенсивно в области кистей рук, черепа и таза). Следы охры и дерева встречались и на дне ямы. У северной стенки могилы, за спиной скелета находился сосуд, раздавленный в древности*. Слева от черепа найдены просверленные ракушки хеликс (521 шт.).

Захоронения утконосовской группы находятся в основании древнейших курганов (иногда основных погребений два или несколько – Арциз, Кошары), размеры насыпей над ними невелики (высота от 0 до 1,5 м, диаметр 20–30 м) (рис. 12, 4). Нередко для устройства основания кургана насыпалась специальная плотная подушка из суглинка по всей площади

*Впоследствии выяснилось, что обломки указанного сосуда были обнаружены не в погребении 2, а в насыпи кургана. В погребении же находился усатовский сероглиняный сосуд. Тем не менее, учитывая более древний неолитический возраст сосуда из насыпи и основные черты обряда усатовского погребения 2, сближающие его с группой неолитических погребений в ямах овальной в плане формы ямы, положение и ориентировку скелета, украшения из раковин, сопровождение кострищем, решено сохранить название группы (утконосовская).

круга, с уровня которой впоследствии совершалось основное захоронение (Кошары, Санжейка, Арциз, Богатое). Довольно часто насыпи обнесены кромлехом диаметром от 3 до 30 м, шириной до 2 м. Ров и кромлех имеют форму не круга, а овала, вытянутого в направлении восток-запад. Иногда погребение сопровождается кострищем и погребением костей лошади, быка, собаки, совершенным на уровне древней поверхности на некотором расстоянии от основного захоронения. Форма погребальной ямы в плане овальная, грушевидная, прямоугольная с сильно округленными углами (приближающаяся к овальной). Средний размер могильных ям 1,9x1,1x1,5 м, но встречаются и мелкие – глубиной до 0,2–0,3 м. Погребения перекрываются каменным закладом, плитами, плахами, ветками (иногда уложенными в перекрестном направлении). Скелет находится в скорченном положении на левом, изредка на правом боку, иногда в вытянутом положении на спине (рис. 12, 3), обычная ориентировка – север, северо-восток, восток, но встречается и западная (рис. 12, 2а). Часто скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой, но попадаются и неокрашенные погребения. Погребальный инвентарь отсутствует или чрезвычайно беден (костяные пронизи, подвески из молочных зубов оленя, из створок раковин хеликс) (рис. 10, 1, 2). Особенностью инвентаря являются редкие находки лощеных тонкостенных кубков (амфорок) из темно-коричневой глины с примесью мелкотолченой раковины. У сосудов небольшое плоское дно, высокое горло, орнаментированное по основанию или по краю венчика одним или несколькими рядами тонких шнуровых линий, большей частью сосуды имеют ручки-ушки, расположенные на уровне наибольшего диаметра корпуса, со сквозными горизонтальными отверстиями (рис. 12, 6–8).

Погребения утконосозской группы имеют некоторые сходные черты с суворовскими захоронениями, что, по-видимому, объясняется их синхронностью (положение в центре кромлехов, сопровождение костями животных и кострищем, находки фрагментов керамики с примесью толченой раковины, окраска охрой).

Различий между захоронениями обеих групп значительно больше: форма могилы, положение и ориентировка скелета, каменные заклады и плиты, перекрывающие погребения в ямах овальной формы, встречаются редко, как, впрочем, и деревянные перекрытия; в погребениях суворовской группы отсутствует ров; наличие глиняной подушки, с уровня кото-

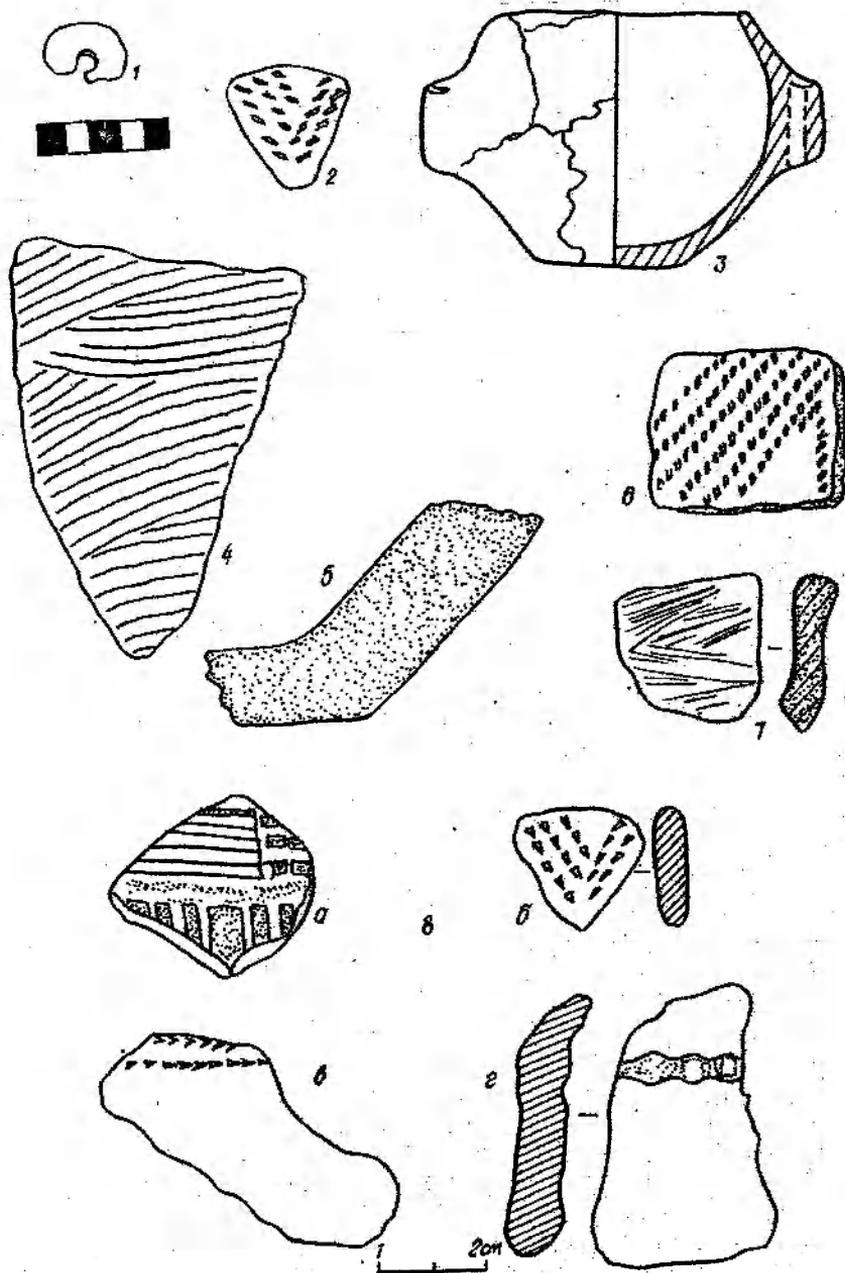

Рис. 5. 1 — кург. 1, погр. 10, второй Суворовский м-к, подвеска (раковина); 2 — кург. 2, погр. 12, с. Богатое (Измаильский р-н); фрагмент керамики с примесью крупнотолченой раковины в глине; 3 — кург. 1, погр. 3, с. Доброалександровка (Овидиопольский р-н); 4–5 — кург. 3, с. Утконосовка (Измаильский р-н), фрагменты сосуда с примесью в глине толченой раковины, охры, угля, найден в насыпи; 6 — кург. 1, погр. 4, второй Суворовский м-к, фрагмент керамики с примесью крупнотолченой раковины; 7 — кург. 2, с. Богатое, фрагмент керамики с примесью мелкотолченой раковины, найден в насыпи; 8 — кург. 1, Ясский кург. м-к, фрагменты керамики из насыпи кургана, в глине: а — фрагмент трипольского расписного сосуда, б и в — примесь мелкотолченой раковины

рой совершалось утконосовское захоронение, нехарактерно для суворовской группы; фрагменты керамики в суворовских погребениях содержат примесь крупнотолченой раковины, в то время для утконосовских обычной является примесь сильно измельченной раковины.

Рассмотрим некоторые наиболее характерные погребения утконосовской культурной группы. Основное погребение в яме овальной в плане формы обнаружено Л. В. Субботиным в кургане 1 у с. Марьяновка Ширяевского р-на. Погребение было перекрыто деревом и плитой, напоминающей антропоморфную стелу. Окрашенный охрой скелет лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты влево. В погребении обнаружен крупный кусок охры.

Основное погребение в кургане 200, открытом И. Я. Стемпковским, находилось в яме овальной в плане формы у с. Парканы Тираспольского р-на Молдовы [156, с. 30]. Погребение 7 обнаружено в центре кромлеха. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты влево. В погребении найдены куски охры.

Основное погребение утконосовского типа 15 было обнаружено в кургане 8 высотой 0,9 и диаметром 30–32 м у с. Гура-Быкулуй Ново-Аненского р-на Молдовы [49, с. 30]. Погребение совершено в прямоугольной с округленными углами яме, имеющей небольшие уступы высотой до 5–10, шириной до 10–15 см, вдоль длинных сторон погребения. Скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Кисти рук находились перед лицом. На черепе обнаружены крупинки охры. В погребении найден кубок с подлощенной поверхностью. С погребением связан кромлех диаметром 28 м, составленный из небольших камней.

Погребение утконосовского типа обнаружено в основании кургана 11 у с. Семеновка Белгород-Днестровского р-на Л. В. Субботиным. Погребение 10 находилось в яме овальной формы, окруженной кромлехом и рвом. Окрашенный охрой

скелет лежал на левом боку, головой на северо-восток. Возле черепа обнаружен позвонок быка, за позвоночником – бусы из просверленных раковин хеликс (232 шт.). В заполнении ямы обнаружены фрагменты керамики с примесью измельченных раковин в глине, уголь, охра.

В кургане у г. Оргеева Молдовы основное погребение 5 совершено в яме прямоугольно-овальной формы, перекрытой деревом и камнями. На дне – циновка, уголь, охра. Окрашенный охрой скелет лежал на спине, головой на северо-восток. Ноги согнуты вправо, кисти рук – на тазе [51, с. 16–17].

В кургане 10 у с. Баштановка [175, с. 87] основное погребение 32 обнаружено в яме овальной формы, которая оказалась разрушенной, но в заполнении ее найдены окрашенные охрой кости человеческого скелета и древесный уголь. С этим погребением связано сооружение кромлеха диаметром 10,5 м.

В кургане 30 у с. рыбацкое Татарбунарского р-на основное погребение открыто в округло-овальной яме, окруженной рвом. Погребение ограблено.

В кургане 1 у с. Виноградовка Арцизского р-на основное погребение 5 открыто в яме овальной формы, перекрытой каменным закладом из плит и камней. Неокрашенный скелет ребенка лежал на левом боку, головой на запад.

К утконосовскому типу можно отнести основное разрушенное захоронение в кургане 1 у с. Павловка Арцизского р-на, раскопанное И. Л. Алексеевой в 1987 г. Оно находилось в яме овальной формы размером 3х2х3 м, окружено кромлехом из массивных известняковых плит, поставленных на ребро. Диаметр кромлеха 20–22 м, вытянут в направлении запад-восток. В погребении обнаружены окрашенные охрой кости человеческого скелета. Предположительная ориентировка – восток, так как погребальная яма была вытянута по длинной оси в направлении восток–запад (рис. 6, 1).

В этом же курганном могильнике в кургане 2 основным было погребение 7–8 утконосовского типа, также совершенное в яме овальной формы, ориентированное по длинной оси в направлении восток–запад, парное – взрослого и ребенка, судя по находкам остатков черепов, ориентированных головами на восток или северо-восток. Погребение находилось в центре кромлеха из больших известняковых плит диаметром 20 м, ориентированного в направлении восток–запад (рис. 6, 7). Погребение ограблено в скифское время. В заполнении ямы обнаружены фрагменты керамики с примесью измельченных раковин в глине.

Погребение утконосовского типа обнаружено в основании кургана 10 у с. Траповка Татарбунажского р-на, где первоначальная насыпь представляла собой каменный панцирь. Основное погребение 14 обнаружено в яме овальной формы, перекрытой деревом, окруженной рвом глубиной 2 м. Окрашенный охрой скелет лежал на левом боку, головой на восток в сильно скорченном положении. Кисть левой руки была направлена к коленям, кисть правой располагалась перпендикулярно туловищу. В погребении обнаружена медная спиралевидная подвеска с уплощенными концами.

Подобного типа погребение обнаружено в основании кургана 5 Болградского курганного могильника [143, с. 24]. Погребение 7 находилось в яме овальной формы размером 1,45x0,9x0,6 м. Скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад, ноги согнуты вправо. Скелет частично разрушен. На дне ямы найдены куски охры. Погребение находилось в центре кромлеха диаметром 13 м.

К утконосовской этнокультурной группе относятся два основных захоронения 4 и 3 в кургане I у с. Богатое Измаильского р-на, находящиеся в центре кромлеха овальной формы, составленного из редко положенных небольших камней на плотную подушку из суглинка, с уровня которой были впущены погребения. Основное захоронение 3 совершено в яме прямоугольно-овальной формы, перекрытой ветками, уложенными крест-накрест. Погребение частично ограблено. Скелет, окрашенный охрой, лежал на левом боку, головой на восток. В захоронении обнаружены подвески из раковин хеликс и мелкие костяные пронизи. Погребение 4 было совершено в яме овальной формы и находилось на одном стратиграфическом уровне с погребением 3. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на север (рис. 21, 1). Рядом с ним обнаружена миниатюрная амфора из темно-коричневой глины с примесью мелкотолченой раковины. Наружная поверхность сосуда хорошо залощена, основание горла орнаментировано рядами горизонтальных параллельных шнуровых линий (рис. 12, б). Диаметр кромлеха, окружающего погребения, — 17–18 м. Суглинок, послуживший основанием кургана, был выбран из рва шириной 3, глубиной 1–1,5 м.

Погребение утконосовского типа обнаружено в кургане высотой 2,4, диаметром 62 м у с. Этулия Вулканештского р-на Молдовы [132, с. 58–71]. Захоронение 15 находилось в яме овальной формы размером 2,2x1,3x1,2 м, перекрытой бревнами. Окрашенный охрой скелет лежал в вытянутом положении на

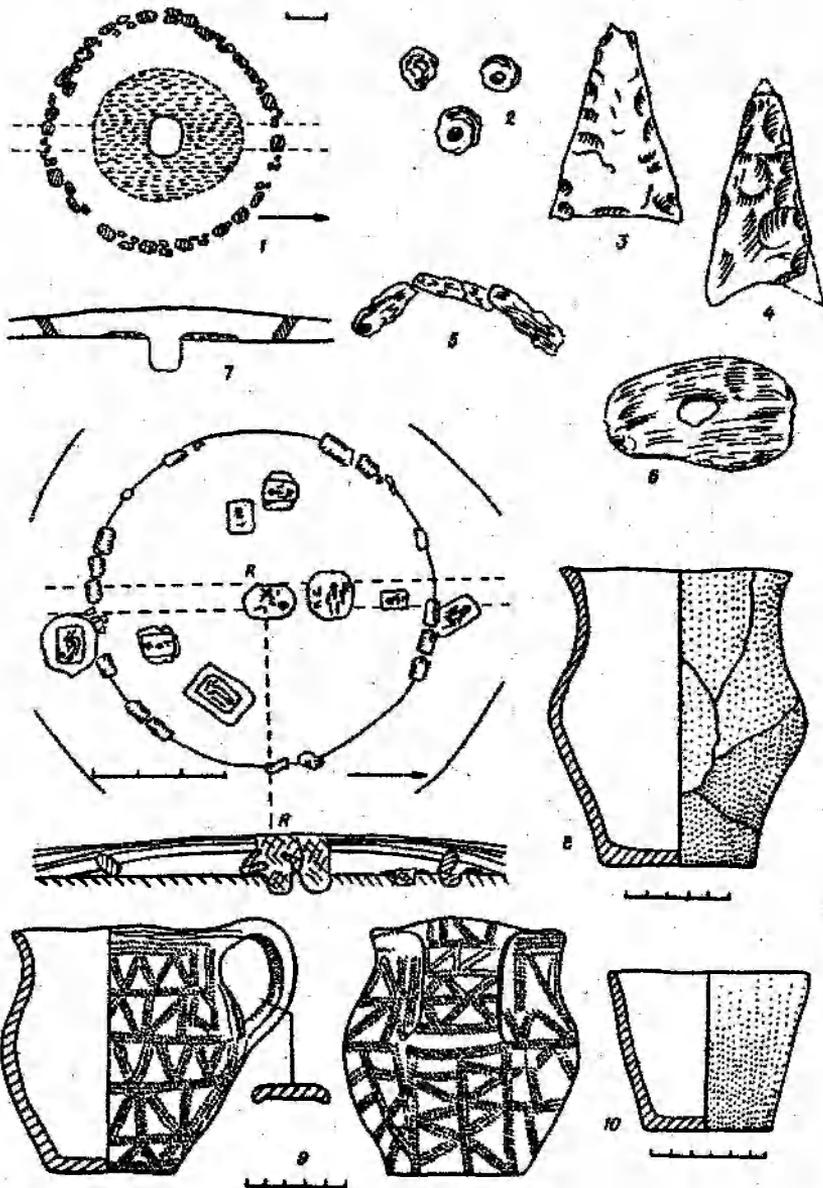

Рис. 6. 1 — кург. 1, с. Павловка (Арцизский р-н), план и профиль; 2 — кург. 6, погр. 4, с. Утконосовка; 3 — кург. 1, погр. 7, с. Петродолинское (Овидиопольский р-н); 4 — кург. 2, погр. 6, с. Богатое; 5 — кург. 1, погр. 9, с. Петродолинское; 6 — кург. 1, погр. 17, г. Арциз; 7 — кург. 2, план и профиль, с. Павловка; 8 — кург. 1, погр. 5, с. Петродолинское; 9 — кург. 1, погр. 3, с. Березань (Беляевский р-н), раскопки 1979 г. И. Т. Чернякова; 10 — кург. 1, погр. 3, с. Петродолинское

спине, головой на восток. Погребение окружал кромлех диаметром 18 м, составленный из плит и камней известняка. Ширина кромлеха 1,2–1,4 м.

Курган 1 у г. Болграда высотой 2, диаметром 54 м содержал основное погребение 9, которое находилось в яме неправильной овальной (яйцевидной) формы, перекрытой деревом и каменными плитами. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Под левым плечом обнаружено скопление угольков, под черепом — семь медных пронизей и две подвески из зубов оленя, на тазе — костяной амулет треугольной формы [143, с. 111].

Основное погребение 1 в кургане 4 второго курганного могильника у пос. Суворово Измаильского р-на совершено в яме овальной формы, перекрытой каменным закладом. Обильно окрашенный охрой скелет лежал на правом боку, головой на юг. Ноги сильно скорчены.

Сравнительный анализ погребального обряда и инвентаря суворовских и утконосовских памятников указывает на их сходство, что обуславливается, по-видимому, длительным проживанием на общей территории — в Северо-Западном Причерноморье. Особенно показателен в этом плане погребальный обряд. Захоронения суворовской и утконосовской этнокультурных групп немногочисленны в степях Северо-Западного Причерноморья, во всех случаях они являются основными в курганах. В качестве объединяющих признаков выделяются наличие кромлехов, каменных закладов, рвов, обилие охры, сопровождение некоторых захоронений костями лошади и быка, кострищами.

Синхронность суворовских и утконосовских памятников подтверждает стратиграфия курганов. Так, уже в основании эпонимного суворовского кургана (курган 1 второго курганного могильника) погребение 7 суворовского типа находилось в одной стратиграфической позиции с утконосовским захоронением 9, совершенным за пределами двух небольших кромлехов (рис. 2, 3).

В основании кургана 1 у г. Арциз древнейшими оказались суворовское погребение 17 и утконосовские захоронения 21

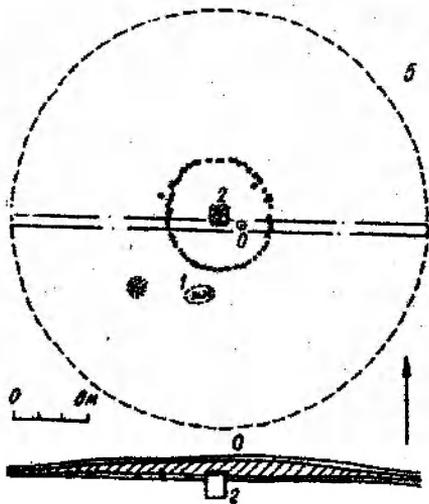
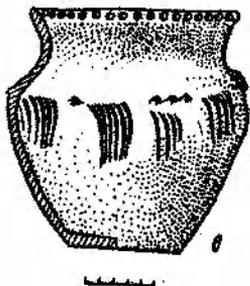
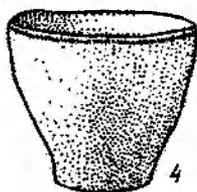
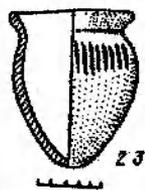

Рис. 7. 1 – кург. 6, общий план и профиль, Ясский кург. м-к; 2 – кург. 3, погр. 1, с. Дальник (Беляевский р-н); 3 – кург. 3, погр. 3, с. Дальник; 4 – кург. 10, погр. 10, с. Нерушай; 5 – кург. 3 (с кромлехом), г. Волград; 6 – кург. 1, погр. 4, с. Петродолинское

и 20. Первоначальная насыпь, возведенная над ними, имела высоту 2,5, диаметр 17 м. Сооружение кромлеха диаметром 13 м связывалось, скорее всего, с погребением в прямоугольной яме 17, несмотря на то что оно смещено от центра, а в центр попадают именно утконосовские погребения в ямах овальной формы. Такой вывод можно сделать, учитывая монументальность кромлеха и погребального сооружения 17: выкид глины из погребения достигал 6 м в диаметре; над могилой сооружен массивный каменный заклад. Погребения же 20 и 21 перекрыты небольшим слоем дерева, отличались небольшой глубиной и небрежностью исполнения. Погребение 20 имело размер 1,8х1,25х0,2 м. Скелет, окрашенный охрой, лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток, кисть правой руки лежала на животе, кисть левой – на тазовых костях. На костях ног (ниже колен и у щиколоток) обнаружено большое количество обильно окрашенных охрой подвесок из зубов оленя с просверленными отверстиями в верхней части, по-видимому, составляющих браслеты. Погребение 21 так же совершено в яме овальной формы размером 1,3х1х0,25 м. Неокрашенный скелет лежал на левом боку, головой на восток–северо-восток. Кисть правой руки находилась перед лицевой частью черепа, кисть левой слегка отставлена в сторону (рис. 2, 2).

Одновременными оказались суворовские и утконосовские погребения в кургане 4 у с. Жовтневое Болградского р-на. Высота кургана 0,3 м, диаметр 40 м. Погребение 5 находилось в яме трапециевидной формы, перекрытой деревянными плахами. Обильно окрашенный охрой скелет подростка лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-восток–восток. С погребением связаны остатки кострища к западу от погребения 21. Его диаметр 0,5 м, мощность прокаленного слоя 0,3 м. Погребение 6 совершено в яме прямоугольной в плане формы, перекрытой деревом. Остатки обильно окрашенного охрой скелета ориентированы на северо-восток. Погребение 8 совершено в яме овальной в плане формы. С этими погребениями связано ритуальное захоронение костей ног лошади, выявленное в промежутке между погребениями 5 и 8 [140, с. 143–153].

Как указывалось, количество энеолитических погребений в курганах междуречья Днестра и Дуная невелико – около

200 захоронений. Отдельные памятники двух рассмотренных культурных групп встречаются и в Прутско-Днестровском междуречье [15, с. 23–41], в Нижнем Подунавье [3; 4]. Погребальный обряд памятников суворовского типа к эпохе раннего бронзового века приобретает некоторые новые черты (оформление), присущие новой культуре, связанной традициями ритуала захоронения с явной этнокультурной общностью, обладающей особым материальным комплексом, сформировавшимся под влиянием связей с культурами шнуровой керамики, Подунавья, Балкан.

Усатовские погребения в курганах Днестро-Дунайского междуречья. Утконосовские памятники имеют также черты, сближающие их с усатовскими, причем настолько, что в первые годы исследований курганов в Северо-Западном Причерноморье все погребения утконосовского типа на этой территории определялись как усатовские [175, с. 92–95; и др.].

Погребения усатовской культуры, обнаруженные в степных курганах, большей частью были основными, за исключением нескольких случаев, когда основными были погребения утконосовского типа, а усатовские – впускными в первоначальную насыпь кургана. Усатовские погребения находятся в ямах овальной и прямоугольной форм, окружены рвом и кромлехом (иногда только рвом глубиной и шириной от 1 м до 5 м), перекрываются деревянным настилом и каменным закладом, большинство скелетов лежит на левом боку или на спине, изредка – на правом боку, головой на север – северо-восток – восток (преобладает восток и северо-восток), обильно окрашены охрой. Встречаются и куски охры, положенные отдельно. Погребальный инвентарь беден: отсутствуют антропоморфные статуэтки; характерно наличие медных усатовских кинжалов, усатовской и позднетрипольской расписной посуды.

Усатовское погребение обнаружено в основании кургана 5 у с. Ефимовка Овидиопольского р-на. Погребение 1 находилось в яме округлой формы, глубиной 0,1 м, в центре кромлеха диаметром 15 м, сооруженного из плит, поставленных на ребро, размером 0,75x0,45x0,3; 0,8x0,8x0,15 м. Скелет лежал на левом боку, головой на север, в скорченном положении. Перед лицевой частью черепа стоял расписной позднетрипольский сосуд с ушками, расположенными ниже венчика [176].

В кургане 204, раскопанном И. Я. Стемпковским у с. Красногорка Тираспольского р-на, основное погребение было усатов-

ским. Скелет лежал на левом боку, головой на юго-восток. В погребении обнаружены усатовский сосуд и два позднетрипольских расписных. Кроме того, в погребении найдены два предмета, по-видимому, антропоморфные статуэтки [51].

В основании кургана 1 высотой 1,5, диаметром 30 м у с. Николаевка Овидиопольского р-на было два усатовских захоронения, которые окружал кромлех и сопровождало кострище размером 4х2 м. Погребение 2 содержало скелет, лежащий на левом боку, головой на юго-восток. Кисть правой руки находилась перед лицевой частью черепа, левая вытянута вдоль туловища. Кости окрашены охрой. В погребении обнаружены два фрагмента лепного усатовского сосуда, содержащего в глине примеси мелкотолченых раковин.

Погребение 8 находилось в том же кургане, в его основании, в яме овальной формы размером 1,55х1,3х0,2 м, ориентированной по длинной оси в направлении северо-восток – юго-запад. Погребение разрушено. В заполнении ямы обнаружен позднетрипольский расписной сосуд (рис. 13, 1). Дно ямы посыпано охрой.

Три усатовских погребения находились в основании кургана 2 у с. Николаевка того же могильника. Высота кургана 0,5, диаметр 15 м. Погребение 11 находилось в яме овальной формы, перекрытой каменным закладом. Скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток, кисти рук находились перед лицевой частью черепа. В погребении обнаружен лепной сероглиняный усатовский сосуд.

Погребение 4 совершено в яме прямоугольной формы размером 2,2х2х1 м. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на восток, ноги согнуты влево, левая рука отведена в сторону. На дне погребальной ямы обнаружена растительная циновка. Погребальный инвентарь представлен тремя сосудами из глины с примесью мелкотолченой раковины, один из которых крупных размеров. В погребении найден также фрагмент невыразительного медного изделия.

Погребение 5 обнаружено в яме прямоугольной формы размером 1,8х1,8х1,25х0,35 м. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток, кисти рук находились перед лицевой частью черепа. В могиле обнаружены два сосуда, содержащие в глине примесь толченой раковины. Один из сосудов имел крупные размеры (рис. 13, 2, 6).

У с. Надлиманское Овидиопольского р-на в основании кургана 10 также находились три усатовских захоронения. Размер первоначальной насыпи кургана: высота 1, диаметр 13 м. Погребение окружено кромлехом диаметром 8 м. Погребение 5 напоминало каменный ящик, состоящий из двух боковых плит, перекрытых третьей. Погребение оказалось парным. Два скелета, взрослого и ребенка, окрашенные охрой, лежали в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Скелет взрослого сильно скорчен, кисти рук лежали на коленях; справа от него – скелет ребенка. В 1 м к югу от погребения обнаружены фрагменты лощеного усатовского сосуда, скребок и невыразительный кремневый отщеп.

Погребение 8 находилось в яме размером 1,6x0,7x0,7 м, которая оказалась разрушенной. В заполнении ее обнаружены кости человеческого скелета, по которым можно предположительно определить ориентировку скелета – юго-запад. В погребении выявлены кусочки древесного угля и фрагмент медной пластинки длиной 1,5 см.

Погребение 9 совершено в яме овальной формы размером 1,3x1,1x0,7 м, перекрытой каменным закладом. Погребение разрушено. В заполнении ямы – кусочки охры и красноглиняный трипольский сосуд.

Лепной сосуд усатовского типа, имеющий в глине примесь мелкотолченой раковины, обнаружен И. Я. Стемповским в кургане 3 у с. Суклея Тираспольского р-на Молдовы. Два детских скелета лежали на левом и правом боку, головой на юг, лицом друг к другу.

Сосуд подобного типа обнаружен в кургане 205 того же могильника у с. Суклея. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку, кисти рук находились перед лицом.

В кургане 263 того же могильника высотой 2,2, диаметром 50 м скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на восток. В погребении обнаружены серебряная спиралевидная подвеска, кремневый нож, точильный брусок и медный кинжал [51].

Основное погребение усатовского типа 82 обнаружено в кургане 9 у с. Нерушай Татарбунарского р-на. Размеры кургана: высота 2,5, диаметр 70 м. Погребение находилось в яме прямоугольной формы размером 1,5x1x0,9 м. Скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток, кисть правой руки находилась на тазе, кисть левой – на колене. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. Перед лицом погребенного стоял тонкостенный сосудик из темно-ко-

ричной глины с сильно залощенной поверхностью. В погребении обнаружен медный кинжал усатовского типа, бусы из раковин хеликс, точильный брусок. Скелет и растительная циновка на дне ямы посыпаны охрой и мелом.

В погребении 8 кургана 9 у с. Борисовка Татарбунарского р-на в прямоугольной яме размером 1,9x1,2x1,05 м, перекрытой деревом, найдены два фрагмента трипольского сосуда. Погребение разрушено. Дно ямы покрыто корой и посыпано охрой. Поверхность кургана обложена камнем [175].

Усатовское погребение 1 обнаружено также в кургане 6 у г. Болград в яме овальной формы [143] размером 1,4x0,9x0,6 м. Поверхность кургана распахана, диаметр его 10 м. Скелет лежал на левом боку, головой на восток, кисти рук находились перед лицевой частью черепа, ноги согнуты под прямым углом. В погребении обнаружены трипольский сосуд, костяной крючок, человеческий зуб и восемь бусинок из камня и ракушек. В заполнении ямы — кремневые скребки и отщеп.

Усатовское погребение 3 обнаружено в основании кургана 2 у пос. Суворово (первый курганный могильник). Высота кургана 1,5 м, диаметр 40 м. Погребение совершено в яме прямоугольной формы размером 1,9x1,1x1 м, перекрытой деревом. Скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток-восток, кисти рук находились перед лицевой частью черепа. На дне погребения обнаружены кора и амфора из отмученной глины со следами росыси. Погребение находилось в центре кромлеха диаметром 15–16 м.

В кургане 11 того же могильника основное погребение 3 совершено в яме неправильно-овальной формы. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища. На дне могилы обнаружена подстилка из травы. В погребении найдена мисочка усатовского типа, имеющая в глине примесь мелкотолченой раковины.

Основное усатовское погребение 16 обнаружено в кургане 1 у с. Огородное Болградского р-на [141]. Высота кургана 2,2 м, диаметр 40 м. Погребение совершено в яме неправильной овальной формы размером 1,6x1,5x0,95 м, перекрытой растительной циновкой и деревом, окруженной кромlexом. Окрашенный охрой скелет лежал на левом боку, головой на восток на циновке из коры или кожи. В погребении обнаружен лепной сосуд с примесью толченой раковины в глине и медный кинжал с костяной ручкой. Погребение сопровождало кострище диаметром 0,5 м, мощностью 1,9 см.

В кургане 5 у с. Утконосовка Измаильского р-на основное погребение под первоначальной насыпью находилось в яме трапециевидной формы [177]. Скелет, окрашенный охрой ярко-малинового цвета, лежал на левом боку, головой на восток. Рядом с кистью левой руки обнаружен медный кинжал с заклепками. Кинжал имел листовидную форму. Здесь же найден точильный брусок из гальки с отверстием для подвешивания на одном из концов. Позади того места, где находился предполагаемый череп, лежало медное тесло, плоское, усеченно-конической формы. В погребении обнаружены также кусочки древесного угля.

Различия между усатовскими и утконосовскими памятниками состоят в преобладании ям овальной формы у последних. Скелеты и дно ям в утконосовских погребениях обильно посыпаны охрой, перекрытие погребений каменным закладом и плитами встречается реже, чем на усатовских памятниках, наблюдается западная ориентировка погребенных, нехарактерная для усатовских могил. Совершенно отсутствуют антропоморфные статуэтки. В утконосовских погребениях изредка встречается только по одному сосуду. Лощеные кубки (амфорки) в них своеобразны и отличаются от усатовской керамики подобного типа хорошо отмученной глиной, коричневым цветом, более интенсивным обжигом и характерным лощением (рис. 12, 6, 7, 8).

Общие особенности утконосовских и усатовских погребений проявляются в главных признаках погребального ритуала (курганы, кромлехи, положение и ориентировка скелетов). Одинаковы и некоторые типы инвентаря (украшения из раковин, зубов животных, костяные пронизи) (рис. 122, 1, 2, 3). Лощеные кубки, отличные от комплекса усатовской керамики, обнаружены, тем не менее, в погребениях, сопровождаемых типичным усатовским инвентарем (медные кинжалы — Суклея, Огородное, Нерушай).

Утконосовская группа памятников имеет более ранний возраст, что подтверждает стратиграфические данные некоторых курганов. Однако разделяющий их хронологический промежуток, вероятно, невелик, так как известны случаи и одновременного нахождения погребений утконосовского и усатовского типов в одной стратиграфической позиции.

Так, в основании кургана 1 Ясского курганного могильника в Беляевском р-не обнаружен небольшой курган (рис. 4, 7) диаметром около 20 м, в котором совершены одновременно погребения утконосовского и усатовского типов 4,5 и 13 — уса-

товские, 14–16, 19–21 и 29 – утконосовские. Так, усатовское погребение 4 находилось в яме овальной формы размером 1,9х1,5х0,95 м, перекрытой каменным закладом и деревянным настилом. На дне ямы была растительная циновка. Скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на восток, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты вправо. В погребении обнаружены два красноглиняных сосуда из хорошо отмученной глины, без росписи.

В погребении 5, совершенном в яме прямоугольной формы, перекрытом каменным закладом из четырех плит известняка и деревянным настилом, скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток, левая рука выпячена вдоль туловища, кисть правой – на животе, ноги согнуты вправо. В погребении обнаружен расписной поздне трипольский сосуд.

Погребение 13 находилось в яме овальной формы размером 2,5х1,1х0,1 м, перекрытой деревом и тростниковой циновкой. Скелет ребенка лежал на левом боку, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища. В погребении обнаружен распавшийся поздне трипольский расписной сосудик типа амфорки, створка раковины унию, охра и невыразительный кремневый отщеп.

Погребение утконосовского типа 12 находилось в небольшой яме овальной формы, перекрытой каменным закладом. Скелет ребенка лежал на левом боку, головой на северо-восток. В яме обнаружен миниатюрный сосудик из коричневой глины, форма которого не восстановилась, так как этот и другие сосуды небольших размеров, найденные в детских захоронениях, не были обожжены и распались при зачистке погребений.

Погребение 14 обнаружено в яме прямоугольной формы с закругленными углами размером 1х0,75х0,5 м. Окрашенный охрой скелет ребенка лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток, кисть правой руки лежала на животе, левая вытянута вдоль туловища. Ноги согнуты влево. Вместе с погребенным найдены сосудик из темно-коричневой глины с примесью толченой раковины, кусок охры розового цвета и три костяные проколки.

Погребение 15 также было детским. Оно находилось в яме овальной формы размером 0,6х0,4х0,2 м. Окрашенный охрой скелет ребенка лежал на правом боку в сильно скорченном положении, головой на северо-восток. Руки сложены на животе. В погребении обнаружен распавшийся лепной сосудик, имеющий в глине примесь толченой раковины.

Одновременными были усатовские и утконосовские захоронения в кургане 3 у с. Березино Тарутинского р-на [57]. Погребение усатовского типа совершено в яме прямоугольной формы размером 1,5х1,25х0,8 м. Погребение оказалось парным. Два скелета лежали на левом и правом боку, головой на вос-

ток, лицом друг к другу. В погребении обнаружены кость быка и три сосуда, из которых два изготовлены из хорошо отмученной глины, один содержал в массе примесь мелкотолченой раковины.

Утконосовское погребение 8 обнаружено в яме овальной формы. Окрашенный охрой скелет лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на восток. Погребение было перекрыто деревянным настилом. Оба захоронения находились в центре кромлеха диаметром 17,5 м. Размер курганной насыпи над усатовскими и утконосовскими погребениями: высота 1,1 м, диаметр 20 м.

Большая часть стратиграфических данных свидетельствует о том, что утконосовские памятники – более раннего возраста по сравнению с усатовскими. Так, уже стратиграфия известного "Одесского" (Слободка-Романовка) кургана указывает на более ранний характер основного утконосовского погребения 11. Последнее находилось в центре кургана и кромлеха, состоящего из двух колец, по всем признакам погребального ритуала может быть отнесено к утконосовской этнокультурной группе: оно совершено в яме овальной формы, скелет лежит в скорченном положении на правом боку, головой на восток, череп густо окрашен охрой. Позднетрипольский расписной сосуд с крышкой обнаружен вблизи погребения 13, стратиграфически более позднего и определенного исследователями как усатовское [53].

Основное погребение утконосовского типа обнаружено в кургане 2 у с. Буторы на территории Молдовы [52], в центре кромлеха. За пределами кромлеха выявлено впускное погребение 9, определенное как усатовское по найденному вблизи позднетрипольскому расписному сосуду и более позднему по отношению к центральному (утконосовскому) захоронению. Диаметр кромлеха, окружающего погребение, достигал 8 м.

Наиболее надежная картина стратиграфической зависимости утконосовских и усатовских погребений выявлена в кургане 1 у с. Холмское Арцизского р-на [41, с. 38–51]. Первоначальная насыпь высотой 0,2, диаметром 10–15 м возведена над основным утконосовским погребением 23, совершенным в яме овальной формы. Заполнение ямы составляло чернозем, а на дне прослеживалась растительная циновка. Обильно окрашенный охрой скелет лежал на левом боку, головой на восток, ноги согнуты под прямым углом к туловищу, кисти рук обращены к коленям. Дно ямы посыпано мелом и охрой малинового цвета.

В первоначальную насыпь кургана было впущено усатовское погребение 12, совершенное в каменном ящике, составленном из четырех плит, перекрытом каменным закладом, под которым обнаружены сильно разрушенные кости человеческого скелета и амфорка усатовского типа, сероглиняная, имеющая примесь в глине мелкооточеной раковины, орнаментированная оттисками тонкого перевитого шнура (горизонтальные шнуровые линии по краю венчика и по основанию горла).

Гистограмма положения погребенных утконосовской культурной группы и усатовской культуры, диаграммы ориентировок наглядно показывают, что общими признаками для тех и других являются: скорченное положение на левом боку и на спине, северо-восточная и восточная ориентировка. Отличия состоят в том, что утконосовские погребенные, кроме того, часто вытянуты на спине и редко скорчены на правом боку (8,6%), в то время как вытянутое на спине положение погребенных усатовской культуры отсутствует, а доля скорченных на правом боку значительна (20,5 %) (рис. 12, 1, 2, 3).

Исследованная в Северо-Западном Причерноморье группа памятников утконосовского типа, обладающая суммой признаков, сближающих их с усатовскими и стратиграфически более ранняя, представляет, по-видимому, ранний этап в развитии усатовской культуры, характеризующийся в большей степени чертами обряда племен нижнемихайловского типа. Иллюстрируют особенности погребального обряда тех или других сводные данные утконосовских и усатовских захоронений.

Сходство утконосовских с нижнемихайловскими памятниками проявляется в следующем. Те и другие занимают основную стратиграфическую позицию в кургане. Общими признаками являются использование камня в погребальном ритуале, форма могилы, положение и ориентировка скелета, обилие охры, сопровождение погребений захоронением костей животных и кострищем, а также одинаковый ассортимент погребального инвентаря (подвески из зубов оленя, раковин). В погребениях нижнемихайловского типа, как и в утконосовских, встречается керамика с подлощенной наружной поверхностью, содержащая примесь мелкооточенных раковин. Общие черты объясняются, несомненно, ранним проникновением нижнемихайловских племен в Северо-Западное Причерноморье, что предполагал уже Д. Я. Телегин в связи с распространением антропоморфных стел в доусатовское время [145].

На участие нижнемихайловских племен в формировании усатовской культуры указывала и О. Г. Шапошникова [168]. Т. Г. Мовша также считает, что возникновение многих существенных признаков усатовской культуры происходило под влиянием энеолитических культур – нижнего слоя Михайловки, кеми-обинской, Северо-Западного Кавказа [107].

В последние годы энеолитические погребения в ямах вытянутой овальной формы открыты И. Ф. Ковалевой на Левобережье Днепра [72], с которыми связывается часть (10 %) вытянутых утконосовских могил.

Памятники раннего бронзового века – погребения днестро-дунайской культуры. В эпоху ранней бронзы погребения в ямах прямоугольной формы характеризуют культуру, сходную с древнеямной общностью в основных чертах погребального ритуала, но представляющую самостоятельное культурное образование с оригинальным материальным комплексом. В территориальном плане памятники указанного типа ограничены рамками днестро-дунайского ареала, что и служит основанием для выделения данной этнокультурной группы под наименованием днестро-дунайской.

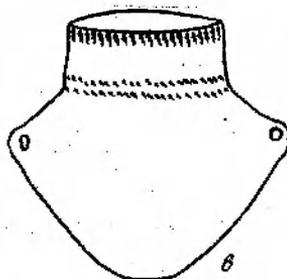
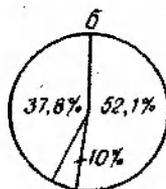
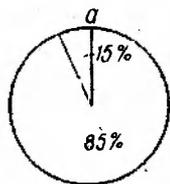
Главными чертами погребального обряда памятников днестро-дунайской культуры являются монументальные курганные насыпи и погребальные ямы, в сооружение которых вложен большой человеческий труд, что косвенно свидетельствует о возрастании потенциала культурной группы, и в частности культа предков. Погребения с уступами, известные и для более восточных территорий (в Северо-Западном Причерноморье), отличаются большими размерами и тщательностью исполнения. В хронологическом плане днестро-дунайские памятники разделить на ранние и поздние довольно трудно: погребения в простых ямах и с уступами бытуют на раннем и позднем этапах. Изменяются лишь положение и ориентировка скелета: если на раннем этапе преобладают скорченное на спине положение и ориентировка в западном полукруге, то на позднем появляются погребения, скорченные на боку, с нестабильной ориентировкой. Окраска охрой продолжает оставаться характерной чертой памятников раннего бронзового века на раннем и позднем этапах, с той лишь разницей, что поздние погребения окрашены слабее. Решающим в этом вопросе является характер памятников различного возраста, особенности их материальной культуры. Что касается общих черт в материальной культуре с памятниками ямной этнокультурной области более восточных районов (Побужья –

Поингуля-Поднепровья), то отдельные их элементы встречаются в памятниках раннего бронзового века междуречья Южного Буга-Днестра в качестве находок типично "ямных" ящедонных сосудов, характерных для материалов Михайловки III (Коминтерново, Черноморка, Дальник). К западу от Днестра находки таких сосудов неизвестны. В керамическом комплексе памятников раннего бронзового века днестро-дунайского региона появляются сосуды, в форме и орнаментации которых прослеживаются черты влияния синхронных культур – балкано-дунайского ареала и шнуровой керамики. Тем не менее, керамика днестро-дунайских памятников выделяется своей оригинальностью и своеобразием. Подробнее это влияние прослеживается на характеристике отдельных групп погребений.

Как указывалось, впервые на своеобразие "ямной культуры" в Северо-Западном Причерноморье обратили внимание Н. М. Шмаглий и И. Т. Черняков [175, с. 95–108]. Позже И. Т. Черняков связал это своеобразие с "вероятным участием остатков усатовских племен в формировании особой культуры позднеямного времени" ("буджакской", по Чернякову) на основе заселивших во II тыс. до н. э. эту территорию (Северо-Западное Причерноморье) племен позднеямной культуры.

На наш взгляд, этот процесс гораздо сложнее. Формирование новой (днестро-дунайской) культуры происходило на основе продвинувшихся с востока в днестро-дунайское междуречье энеолитических племен суворовского типа, в результате внутренних качественных изменений, а также под влиянием культур балкано-дунайского ареала и шнуровой керамики. Скорее всего, процесс формирования этой новой культуры происходил не позднее середины III тыс. до н. э.: только в результате длительных и сложных контактов и диффузии могли измениться в какой-то мере некоторые традиции погребального ритуала (появление ям с уступами) и большинство элементов материальной культуры, в частности форма керамики. Уже Н. Я. Мерперт указывал на возможное появление смешанных культур, которые могли возникать в результате взаимодействия древнеямной и культур шнуровой керамики [102, с. 103-127].

Погребения днестро-дунайского типа обычно впущены в первоначальную насыпь кургана. Они совершены в ямах прямоугольной формы, перекрыты бревенчатым накатом, настилом из плах, каменным закладом, антропоморфной стелой, четырехколесной деревянной повозкой. Средние

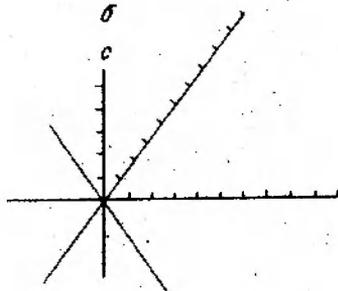
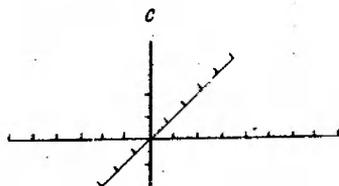

1

a

2

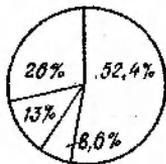
b

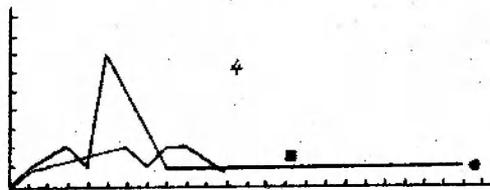
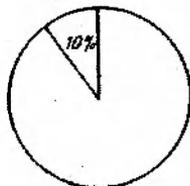
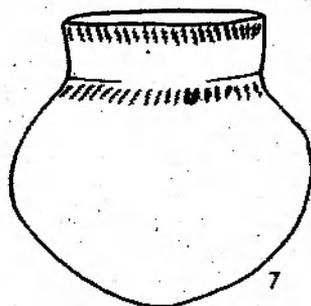
a

3

b

5

4

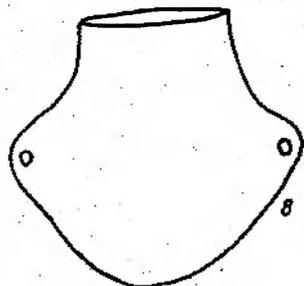

Рис. 12. 1 — гистограммы форм погребальных ям утконосовского и усатовского типов: а — утконосовские погребения (15 % — в я. ах подпрямоугольной формы, 85 % — в ямах овальной формы); б — усатовские погребения (10 % — неопределены, 37,8 % — в ямах прямоугольной формы, 52,1 % — в ямах овальной формы); 2 — диаграммы ориентировок погребенных в утконосовских захоронениях (а) и усатовских (б); 3 — гистограммы положения погребенных утконосовских (а) и усатовских (б) захоронений; а — 52,4 % — на левом боку, 8,6 % — на правом боку; 13 % — вытянуто на спине, 26 % — скорченно на спине; б — 51,2 % — на левом боку, 20,5 % — на правом боку, вытянутых на спине — нет, 28,3 % — скорченно на спине; 4 — распределение курганов по высотам (О—А — количество курганов, О—Б — высота кургана, О — курганы над погребениями утконосовского типа, П — курганы над погребениями суворовского типа); 5 — содержание керамики с примесью раковины — в погребениях утконосовского типа (10 %); 6—8 — керамика в погребениях утконосовской группы (6 — Богатое, 1/4; 7 — Каменка 1/6; 8 — Ясски 1/16)

размеры ям 1,8x1x1,2 м. Дно погребальной камеры обычно покрыто корой, кожей, тростниковой или другой растительной циновкой, посыпано охрой, мелом, углем. Стены могильных ям обработаны тщательно. Иногда по углам дна ямы встречаются углубления, круглые в плане и конические в профиле. На стенках ям отчетливо прослеживаются следы землеройного орудия типа палки-копалки с шириной рабочего края 3—4 см. Скелет, обильно окрашенный охрой, обычно лежит на спине, изредка на боку. Ориентировка в основном в западном полукруге.

Особенностью погребального обряда днестро-дунайской культуры являются погребения с уступами, которые обычно повторяют форму погребальной камеры. Ориентировка и положение скелета, а также степень окрашенности охрой, как и наличие погребального инвентаря, остаются одинаковыми в простых прямоугольных ямах и в ямах с уступами. И те и другие остаются характерными для раннего и позднего периодов развития днестро-дунайской культуры.

Ранние погребения днестро-дунайской культуры. Некоторые погребения находятся в каменных ящиках. В Северо-Западном Причерноморье известно несколько таких захоронений в раннем бронзовом веке. Так, у пос. Беляевка Одесской обл. в каменном ящике обнаружено погребение 9 в кургане 1 [2]. Погребение было впущено в первоначальную насыпь кургана. Ящик сложен из четырех больших обработанных плит известняка с выпиленными пазами, щели между которыми замазаны зеленой глиной, благодаря чему плиты оказались плотно пригнанными друг к другу. Погребение перекрыто деревянным настилом и пятой плитой. Окрашенный

охрой скелет находился в скорченном положении на спине, головой на север.

Погребение в каменном ящике обнаружено в кургане у с. Санжейка Овидиопольского р-на. Четыре плиты тщательно обработаны и плотно пригнаны друг к другу, без пазов. Вплотную к восточной плите, находящейся в ногах погребенного, подогнаны еще две плиты, поставленные на ребро, также аккуратно обработанные. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад (рис. 4, б).

Остатки каменного ящика перекрывали погребение 1 в кургане 1 у с. Великодолинское Овидиопольского р-на [142, с. 186–201]. Плиты имели выпиленные пазы и, по-видимому, первоначально составляли каменный ящик. Наружная поверхность каждой плиты орнаментирована углубленным косым крестом. Погребальная яма имела прямоугольную форму. Скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток.

Отличает ранние погребения днестро-дунайской культуры тщательность исполнения. Стенки ям, дно, перекрытие погребальной камеры из бревен, каменных плит или тростника, уступ по верхнему краю ямы, каменные ящики аккуратно оформлены. На дне, вдоль длинных стен, а иногда и по всему периметру дна ямы встречаются углубления круглой в плане и конической в профиле формы, которые предназначались, по-видимому, для вкапывания столбиков, поддерживающих какое-то легкое сооружение, может быть, наподобие шатра. Такие же углубления, но меньшего размера отмечены и в дне уступов.

Для погребального инвентаря ранних памятников характерны спиралевидные подвески (рис. 26, 1–7) из меди или серебра (биллона?), сделанные из круглой в сечении проволоки, пронизы, браслеты, полые внутри, медные шилья, ромбовидные в сечении, кремневые наконечники стрел и дротиков, каменные растиральники, топоры (рис. 25, 1–12; 27, 1–5). Керамический комплекс ранней группы памятников представлен разнообразными формами (горшки, чашки, блоковидные кубки, амфоры овоидной формы).

Для поздних памятников днестро-дунайской культуры характерно разнообразие погребальных сооружений. Погребальная камера имеет в основном прямоугольную, близкую к овалу форму, однако характер ее оформления самый раз-

ный: яма вырыта небрежно, перекрыта деревом, камнем, камышом, изредка плитами, среди которых встречаются антропоморфные стелы. Положение скелета нестабильное – скорченное на спине или на боку. Ориентировка также неустойчива, но преобладает в западном полукруге. Окраска охрой скелета и дна ямы незначительная.

Влияние катакомбной культуры выражается в появлении богатой шнуровой орнаментации на керамике, каменных топоров катакомбного типа, кремневых наконечников стрел с выемкой в основании, медных ножей листовидной формы (рис. 26, 4, б).

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Энеолитический возраст суворовской этнокультурной группы выявляется прежде всего при анализе богатого инвентаря эпонимного захоронения. Пластины, изготовленные из светло-коричневого кремня, имеют удлинненную трапециевидную в сечении форму. Подобные кремневые изделия характерны для памятников Среднего Триполья [105, с. 202], среднестоговских памятников; в Северо-Западном Причерноморье найдены в архаическом энеолитическом погребении разрушенного кургана у ст. Кайнары в Молдове [109 с. 45–49]. Медные шилья сделаны из круглой в сечении проволоки, их длина 6 и 10 см, диаметр сечения 0,3 см. Подвески из створок раковин унио – уплощенные, крупных размеров, диаметром 1,5–1,6–1,7–1,8 см, неодинаковой толщины, имеют неправильную круглую и овальную форму. В центре каждой подвески просверлено круглое отверстие с внутренней и наружной стороны). Поверхность подвесок окрашена красной охрой. Аналогичные украшения характерны для среднестоговских памятников – Чаплинского могильника [56, с. 106], Петро-Свистуново [146], Ново–Даниловского [45, с. 109].

Скипетр из темно-серого порфирита, обнаруженный в погребении, состоит из навершия, изображающего голову коня и обушной части. Поверхность скипетра заполирована (рис. 3, 1; 4, 2), за исключением'обуха, который обработан в технике точечной обивки. Скипетр имеет многочисленные, хотя и сильно стилизованные аналогии, среди которых наиболее близкой территориально и в культурном отношении является находка в погребении с охрой из Касимчи (Румыния) [46]. Длина скипетра 17,1 см, ширина в средней части 5 см, толщина 3,3 см. Благодаря находкам скипетров в погребениях ранних культур В. Н. Даниленко и Н. М. Шмаглию удалось установить твердую дату суворовского погребального комплекса – середина IV тыс. до н. э. [46].

Из наиболее ранних сосудов, характерных для комплексов древнеямной этнокультурной области Поволжья и Поднепровья, в Северо-Западном Причерноморье можно назвать сосуд из кургана у с. Градиште Чимишлийского р-на Молдовы (погребение 6) [113]. Сосуд имеет овоидную форму, прямой высокий венчик, заглаженную наружную поверхность. Его высота 14,5 см, диаметр венчика 10 см. Сосуд аналогичен обнаруженному в Нижнем Поволжье (р. Еруслан) в ямном погребении 22 кургана 5 у с. Бережновка, находка которого и подобных сосудов (круглодонных со стянутым верхом) в раннеямных погребениях Нижнего и Среднего Поволжья и Поднепровья дали основание В. Н. Даниленко выделить содержащие их памятники в отдельную так называемую бережновскую фазу развития древнеямной культуры (второй среднестоговский этап).

В комплекс наиболее ранней керамики можно включить банку из погребения 22 кургана 1 у г. Арциз. Форма и грубое глиняное тесто сближают ее с одной из групп керамики энеолита Поднепровья. Наиболее прямыми аналогиями ему являются сосуды из среднестоговского поселения Васильевка в Надпорожье [54], станицы Политотдельской и Мариупольского могильника [91]. Сосуд из Арциза красноглиняный (глина в изломе черная, без видимых примесей, обжиг неравномерный) (рис. 23, 9). Банка обнаружена в одном из древнейших погребений кургана, на одном стратиграфическом уровне с суворовским погребением 17 и утконосовскими 20 и 21.

Вероятно, к этому же времени можно отнести фрагменты керамики с примесью крупнотолченой раковины, представленные незначительным количеством, преимущественно стенок сосудов (рис. 5, 2, 6). Сказать что-либо определенное о форме этой посуды не представляется возможным. Очевидно, сосуды предназначались для молочных продуктов и имели приблизительные размеры горшков средней величины (толщина стенок 0,5–0,8 см). Наружная поверхность некоторых фрагментов украшена частым углубленным линейным орнаментом, композиции которого представляют собой ряды чередующихся (иногда под углом) горизонтальных и косых линий. Наиболее близкая по стилю и мотивам орнаментация известна в одной из групп среднестоговской керамики [147, с. 37].

Один из наиболее ранних сосудов, аналогии которому известны в памятниках Среднего Триполья VI, обнаружен в погребении разрушенного кургана у ст. Кайнары [109, с. 46].

Другую группу погребального инвентаря суворовских памятников составляют кремневые наконечники стрел с прямым или слегка изогнутым основанием (погребение 18 кургана 1 у г. Арциз, погребение 2 кургана 4 первого курганного могильника у с. Каменка Измаильского р-на, погребение 6 кургана 2 у с. Богатое Измаильского р-на). Наконечники стрел имеют вытянутые пропорции, строго треугольную форму, прямое основание или иногда слегка намеченную выемку в основании. Наконечники обработаны двусторонней струйчатой ретушью. Длина их варьирует от 2,7 до 3,5 см, ширина основания 1,5 см (рис. 25, 13, 14; 27, 8, 11).

Изредка в погребальном инвентаре суворовских памятников встречаются медные или серебряные спиралевидные подвески в 1,5–3 оборота (погребение 6 кургана 2 у с. Островное Арцизского р-на, погребение 14 кургана 1 у с. Нерушай Килийского р-на, погребение в кургане 1 у с. Олонешты и др.). Однако, поскольку хронологический и территориальный диапазон металлических и спиралевидных колец довольно широк, этот вид погребального инвентаря немного дает в качестве временного и этнокультурного показателя.

Таким образом, основная часть немногочисленного погребального инвентаря указывает на энеолитический возраст суворовской этнокультурной группы памятников степной части Северо-Западного Причерноморья.

Погребальный инвентарь утконосовских памятников отсутствует либо чрезвычайно беден (костяные пронизи, подвески из молочных зубов оленя, из створок раковин хеликс). Особенностью инвентаря являются редкие находки тонкостенных лощеных кубков (амфорок) из темно-коричневой глины, имеющей в массе примесь измельченных раковин. У сосудов небольшое плоское дно, высокое горло, орнаментированное по основанию или по краю венчика одним или несколькими рядами отпечатков тонких шнуровых линий; большей частью сосуды имеют ручки-ушки, расположенные на уровне наибольшего диаметра корпуса со сквозными горизонтальными отверстиями. Таковыми являются сосуды, обнаруженные в рассмотренных погребениях курганов у сел. Яски, Нерушай, Гура-Быкулуй, Богатое. Несколько отличается сосуд из Каменки (рис. 12, 7). Его размеры примерно в два раза превосходят размеры миниатюрных амфорок и кубков. Каменский сосуд сероглиняный, с прямым высоким горлом, слегка отогнутым наружу венчиком, шаровидным корпусом и слегка намеченным заостренным дном. Вдоль края венчика и по основанию горла идут два ряда

оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа (таким же штампом заглажена наружная поверхность). В глиняном тонкоструктурном тесте сосуда отмечена значительная примесь мелкотолченой раковины. Ближайшей аналогией ему (по технологии, форме и обработке наружной поверхности) может служить сосуд из Ново-Даниловки в Поднепровье [45, с. 108, рис. 56], отличия их состоят лишь в том, что новоданиловский сосуд украшен наклепными жемчужинами. Размер каменского сосуда: высота 12,4 см, диаметр венчика 9 см, высота горла 3 см (рис. 12, 7). В Новоданиловском погребальном комплексе кроме сосуда обнаружены также медные спиралевидные браслеты, кремневые ножевидные пластины и подвески из створок раковин унио, аналогичные суворовским и найденным в разрушенном погребении у ст. Кайнары Г. Ф. Чеботаренко и Т. Г. Мовшей, а также обнаруженным в Касимче, что еще раз подтверждает энеолитический возраст памятников и их синхронность суворовской культурной группе.

Сосуд, найденный в кургане 3 у с. Утконосовка (рис. 5, 4, 5), имел крупные размеры и служил, по-видимому, зерновиком. У него был мягкий S-видный профиль, широкое раструбленное горло, слегка отогнутый наружу венчик и небольшое плоское дно. В глине отмечены примеси толченых раковин, охры и угля. Внутренняя и наружная поверхности сосуда орнаментированы расчесами, нанесенными крупным гребенчатым штампом. Размеры сосуда: высота 60 см, диаметр дна 10 см, венчика — 30 см (рис. 5, 4, 5).

Другую показательную группу инвентаря утконосовских захоронений составляют украшения из раковин хеликс (Семеновка, Нерушай, Утконосовка, Богатое) и молочных зубов оленя (Арциз, Десантное), которые известны также в погребениях Мариупольского [91], Никольского [144, с. 37, рис. 3, 6], Лысогорского [22, с. 25, рис. 4, 9], Чаплинского [56, с. 148], Деревянского [146, с. 152, рис. 11] и других могильников. Д. Я. Телегии считает, что подвески из молочных зубов оленя в посленеолитическое время встречаются редко. Их находки отмечены в памятниках днепро-донецкой культуры, в погребениях Западного Кавказа, в Триполье, на Балканах [147, с. 155] и являются "наряду с керамикой одной из основных этнографических черт культуры" [там же, с. 244]. Подвески из раковин хеликс в Северо-Западном Причерноморье встречены только в погребениях утконосовского типа и в усатовских захоронениях (рис. 10).

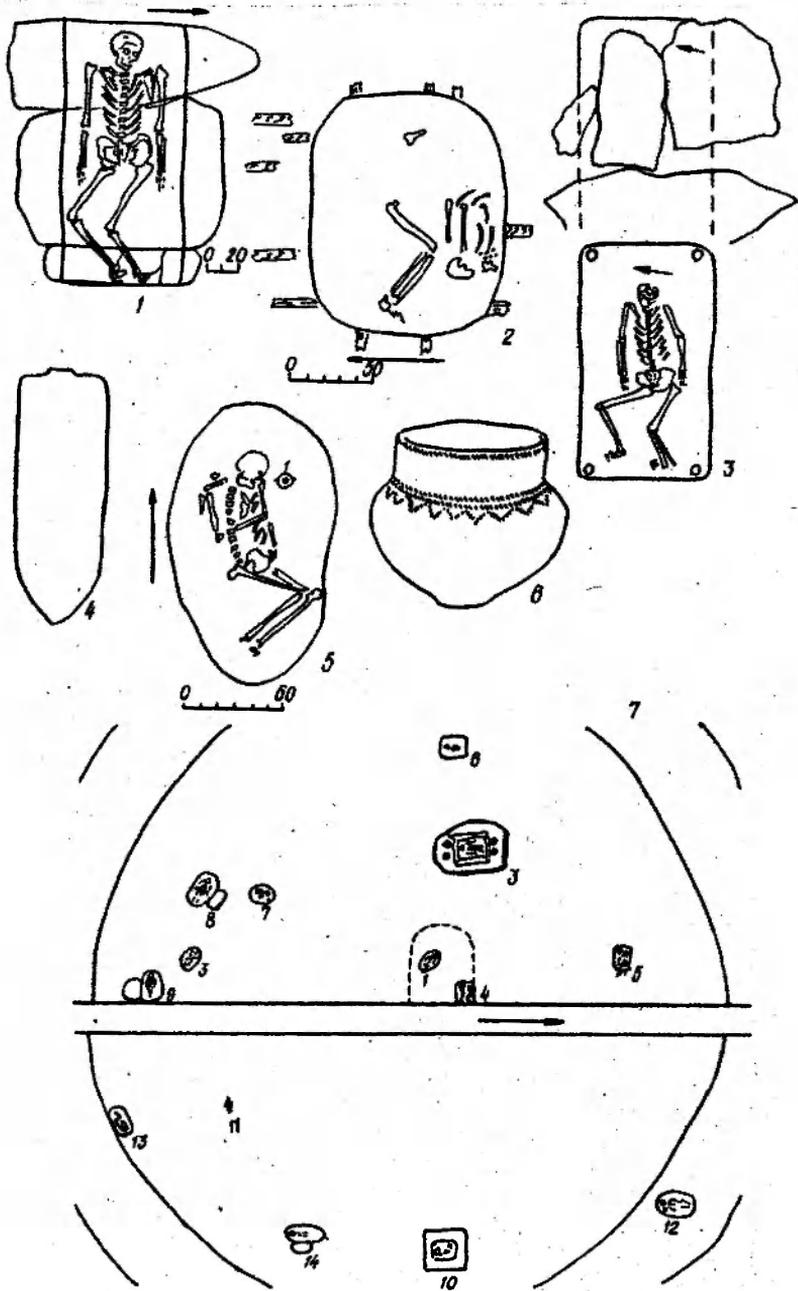

Рис. 14. 1 — кург. 1, погр. 2, с. Санжейка (Овидиопольский р-н); 2 — кург. 1, погр. 3, с. Богатое; 3 — кург. 2, погр. 9, с. Дальник; 4 — кург. 1, погр. 2, с. Санжейка; 5 — кург. 1, погр. 4, с. Богатое; 6 — кург. 10, погр. 12, с. Нерушай; 7 — кург. 1, погр. 4, с. Богатое; 8 — кург. 2, общий план, с. Ясски

Сравнительный анализ погребального обряда и инвентаря суворовских и утконосовских памятников указывает на их сходство, что объясняется длительным существованием на общей территории — в Северо-Западном Причерноморье. Одинаковый ассортимент погребального инвентаря утконосовских памятников и нижнемихайловских (подвески из зубов оленя, раковин унио, хеликс, находки керамики с подлощенной поверхностью, содержащей в массе примесь мелкотолченной раковины) указывает на раннее проникновение нижнемихайловских племен в днестро-дунайское междуречье в доусатовское время.

Различие между усатовскими и утконосовскими памятниками проявляется в следующем. В утконосовских погребениях отсутствуют антропоморфные статуэтки. Изредка в них встречается только по одному сосуду. Лощеные кубки (амфорки) в них своеобразны и отличаются от усатовской керамики подобного типа хорошо отмученной глиной, интенсивным коричневым цветом, более сильным обжигом и характерным лощением.

Общие особенности проявляются в одинаковых украшениях из раковин, зубов животных, костяных пронизей. Лощеные кубки, отличные от комплекса собственно усатовской керамики, обнаружены, тем не менее, в погребениях, сопровождаемых типичным усатовским инвентарем (медные кинжалы — Нерушай, Огородное, Сукляя).

Простота и бедность погребального инвентаря, нетипичность расписной посуды, отсутствие антропоморфных статуэток указывают на более слабую связь степной группы усатовских памятников с собственно трипольской культурой и на ее более тесные контакты с энеолитическими культурами степного ареала.

Для погребального инвентаря ранних памятников днестро-дунайской культуры характерны спиралевидные подвески из меди и серебра, сделанные их круглой в сечении проволоки, пронизи, браслеты, полые внутри, медные шилья, ромбовидные в сечении, кремневые наконечники стрел и дротиков, камненные растиральники и топоры. Керамический комплекс ранней группы памятников представлен разнообразными формами (горшки, чашки, блоковидные кубки, амфоры оvoidной формы, ситупообразные сосуды).

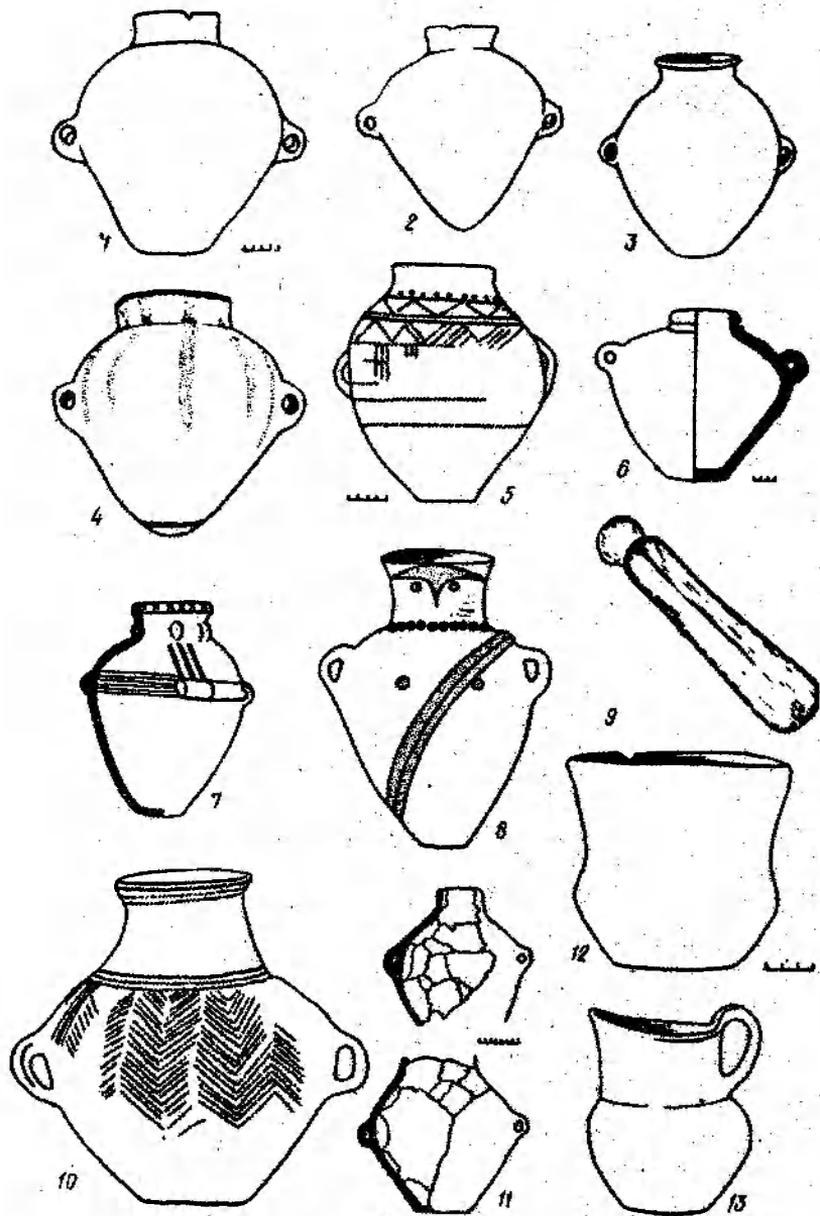

Рис. 16. Керамика днестро-дунайской культуры (1—3, 12—13), сосуды синхронных культур Балкан—Подунавья и шнуровой: 1 — кург. 2, погр. 12, с. Островное; 2 — кург. 5, погр. 26, с. Ясски; 3 — кург. 9, погр. 7, с. Надлиманское; 4 — Белозерка; 5 — Михайловское поселение; 6 — Гура Галбенэ, кург. 2, погр. 5, Молдавия; 7 — Валя—Лупулуй, Румыния; 8 — Троя I; 9 — кург. 7, погр. 9, с. Надлиманское (кость); 10 — культура Коцофень; 11 — культура Чернавода III; 12 — кург. 2, погр. 8, с. Глубокое; 13 — кург. 2, погр. 12, с. Глубокое (Татарбунарский р-н)

Небольшая группа погребений в курганах Украины и Молдовы содержит своеобразные амфоры, отличающиеся определенными типологическими признаками. Сосуды имеют крупный яйцевидный корпус с небольшим плоским, иногда закругленным дном, две широкие горизонтальные ленточные ручки на средней части корпуса и прямое горло со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 15, 1, 2, 4, 5; 16, 1—6). Погребения с амфорами такого типа совершены в материке в прямоугольных ямах (иногда с уступами) и перекрыты бревенчатым накатом. Использование камня в погребальном ритуале не зафиксировано. Скелеты погребенных, обильно окрашенные охрой, лежат обычно в скорченном положении на спине, изредка на левом боку, головой на запад, северо-запад, реже на восток. Если курганы многослойные, то погребения с амфорами обычно впущены в первоначальную насыпь эпохи энеолита; в двух случаях погребения с амфорами связаны с насыпью, следующей за первоначальной усатовской [51], в одном — захоронение с амфорой — основное в кургане раннего бронзового века (Надлиманское).

По ряду признаков и аналогиям с находками в стратифицированных курганах Нижнего Подунавья, Балкан и Восточного Средиземноморья [110] погребения с амфорами можно разделить на ранние и поздние. К позднему типу относятся амфоры, богато орнаментированные различными композициями шнуровых оттисков, жемчужин, насечек и пр. Дно сосудов плоское, иногда широкое. Ручки часто украшены несколькими (до пяти) каннелюрами, иногда дополнительно расчлененными насечками. Верхняя часть сосуда бывает украшена шнуровым орнаментом, жемчужинами, валиком у основания горла, большей частью расчлененным пальцевыми вдавлениями.

В курганах Северо-Западного Причерноморья представлены амфоры обоих типов. Сосуд первого типа обнаружен у с. Ясски Беляевского р-на (Нижнее Поднестровье) в одном (погребение 26) из двух основных захоронений кургана 5, относящегося к раннему бронзовому веку. Это погребальное сооружение — одно из самых монументальных в Северо-Запад-

ном Причерноморье. Оно было совершено в яме прямоугольной формы размером 3,2х1,6х1,3 м с уступом (8х4,5х1,2 м). Погребальная камера перекрывалась восьмью поперечными плахами шириной 0,8–0,7, толщиной 0,05–0,1 м. На дне ее обнаружены углубления – по краям и по середине длинных стен – и остатки толстой растительной циновки прямоугольного плетения. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад (рис. 4, 7; 21, 2). Слева от черепа находилась лепная черноглиняная амфора с овальным корпусом, округлым дном и широким вогнутыми горизонтальными плоскими ручками на средней части корпуса; горло невысокое, слегка расширенное вверх (рис. 15, 5). Поверхность амфоры залощена, обжиг неравномерный, глина грубая, без видимых примесей. Высота 34 см, максимальный диаметр корпуса 26 см, диаметр венчика – 12, высота горла – 3,5 см (рис. 16, 2).

Два сходных сосуда известны из раскопок Г. Л. Скадовского в Белозерке, которые хранятся в Херсонском историко-археологическом музее [187]. Один из них – чернолощенная остродонная амфора с двумя ручками на средней части корпуса (рис. 15, 4; 16, 2). В отличие от рассматриваемой группы белозерская амфора имеет широкое горло с пальцевыми вдавлениями по венчику, на наружной поверхности – вертикальные полосы, нанесенные черной краской. Другой сосуд содержит толченую раковину в керамической массе и напоминает амфору из Михайловки [89], он украшен сложным шнуровым орнаментом.

Амфоры первого типа находят самые близкие аналогии в материалах энеолитических культур Чернавода I, Фолтешть, появление которых румынские археологи связывают с финальной стадией культур Кукутени, Гумельница и Селькуца, считая время их возникновения периодом перехода к раннему бронзовому веку и проникновения первых волн северопричерноморских племен в Подунавье и на Балканы. По-видимому, самой ранней датой появления амфор вытянутой конфигурации можно считать первую половину III тыс. до н. э. – время Трои I, в стратиграфическом слое которой известны амфоры сходного архаического типа (рис. 16, 8).

В керамическом комплексе культуры Фолтешть представлены как фрагменты, так и целые амфоры первого типа и переходного ко второму, признаком которого является появление ручек с одной–двумя каннелюрами. Этот факт скорее всего можно объяснить долговременным существованием эпонимного поселения. Такому предположению не противо-

речат и выводы его исследователей, которые отрицают наличие в Фолтешть нескольких стратиграфических горизонтов. Если принять во внимание мнение М. Петреску-Дымбовицы и М. Дину о том, что в сложении культуры Фолтешть принимали участие восточные, степные племена [214], которые, как предполагается, древнее усатовцев, оставивших поселение типа Маяки, то находки ручек переходного типа в Маяках [61] и в Фолтешть свидетельствует о наличии в материалах последнего элементов, синхронных ранним и поздним усатовцам.

Несмотря на то что амфоры второго типа представлены в материалах культуры Чернавода III (рис. 16, 11), хронологический разрыв между первым и вторым типом, вероятно, не был значительным. Об этом говорят почти неизменившаяся форма сосуда в слоях Чернавода I и III и находки амфор в курганах Северо-Западного Причерноморья в одинаковых стратиграфических условиях. Так, сосуд второго типа из кургана 10 у с. Надлиманское Овидиопольского р-на обнаружен в погребении 7, являвшемся основным для вторичной насыпи (первоначальная возведена над двумя усатовскими погребениями, окруженными кромлехом) [176]. Погребение с амфорой выявлено в яме прямоугольной формы, перекрытой бревенчатым накатом. Обильно окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Рядом с кистью правой руки найдено окрашенное охрой костяное орудие — лоцило для обработки наружной поверхности керамики (определение Г. Ф. Коробковой), тщательно выполненное из лопатки овцы-козы (определение Н. И. Благодарова, палеонтолога Одесского государственного университета). Орудие долгое время находилось в употреблении: в местах упора большого и указательного пальцев появились овальные углубления, рабочая поверхность залощена. Длина изделия 14,5 см (рис. 16, 9). На дне погребальной камеры обнаружены следы растительной 'циновки из коры (или кожи?) и остатки деревянного перекрытия, среди которых выявлена медная трубчатая пронизь. У левого плеча погребенного находилась лепная желтоглиняная амфора с овальным корпусом, невысоким прямым горлом и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 16, 3; 15, 1). На средней части корпуса расположены две широкие плоские ручки, украшенные вертикальными каннелюрами (на одной ручке — пять, на другой — четыре каннелюры). Поверхность сосуда слегка залощена. Глина в изломе черного цвета с примесью крупнозернистого песка. Высота амфоры 33 см, диаметр дна

10 см, венчика – 15 см, максимальный диаметр корпуса 18 см. Ближайшей аналогией сосуду из Надлиманского является амфора, обнаруженная в Румынии (Молдова, Валя-Лупулуй) (рис. 16, 7) в одном из погребений с охрой.

К последнему типу относится амфора, обнаруженная в кургане 2 у с. Островное Арцизского р-на. Погребение 12 с амфорой было впускным в первоначальную насыпь, сооруженную над захоронением в прямоугольной яме, перекрытой каменным закладом, то есть погребением суворовского типа, окруженным массивным кромлехом. Погребение 12 необычно: оно совершено в подквадратной яме размером 2,7х2х0,65 м, перекрытой бревенчатым накатом. Глубина ямы невелика, как и в погребении с амфорой из Надлиманского. Обильно окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад (рис. 11, 1; 20, 2). Рядом с черепом обнаружена желтоглиняная амфора с яйцевидным корпусом, небольшим плоским дном, невысоким прямым горлом и двумя реберчатыми (по четыре каннелюры) ручками на средней части корпуса (рис. 15, 2; 16, 1). Высота амфоры 30,5 см, максимальный диаметр корпуса 34 см, диаметр дна 9,2 см, венчика – 10 см, высота горла 4,5 см.

Вероятно, небольшой хронологический промежуток разделяет описанные сосуды и амфору, обнаруженную в среднем слое Михайловского поселения [89] (рис. 16, 5). Сосуд из Михайловки сделан из глины с примесью толченой раковины и орнаментирован композициями из шнуровых оттисков и жемчужин. В междуречье Дуная и Днестра на территории Молдовы (с. Гура-Галбенэ Чимишлийского р-на) в кургане 2 с подобной амфорой обнаружено погребение 5, также впущенное в первоначальную насыпь, возведенную над усатовским погребением (которое окружал кромлех), находившимся в такой же стратиграфической позиции, что и погребение из Надлиманского (рис. 16, 6). Захоронение с амфорой выявлено в яме прямоугольной формы размером 1,8х1,4 м. Окрашенный охрой скелет находился в скорченном положении на спине, головой на северо-запад, согнутые ноги сдвинуты вправо. Кисти рук лежали на животе. Между фалангами пальцев найден кремневый наконечник стрелы с выемчатым основанием. В восточном углу ямы, у ног погребенного, обнаружена амфора с овальным корпусом, плоским дном, невысоким горлом и ручками, расположенными несколько выше средней части корпуса. Отличие молдавской амфоры состоит в том, что у основания ее горла имелся налепной валик. Захоронение с амфорой находилось в одном

стратиграфическом слое с погребением, содержащим кубок, орнаментированный шнуром. Этому обстоятельству следует уделить особое внимание. В 1976–1977 гг. в Молдове амфоры с овальным корпусом обнаружены в одном стратиграфическом слое с кубками, имеющими приземистый корпус и слегка расширенное кверху горло. В то же время погребения с такими сосудами оказываются одновременными захоронениями с асковидными кувшинами. Так, в кургане 2 у с. Глубокое Татарбунарского р-на в одной насыпи обнаружены погребения с асковидным кувшином и блоковидным кубком [175] (рис. 16, 12, 13), которые были совершены в ямах прямоугольной формы, перекрытых бревенчатым накатом (одна из ям – с уступом); окрашенные охрой скелеты лежали скорченно на спине, головой на северо-запад.

Одновременные находки амфор второго типа и асковидных сосудов известны в материалах культур Чернавода III, Фолтешть, Коцофень, Троя II–IV (рис. 16, 10, 11). Амфоры и аски перечисленных культур рядом особенностей (вычурностью отдельных деталей, богатством орнаментации) отличаются от найденных в Северо-Западном Причерноморье. Не вызывает сомнений, что амфора являлась в Причерноморье распространённой формой керамики. Было бы ошибочным непосредственно связывать появление в Северо-Западном Причерноморье амфор рассмотренного типа с прямым влиянием культур раннебронзового века Балкан, Подунавья и Прикарпатья на ямную культуру [175]. Тем не менее следует отметить, что отдельные детали амфор более позднего типа указывают именно на такие заимствования (в первую очередь каннелюры на ручках). Имея ещё ряд общих признаков, которые можно назвать стадийными, с амфорами энеолитических культур, культур шнуровой керамики и шаровидных амфор, культур раннебронзового века Балкан и Подунавья, сосуды рассматриваемого типа Северо-Западного Причерноморья выделяются в отдельную самостоятельную группу, характерную только для одного определённого географического района – Днестро-Дунайского ареала.

Установление стратиграфической позиции погребений с амфорами, кубками и асковидными сосудами позволило синхронизировать целую группу захоронений, характеризующуюся определёнными общими признаками погребального ритуала. Погребения совершены в ямах прямоугольной формы, большей частью с уступами. Ямы перекрыты бревенчатым накатом. Положение скелетов – скорченное на спине. Ориентировка – в западном полукруге, преимущественно севе-

ро-западная. Окраска охрой обильная. В плане относительной хронологии культур энеолита – раннего бронзового века Юго-Восточной и Восточной Европы погребения с амфорами овоидной формы занимают следующее место: погребения с амфорами – погребения с асковидными сосудами – погребения с кубками – Чернавода – Коцофень – конец Трои I – Фолтешть – Усатово – Михайловка II, то есть середина – начало второй половины III тыс. до н. э.

Амфора как специфическая форма сосуда, связанная со скотоводством молочного направления, привлекает внимание многих специалистов, занимающихся генезисом энеолитических культур, особенно ранней поры бронзового века. Ранние формы амфор имеются в комплексах культур воронковидных сосудов ранних памятников трипольской культуры [59], спорадически встречаются в памятниках развитого и особенно позднего Триполья [62], в культуре Гумельница. Однако в конкретном случае речь идет о специфической форме амфор, не имеющей близких аналогий в комплексах всех перечисленных культур. Нам представляется, что румынские исследователи, уделившие большое внимание изучению периода перехода от эпохи энеолита к бронзовому веку, по-видимому, ближе других стоят к истине, полагая, что культурный тип памятников, характеризующихся присутствием амфор описанного облика, сформировался в границах восточной части Северо-Западного Причерноморья.

В отдельную группу днестро-дунайской керамики можно выделить горшки – тип сосуда, который характерен для всех этапов бронзового века.

В кургане 3 у с. Ефимовка обнаружен черноглиняный горшок в погребении 10. Глина грубая, обжиг неравномерный. Высота сосуда 15,4 см, диаметр дна 6,4 см, венчика – 12 см. Сосуд обнаружен в характерном погребении днестро-дунайской культуры (рис. 24, 3).

Черноглиняный горшок со слегка отогнутым наружу венчиком обнаружен в погребении 56 кургана 9 у с. Нерушай [175]. Поверхность стенок неровная, со следами сглаживания. Плечики украшены елочным орнаментом, выполненным оттисками шнурового штампа; черноглиняный горшок найден в кургане 1 у с. Новокаменка в погребении 5, край венчика орнаментирован оттисками пальцев – защипами.

Одной из характерных форм керамического комплекса днестро-дунайских памятников являются ситилообразные сосуды (иногда на кольцевом поддоне меньшего диаметра) с ручками-ушками на верхней части корпуса; ручки снабжены

вертикальными отверстиями. Большой частью вся наружная поверхность сосудов украшена богатыми композициями оттисков тонкого шнурового штампа, иногда встречаются неорнаментированные сосуды. Ситулообразные сосуды характерны только для памятников ранней бронзы Днестра-Дуная.

Влияние культуры Чернавода I проявилось в освоении населением днестро-дунайского ареала некоторых технологических приемов в изготовлении керамики, главным образом в лощении наружной поверхности сосудов.

Связи с культурой Коцофень выразились в появлении в керамических комплексах памятников Северо-Западного Причерноморья орнаментальных мотивов, свойственных керамике культуры Коцофень (рис. 16, 10). Идентично орнаментирован сосуд из Березовки [50] Новоаненского района Молдовы и амфора культуры Коцофень (рис. 16) – сплошными параллельными горизонтальными шнуровыми линиями. Сосуды типа асков культуры Коцофень из Трансильвании и кратеровидный сосуд из Ефимовки в Нижнем Поднестровье украшены параллельными рядами коротких косых горизонтальных рядов отпечатков шнура, идущих ряд за рядом в противоположных направлениях.

Наиболее типичным в керамике днестро-дунайских погребений является мотив орнаментации в виде треугольника, выполненного параллельными оттисками шнура. Так же орнаментирован асковидный сосуд культуры Коцофень (рис. 16). Следует отметить, что свойственный многим сосудам (особенно сосудам кратеровидной формы) прием орнаментации боковых сторон, включая ручки (ушки, выступы), вероятно, заимствован из керамической традиции культуры Коцофень (сравним характер орнамента боковых сторон сосудов из Ефимовки и Нерушай и сосудов из Румынии) (рис. 18, 3; 16, 10). Параллельными рядами вертикальных оттисков шнура украшен сосуд из ямного погребения в Ясках (Нижнее Поднестровье) (рис. 18, 5), а также шаровидный сосуд культуры Коцофень [199].

В свою очередь, в материалах культуры Коцофень встречаются керамические импорты "культуры погребений с охрой", что позволяет румынским археологам синхронизировать эти культуры и отнести их к периоду перехода от энеолита к раннему бронзовому веку [212]. Здесь же можно отметить, что сосуды типа асков обычны в культуре Коцофень и известны в синхронной ей болгарской культуре переходной

го периода от энеолита к бронзе—Эзеро и Караново VII [202; 207]. Д. Берчу датирует этот период 2300 г. до н. э. [19].

Взаимосвязи племен ямной культуры с культурами шнуровой керамики прослеживаются на определенных категориях археологического материала, в основном на керамике, каменном и кремневом инвентаре. Поскольку каменный боевой топор является одним из главных атрибутов культуры шнуровой керамики, нам представляется наиболее удобным начать выявление элементов этих культур именно данной группы инвентаря.

О важности находок каменных топоров при изучении связей племен ямной культуры с племенами культур шнуровой керамики говорил А. Я. Брюсов [26, с. 1–18]. Он подчеркивал необходимость учета и случайных, не обязательно связанных с культурным слоем находок каменных боевых топоров, рассматривая их как важные следы на путях продвижения племен или их отдельных отрядов.

Коллекция каменных и кремневых боевых топоров из Дунайско-Бугского и Прутско-Днестровского междуречья невелика, но и она опубликована частично. В работе использованы лишь доступные автору материалы.

Среди находок топоров выделяется группа ранних изделий, свидетельствующих о связях с середины III тыс. до н. э. У с. Благодатное обнаружен каменный клиновидный топор из плотного песчаника, характерный для раннего этапа подольской группы подкарпатской культуры шнуровой керамики [213]. По системе П. Глоба топор относится к типу А. Многочисленные аналоги ему известны в культурах шнуровой керамики Польши, ФРГ и ГДР [209; 217; 210]. Такой же топор обнаружен В. А. Дергачевым в кургане у с. Гура-Быкулуй в Среднем Поднестровье, а в Северном Причерноморье — в Михайловском поселении [89, с. 57, табл. 22, 9]. Подобного типа топор найден и в Побужье у с. Ивановка [163, табл. 17, рис. 7, а–б].

Овальная в сечении заготовка больших размеров топора клиновидной формы, изготовленная из черного (волынского?) гранита, обнаружена у с. Греновка на территории Молдовы (фонды ОАМ, инв. № 25873). Лезвие и обух орудия закруглены, лезвие зашлифовано. Подобный тип известен в материалах подкарпатской культуры шнуровой керамики [17, рис. 3, 1, 4]. При раскопках И. Я. и Л. П. Стемпковскими тираспольских курганов у с. Парканы найден фрагмент ромбического (5-й тип по Брюсову и Зиминой) топора. П. Глоба относит его к

типу 1. Форма этого топора считается одной из наиболее ранних и встречается в архаических памятниках среднеднепровской и фатьяновской культуры [8, табл. 17, 9].

В Северо-Западном Причерноморье выявлены топоры еще одной разновидности – треугольные. Массивный топор треугольной формы (фонды ОАМ, инв. № 70937) найден разведкой Одесского археологического музея у с. Гетьмановка [180, с. 209, табл. 1, 1б]. Орудие крупного размера изготовлено из темно-серого гранита, имеет хорошо заполированную поверхность. Еще один треугольный топор из желтовато-серого песчаника с тупым лезвием найден у с. Ряснополье [118, с. 190, табл. 3-ж]. По классификации А. Я. Брюсова и М. П. Зиминской оба топора относятся к первому так называемому треугольному типу. Подобная форма, как указывают авторы, характерна для самых ранних типов каменных сверленных боевых топоров. Встречаются они уже в энеолитических культурах – Лендьял, Гумельница, Триполье В [10, с. 384, рис. 233, 1; 13, с. 183, рис. 4]. Треугольной формы топор небольших размеров обнаружен в кургане у с. Березино [57, с. 324–325], где основным было позднетрипольское захоронение.

Таким образом, подобный тип топора имеет широкое территориальное распространение, а в хронологическом плане больше тяготеет к энеолиту. находка, связанная с березинским курганом, указывает на более поздний период, возможно, на поздний энеолит, так как в захоронении кроме топора найдена медная тонкая, согнутая в виде подвески пластинка, тип которой встречается в позднем Триполье, в среднеднепровской культуре и в памятниках Северной Украины эпохи среднего бронзового века [50, рис. 31, 72; 18, рис. 29, 11, 13, 14; рис. 30]. С. С. Березанская считает, что металлические украшения простой формы бытовали длительное время.

У г. Бендеры на территории Молдовы обнаружен двулезвийный топор [51, рис. 14, 19], известный в материалах воронковидных кубков и наиболее часто встречаемый на территории Польши [83, табл. 10, 9; 110, с. 177]. Еще один топор найден на трипольском поселении Яблона I в Молдове. Орудие аналогично другому типу топоров культуры воронковидных сосудов, известных главным образом в мегалитических памятниках [195; 203; 216].

К культуре воронковидных сосудов относится находка топора у с. Парканы (фонды ОАМ, инв. № 71289). Орудие найдено во фрагментарном состоянии, имеет неправильную форму, изготовлено из гранита темно-серого цвета.

Ранние контакты интересующих нас племен уже отмечались исследователями энеолита-бронзы Молдавии на материалах трипольских VII и позднетрипольских CI и CII поселений [51, с. 152; 92, с. 176-182; 150, с. 157-160]. Находки в Северо-Западном Причерноморье каменных топоров подтверждают связи с племенами начальных этапов культур шнуровой керамики, главным образом с населением подкарпатской культуры. Отдельные экземпляры топоров культуры воронковидных сосудов позволяют синхронизировать с ней топоры исследуемой территории.

Связи не прекращаются и в раннем бронзовом веке, с развитием и становлением культур шнуровой керамики. Так, наиболее характерный для этих культур топор ладьевидной формы (4-го, по Брюсову и Зиминой, типа) выявлен в кургане у с. Холмское [41, рис. 3, 5]. Такая форма топоров обычна для памятников фатьяновской культуры, известна и в материалах среднеднепровской, восточноприбалтийской культур, на территории Польши, Чехо-Словакии, но встречается и севернее [90, табл. 17, 2; 110, с. 280; 27, с. 25, 41, рис. 17, 2]. А. Я. Брюсов и М. П. Зиминая считают, что данный тип топора возник в фатьяновской культуре, так как его наиболее характерная черта — орнаментировка в виде выпуклых нервюр или в виде прорезных полос вдоль корпуса и поперек у втулки — особенно часто встречается в волго-окском варианте культуры боевых топоров.

Фрагмент ладьевидного топора обнаружен в коллективном, ямном по обряду погребении с уступом у с. Дзинилор, целый ладьевидный топор — в ямном погребении с уступом у с. Семеновка (курган 8, погребение 16). Еще одно каменное изделие подобного типа найдено на правом берегу р. Тилигул у с. Чижево. Топор изготовлен из зеленовато-серого гранита, тщательно зашлифован, лезвие его слегка опущено, обух широкий, слегка суживающийся к основанию, отверстие расположено почти в центре. Наиболее близкий по типу топор известен в материалах культуры одиночных погребений шнуровой керамики [183; 191; 218; 220].

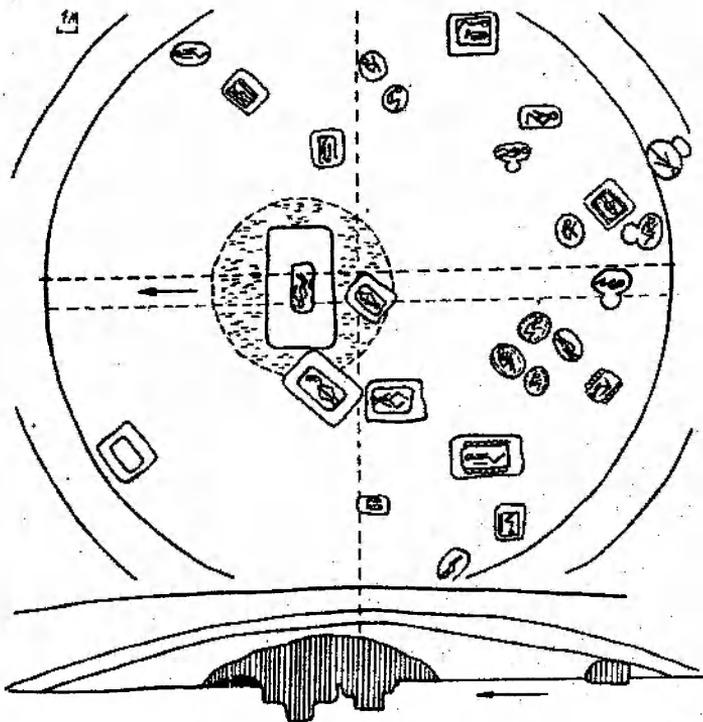
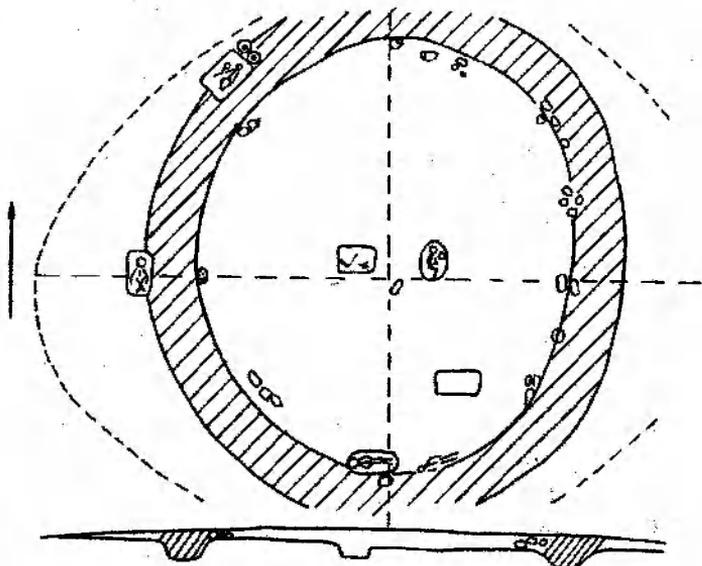
Топор ладьевидной формы из черного кварцитового песчаника обнаружен в ямном погребении с уступом у с. Семеновка. Самой близкой аналогией ему можно считать топор, найденный в погребении среднеднепровской культуры у с. Забары [8, рис. 4, 2]. Очень похож на семеновский топор из Тимофеевского могильника этой же культуры [9, табл. 22, 1; 12-б и др.]. Топор похожего типа обнаружен на Правобережье

Южного Буга [163, табл. 17, 11, а-б] у с. Каменный Мост. И наконец, неоконченный топор рассматриваемого типа в погребении 6 кургана I первого курганного могильника у с. Червоный Яр найден в погребении мастера-камнереза, о чем свидетельствует находка в этом же захоронении двух парных утяжелителей из известняка, привязываемых, по-видимому, к стержню, при помощи которого производилось сверление топора (возможно, они использовались и в качестве абразивов). Кроме того, в захоронении обнаружены черноглиняный горшок и треугольный черешковый наконечник стрелы (подробнее см. ниже). Топор изготовлен из плотного серого песчаника, имеет клиновидную форму. Орудие относится к так называемому клиновидному, второму, по Брюсову и Зиминой, типу, распространен в основном в верховьях Днестра. Погребение, в котором обнаружен топор, было поздним. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на правом боку, головой на север.

Кремневые топоры, характерные для культур шнуровой керамики, известны только в двух экземплярах. Один из них, трапециевидной формы, обнаружен в кургане у с. Холмское, другой – в ямном по обряду погребении, совершенном в прямоугольной яме с уступом у с. Семеновка. Орудия, подобные топоры из Холмского, встречаются в памятниках среднеднепровской, восточноприбалтийской культур и на территории Польши [11, рис. 87, 18; 84, 4; 90, табл. 3, 1]. Аналогии семеновскому топоры известны в ранних памятниках верхнеднепровской группы подкарпатской культуры шнуровой керамики и в более позднее время [11, рис. 59, 18–21, 90, табл. 2, 25; 83, рис. 26, 5, с. 69–71; 17].

На связи с племенами культур шнуровой керамики, в частности с племенами восточноприбалтийской, среднеднепровской и фатьяновской культур, указывает и другая разновидность кремневого инвентаря – наконечники стрел, два типа которых встречаются в Северо-Западном Причерноморье.

Первый тип характеризуют кремневые наконечники стрел небольших размеров, тщательно обработанные мелкой ретушью, почти строго треугольной формы, напоминающей равнобедренный треугольник. Один из наконечников этого типа обнаружен в кургане у с. Семеновка, другой – в кургане у с. Гура-Галбенэ на территории Молдавии вместе с амфорой овоидной формы и еще семь наконечников найдены в трех погребениях у с. Кукоиешты. Все кремневые изделия находят близкие аналоги в памятниках среднеднепровской культуры [9, рис. 47, 1–27; 54, 3].

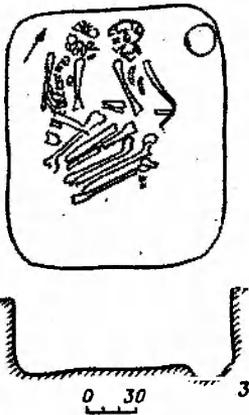
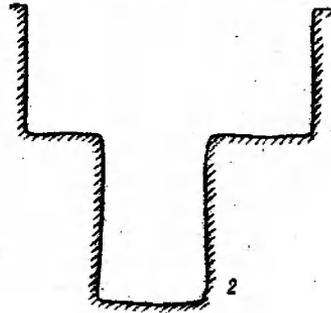
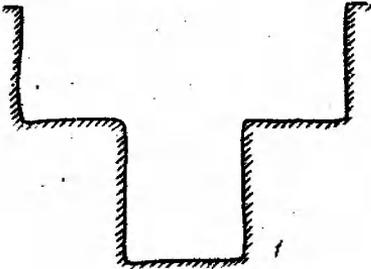
Ко второму типу относятся два экземпляра, один из которых — находка в насыпи кургана 1 у с. Дальник Беляевского р-на, а другой обнаружен у с. Червоный Яр в упоминавшемся погребении с ладьевидным топором и утяжелителями-абразивами. Оба наконечника относятся к типу треугольно-чешешковых. Первый из них, обработанный поверхностной ретушью, имеет подтреугольное перо и слабо выраженный чешешок. Подобный наконечник характерен для среднеднепровской и восточноприбалтийской культур [11, рис. 10, 18, с. 44; 90, табл. 1, 37]. Наконечник из погребения у Червоного Яра отличается менее выраженным треугольным пером и заостренным насадом. Аналогичные орудия известны в материалах среднеднепровской, восточноприбалтийской культур, а также в памятниках фатьяновской культуры, главным образом ее балановской группы [12, рис. 59, 18–21; 76, табл. 2, 25, с. 69–71, 15].

Керамика Прутско-Днестровского и Дунайско-Днестровско-Бугского ареалов составляет единый комплекс, характерный только для памятников позднего энеолита — раннего бронзового века рассматриваемой территории. В нем можно четко выделить несколько групп керамики, не свойственной собственно ямной культуре. Одной из наиболее представительных групп, обнаруживающей сходство с подобной категорией сосудов культур шнуровой керамики, являются кубки с округлым корпусом и прямым или слегка расширяющимся горлом. Внутри этой группы можно выделить несколько типов: а) сосуды с округлым корпусом приземистым и высоким, расширяющимся сверху горлом; б) сосуды с шаровидным корпусом и расширяющимся коротким прямым горлом; в) кубки с вытянутым корпусом и расширяющимся сверху горлом. Преобладает в данной керамической группе неорнаментированная. Если сосуд орнаментирован, обычно только его верхняя часть, то оттиском крупного шнурового штампа.

Орнаментальные композиции несложные. Основной мотив — ряды опоясывающих горло параллельных горизонтальных шнуровых линий (пять или девять) — характерен и для керамического комплекса культур шнуровой керамики Средней и Восточной Европы. Сосуд (типа а) с рядами параллельных горизонтальных шнуровых отпечатков обнаружен в ямном по обряду погребении 12 кургана 1 у с. Мирное Беляевского р-на (рис. 35, 4). Поверхность кубка желтовато-

0 30

0 30

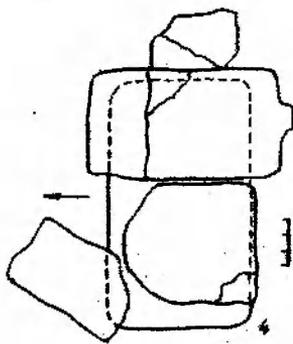

Рис. 22. Погребения днестро-дунайской культуры:

1 — кург. 1, погр. 7, с. Петрополиское; 2 — кург. 2, погр. 2, с. Дальник; 3 — кург. 1, погр. 1, с. Дальник; погребения суворовского типа: 4 — кург. 1, погр. 5, с. Дальник; 5 — кург. 1, погр. 6, с. Дальник

го цвета, глина в изломе — черная с растительными примесями. Сосуд изготовлен небрежно. Аналогичные по форме кубки, но с более сложной орнаментацией горла известны в погребении 17 кургана 9 у с. Ефимовка и в погребении 12 кургана 7 у с. Баштановка (рис. 35, 5). К этому же типу можно, вероятно, отнести толстостенный желтоглиняный сосуд, обнаруженный в насыпи кургана у с. Каменка Измаильского р-на (рис. 35, 1). Кубок сплошь орнаментирован углубленными параллельными линиями, что не характерно для керамики Северо-Западного Причерноморья. Корпус сосуда приземистый, переход к горлу резкий, горло высокое, прямое, изнутри заглаженное штампом, при помощи которого обработана наружная поверхность. К типу а относится и кубок из кургана 1 у с. Глубокое (рис. 35, 2).

К типу б можно отнести неорнаментированный черноглиняный сосуд из Виноградовки (рис. 36, 2) (курган 2, погребение 7) и сплошь украшенный оттисками шнура кубок из кургана у с. Шевченково (курган 2, погребение 5). Орнаментальная композиция сосуда из Шевченково сложная; она находит себе аналогии в памятниках среднеднепровской, восточноприбалтийской и других культур шнуровой керамики. Горло опоясывают девять рядов параллельных горизонтальных шнуровых линий, а среднюю часть шаровидного корпуса — широкий зигзагообразный пояс, заштрихованный короткими косыми параллельными шнуровыми линиями, пространство между горлом и орнаментальным поясом на корпусе заполнено вертикальными шнуровыми отпечатками.

Третий тип кубков наиболее многочислен. Это сосуды с вытянутым корпусом и средневысоким, расширяющимся кверху горлом. Изготовлены они из черной, желтой или серой глины с незначительными растительными примесями песка и мела. К третьему типу относятся: сосуд из насыпи кургана 1 второго курганного могильника у с. Червоный Яр (рис. 36, 4) со слегка залощенной наружной поверхностью, сосуд из погребения 24 кургана 5 у с. Яски (рис. 36, 5), кубок из погребения 32 кургана 1 у с. Беляевка (рис. 36, 3), сосуд из погребения 14 кургана 1 у с. Огородное (рис. 36, 6). К этому же типу можно отнести крупный желтоглиняный сосуд с двумя прямоугольными в плане и в профиле ручками-ушками с вертикальными проколами, обнаруженный в кургане 1 у с. Новокаменка (рис. 37, 1). Наружная поверхность сосуда

слегка залощена, внутри заглажена травой. Сосуд аналогичной формы, но без ушек, со сплошь орнаментированной крупным шнуром наружной поверхностью найден в насыпи кургана 2 у с. Островное. Горло его опоясывают девять рядов параллельных горизонтальных шнуровых линий (по пять — семь рядов в каждом), образующих треугольники с опущенной вниз вершиной; внутренняя часть треугольников заполнена такими же параллельными горизонтальными шнуровыми линиями.

И наконец, последний тип представляют несколько сосудов с вытянутым корпусом и коротким горлом. Все они изготовлены из черной глины с незначительными примесями, наружная поверхность не орнаментирована, заглажена: это сосуд из погребения 6 кургана 4 у с. Николаевка; сосуд из погребения 5 кургана 5 у с. Петродолинское, сосуд из погребения 11 кургана 2 у с. Богатое.

Таким образом, в керамическом комплексе днестро-дунайской культуры Северо-Западного Причерноморья кубки представляют многочисленную группу единообразной формы с небольшими вариациями размеров и профилировки горла и корпуса. Преобладание в орнаментальных композициях горизонтальных оттисков шнура, опоясывающих горло сосуда (этот мотив повторяется и на других формах сосудов), сближает их с сосудами подобной формы культур шнуровой керамики. Отличие состоит в том, что в керамике Северо-Западного Причерноморья отсутствует нарезной и штампованный орнамент, характерный для культур боевых топоров. Кроме того, орнаментация наносилась с помощью оттисков крупного шнура-штампа, а не мелкого, что составляет особенность орнаментальной традиции культур шнуровой керамики.

Сосуды типов а и б встречаются в памятниках второго этапа верхнеднестровской группы подкарпатской культуры [129] (рис. 35, 2; 7, 6). Кратеровидный кубок из насыпи кургана 2 у с. Островное аналогичен сосуду второго этапа верхнеднестровской группы подкарпатской культуры. Известны такие сосуды и в других группах подкарпатской культуры — краковско-сандомирской, любачевской, в культурах одиночных погребений [129, рис. 6, 5, с. 40]. По классификации П. Глоба выделенные нами сосуды всех четырех разновидностей относятся к типу а [217]. Их характеристика такова: ровное дно, округлый корпус и воронковидно расширенное горло, украшенное шнуровым или нарезным орнаментом, а у основания шейки — рядом треугольных или полукруглых углублений.

Другую выразительную группу сосудов, сопоставимую в хронологическом плане с группой сосудов культур шнуровой керамики, представляют амфоры крупных размеров с небольшим плоским или округлым дном, вытянутым корпусом и двумя плоскими в сечении ручками на уровне наибольшего диаметра, которые уже рассматривались нами в гл. 3 (о днестро-дунайских памятниках раннего бронзового века). Из всех известных нам в подкурганых захоронениях Северо-Западного Причерноморья по морфологическим особенностям только одна амфора может сравниваться с аналогичными сосудами шнуровой керамики – сосуд из материального комплекса второго этапа верхнеднестровской группы подкарпатской культуры, обнаруженный в кургане у с. Гура-Галбенэ (курган 2, погребение 5 с кремневым наконечником стрелы первого типа) [51, рис. 3]. Амфора имеет широкое плоское дно, грушевидный корпус и короткое горло, украшенное по основанию валиком, ручки расположены выше максимального диаметра корпуса.

Подобный тип амфор с валиками (тип А по классификации К. Струве) встречается в погребениях культур шнуровой керамики Чехии, в материалах фатьяновской культуры [204; 79; 83]. Все остальные находки амфор крупных размеров в Северо-Западном Причерноморье составляют компактную группу, характеризующуюся стойкими морфологическими и типологическими признаками, присущими только данной категории сосудов. Они обнаруживают родство с яйцевидными сосудами ямной культуры и в видоизмененной форме получают распространение в синхронных культурах Подунавья и Балкан (культура Чернавода).

Сосуд в виде чашки с полуовальным выступом с двумя вертикальными проколами, обнаруженный в Нижнем Поднестровье в кургане 1 у пос. Беляевка, находит себе аналогии в керамических комплексах культуры воронковидных сосудов Польши и Германии [197, табл. 2, с. 33]. Он является, по-видимому, одним из наиболее ранних сосудов, обладающих такой морфологической особенностью, как одинарный выступ с вертикальными отверстиями, который в дальнейшем получает широкое распространение в керамической традиции культур раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Но происхождение его связано, скорее всего, с раннеземледельческими культурами Подунавья и Балкан: биконический сосуд с аналогичным выступом с двумя вертикальными проколами обнаружен в XII (позднеэнеолитическом) горизонте многослойного селища Овчарово в Северо-Восточ-

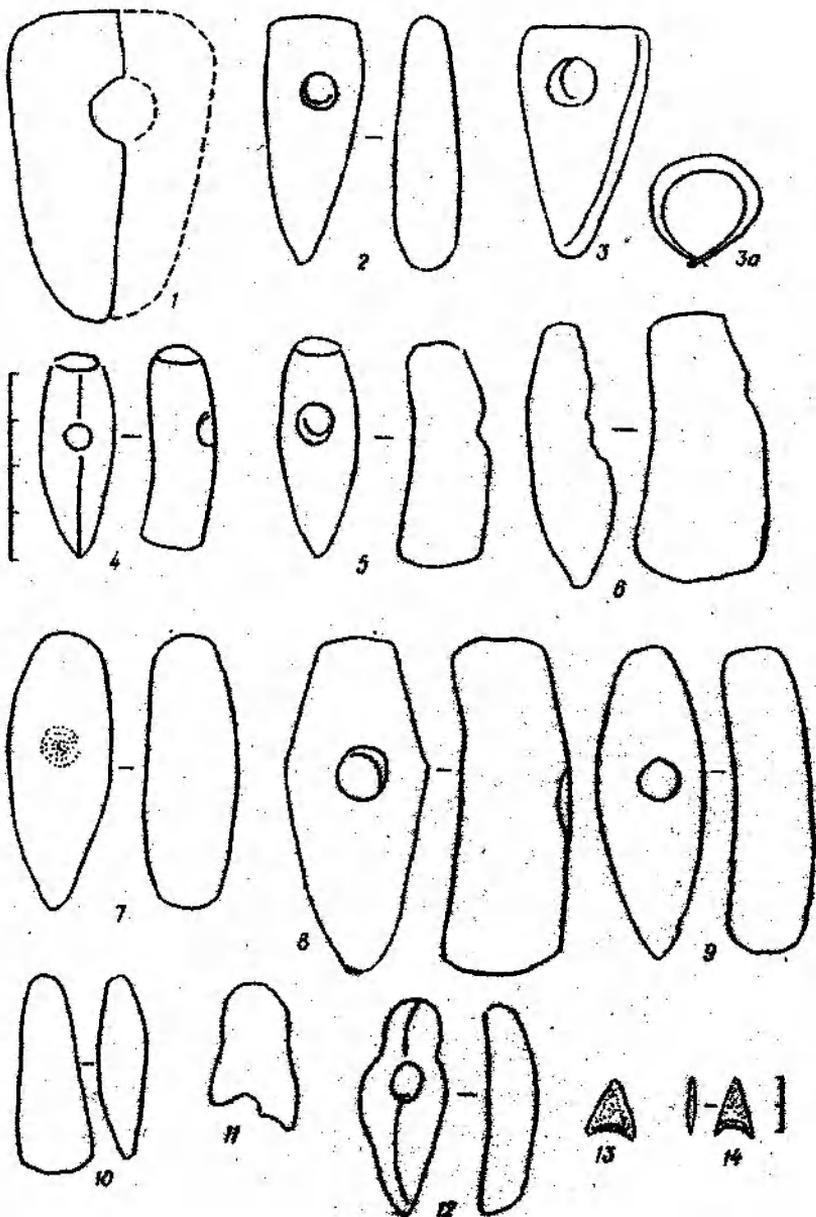

Рис. 25. Каменные топоры (1–12) с территории Северо-Западного Причерноморья; 13–14 – кремневые наконечники стрел:

1 – Ряснополье (Березовский р-н); 2 – Гетьмановка (Одесская обл.); 3 – кург. 1, погр. 2, с. Березино (Тарутинский р-н); 4 – кург. 1, погр. 7, с. Гура-Быкулуй, Молдавия; 5 – Михайловское поселение; 6 – Ивановка (Николаевская обл.); 7 – кург. 1, погр. 3, с. Червоный Яр I; 8 – Чижево (Березовский р-н); 9 – Каменный Мост (Николаевская обл.); 10 – Греновка, Молдавия; 11 – кург. 1, погр. 17, с. Дзинилор; 12 – кург. 2, погр. 24, с. Холмское; 13 – кург. 2, погр. 5, с. Гура-Галбенз; 14 – кург. 14, погр. 24, с. Семеновка; За – кург. 1, погр. 2, с. Березино (медная подвеска)

ной Болгарии. Г. Тодорова синхронизирует его со второй фазой культуры Коджадермен–Гумельницей–Караново VI. Известны сосуды с подобными выступами в культурах Тордош-Винча, Дудешть, Кукутень А, а в Прутско-Днестровском междуречье – в гумельницких памятниках типа Алдень II [151, с. 102, рис. 1; 13, рис. 22, 5].

Среди сосудов этого времени, найденных в Северо-Западном Причерноморье, имеется еще несколько экземпляров, форма и орнаментация которых указывают на взаимосвязи с культурами шнуровой керамики. Один из них, представляющий кружку с вытянутым корпусом, отогнутым венчиком и ручкой, орнаментированной насечками, обнаружен в ямном погребении усатовского кургана у с. Маяки [63, с. 140, рис. 3, 5]. Как правильно указывают авторы, сосуд близок по форме “к такому же типу сосудов из погребений позднего этапа подольской группы подкарпатской культуры шнуровой керамики”.

Интересен сосуд типа горшка, обнаруженный в погребении 56 кургана 9 у с. Нерушай [175, рис. 22, 2]. Его особенность состоит в том, что плечики орнаментированы “ёлочкой”, нанесенной оттисками шнура, – мотив, наиболее характерный для керамики среднеднепровской культуры. Для синхронизации рассматриваемых памятников днестро-дунайской культуры следует отметить, что сосуд, аналогичный нерушайскому, обнаружен в Венгрии на территории могильника тиса-полгарской-бодрогкерестурской культур у с. Тисабалона [213, с. 64, табл. 7]. Погребение, в котором найден сосуд, автор раскопок относит к кругу культур шнуровой керамики. При этом он отмечает, что находки сосудов подобного типа не единичны на территории Венгрии и ближайшие аналогии им можно отыскать в саксонских, богемских и юго-восточно-польских материалах, но эти находки, и таким образом проникновение культур шнуровой керамики, незначительны и не сыграли решающей роли в истории местного населения раннего бронзового века Венгрии.

Как следует из рассмотрения находок различных категорий инвентаря, одинакового в морфологическом и стилевом отношении, возникновение постоянных связей между племенами отвечает определенному хронологическому периоду — времени существования культуры воронковидных сосудов, ранних групп шнуровой керамики и позднего Триполья [59, с. 54–72], а развитие их продолжается в последующие времена.

Контакты эти носили, естественно, двусторонний характер, о чем свидетельствуют находки в северных и северо-западных культурах шнуровой керамики сосудов, типичных для керамического комплекса Северо-Западного Причерноморья. Часть инвентаря попадала через территорию Триполья путем обмена, другая, вероятно, привносилась вместе с людьми, проникавшими в Прутско-Днестровское и Дунайско-Днестровско-Бугское междуречья. Предметами обмена могли служить не только волынский, верхнеднепровский кремень и изделия из него, но и удачная по форме и орнаментации керамика.

Судя по тому, что влияние чуждых культур не отразилось на погребальном обряде, пребывание племен воронковидных сосудов, ранних, а впоследствии и поздних племен подкарпатской, средне-днепровской и других культур шнуровой керамики в Северо-Западное Причерноморье не было продолжительным. Значение связей не следует переоценивать и в формировании керамического комплекса. В Северо-Западном Причерноморье он имеет самобытный характер. В керамическом комплексе подкурганых памятников раннего бронзового века Дунайско-Бугского ареала имеется несколько групп сосудов своеобразных форм, не встречающих аналогий в керамике синхронных памятников сопредельных территорий: ситилообразные сосуды с выступами ниже основания венчика, имеющими одно или два сквозных вертикальных отверстия; амфоровидные сосуды с таким же добавлением, иногда кубки (Новокаменка).

Указанные формы керамики составляют особенность керамического комплекса памятников ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Здесь они бытуют вплоть до эпохи средней бронзы, о чем свидетельствует появление на большинстве из них катакомбной орнаментации. Не исключено, что появление кубков (представленных на рассматриваемой территории почти всеми известными основными формами), амфор (происшедших, как мы предполагаем,

от амфор и сосудов с яйцевидным дном) и ситулообразных сосудов с выступами на корпусе, имеющими сквозные вертикальные отверстия, связано с территорией Северо-Западного Причерноморья. Это допускали и некоторые зарубежные ученые [194; 211; 218]. Они считали, что корни древнейших керамических форм культуры воронковидных сосудов следует искать на юго-востоке Европы, "где-то по соседству с трипольской культурой". Наиболее древний этап развития культуры воронковидных сосудов Чехии и Моравии М. Запотоцкий синхронизирует с этапом VII Триполья.

Во всяком случае, на основании проанализированного материала можно сделать вывод о том, что между указанными территориями существовали культурно-хронологические связи начиная с эпохи энеолита. Они сыграли немаловажную роль в становлении и развитии своеобразной материальной культуры раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья, археологическим выражением которой явились подкурганые захоронения, сохранившие традиции ямного погребального обряда, что подчеркивает определяющую роль в этом процессе ямной этнокультурной общности.

ГЛАВА IV

ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЛЕМЕН ЭНЕОЛИТА – РАННЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Фонд археологических источников, имеющийся в нашем распоряжении, характеризует в определенной степени и сферу духовного производства. Несмотря на специфику вариантов ямной этнокультурной общности, по всей территории ее распространения выявляются общие элементы, которые археологически зафиксированы в особенностях погребального обряда. Ритуал захоронений при изучении духовного мира скотоводческого общества является единственным этнографическим признаком культуры. Он выражается в повсеместном распространении курганных насыпей, перекрывающих индивидуальные погребения со скорченными и окрашенными скелетами, кромлехами, сооруженными из массивных плит, вырубленных в карьерах и доставленных к месту захоронения, иногда находящемуся за несколько километров от него, перекрытиями могил каменными закладами, деревянными накатами, растительной циновкой, антропоморфными стелами, деревянной повозкой, захоронением в каменном ящике и др.

Мобильность степных племен, распространившихся на обширной территории, вторжение и ассимиляция ими крупных высокоразвитых древнеземледельческих массивов была возможной при сложной социальной структуре степных скотоводческих коллективов, при наличии мощных племенных объединений и сильной племенной патриархальной власти, способной обеспечить сооружение таких величественных памятников, как степные курганы.

Ряд факторов социально-экономического характера, главным образом приручение лошади, использование тягловой силы крупного рогатого скота и повозок как колесного

транспорта, а также экологические причины способствовали далеким миграциям племен северопричерноморских степей эпохи энеолита – раннего бронзового века. Сложение подвижных форм скотоводства, освоение обширных пастбищ создавали возможности для активных контактов с передовыми цивилизациями Кавказа, Северо-Западного Причерноморья и Балкано-Дунайского района [102, с. 60]. Все это привело к росту власти вождей, старейшин, появлению влиятельных групп населения – колесничих, владельцев повозок, лиц, связанных с отправлением погребального культа и др.

Считается, что древнейшим населением степей Северного Причерноморья были индоевропейские племена, восточной группе которых соответствует в археологии ямная этнокультурная общность. Появление в индоевропейских языках слов, связанных с колесным транспортом (когъ, колесо, повозка), датируется археологическими материалами энеолитом – началом ранней бронзы (середина IV – начало III тыс. до н.э.) и свидетельствует об их важной роли в жизни древних пастухов.

Для характеристики идеологических воззрений большой интерес представляют захоронения с костями или атрибутами лошади эпохи энеолита и погребения с повозками раннего бронзового века на территории междуречий Дуная – Южного Буга.

Атрибуты лошади и погребения с их костями являлись своеобразными символами формировавшегося скотоводческо-пастушеского общества эпохи энеолита. Находки их на обширной территории Северного Причерноморья подтверждают тезис В. М. Массона о повышенной степени общности, свойственной эпохе палеометалла [96], которая с началом раннего бронзового века облегчалась прогрессом транспорта. С повышением роли коня в стаде, с появлением всадничества, с изобретением повозки распространяются и становятся всеобщими атрибуты и культы мифологической системы ямной этнокультурной общности, различаясь в локальных вариантах общности лишь отдельными элементами.

Некоторые наиболее ранние погребения в курганах Северного Причерноморья сопровождаются захоронениями костей лошади – конечностей и черепов, иногда челюстей или отдельных зубов, псалиев, скипетров в виде головы лошади, положенных в могилу по принципу "часть вместо целого" и семантически тождественных коню. Древнейшим ритуальным захоронением коня в Поволжье [29] (самым близким

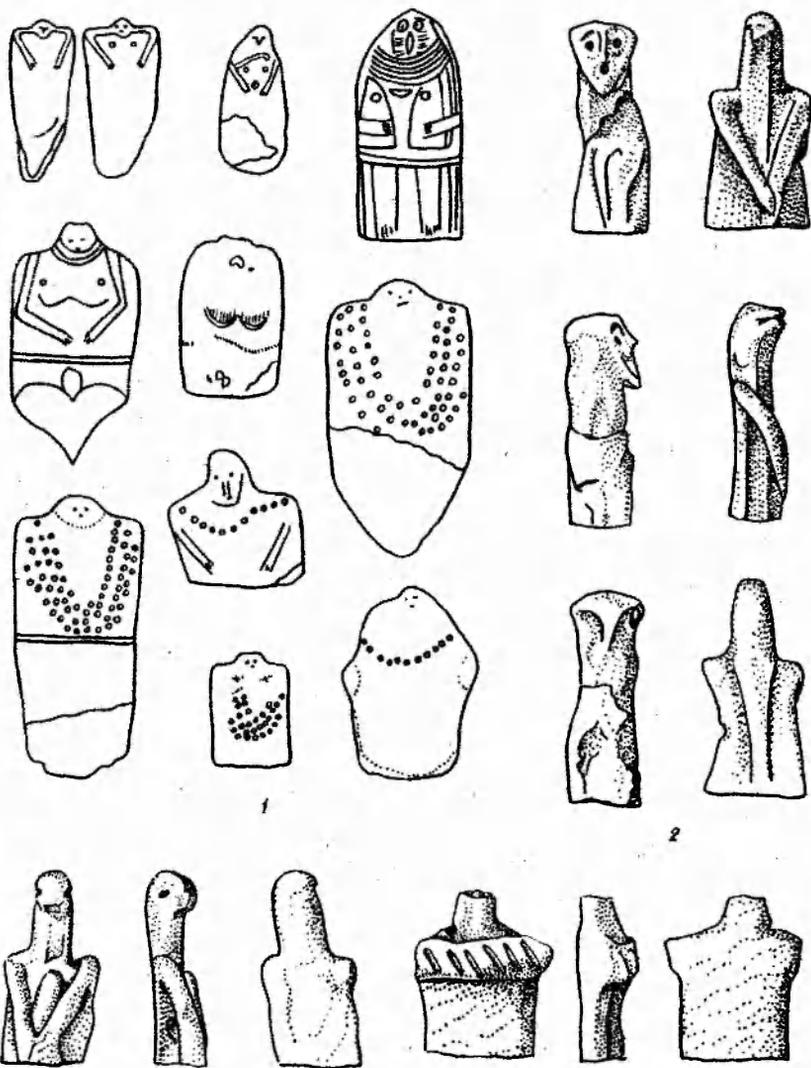

Рис. 28. 1 – антропоморфные стелы, изображающие женское божество; 2 – антропоморфные мужские статуэтки из раннетрипольского поселения Александровка

территориально – погребение коня) является погребение лошади на среднестоговском поселении Деревка [147, с. 44–47, рис. 25]. В позднейших захоронениях ранней бронзы выявляются части деревянных повозок, преимущественно

четыре одинаковых по размеру, сплошных и состоящих из трех частей, колеса и некоторых других деталей.

Более древний характер захоронений коня, отдельных его костей или атрибутов, захоронений со скипетрами в виде головы лошади по сравнению с погребениями, содержащими деревянные повозки, подтверждается стратиграфией курганов, особенностями ритуала захоронений и немногочисленного погребального инвентаря. Как правило, погребение лошади в кургане выступает в качестве сопровождающего основного энеолитического захоронение – человека, которому сопутствует также кострище, расположенное на некотором расстоянии от человеческого и конского захоронений, размеры кострищ невелики, их заполнение включает золу, уголь, кусочки охры, кости животных, а небольшая мощность прокаленного слоя свидетельствует о его кратковременном характере.

Погребения, сопровождаемые костями животных, связаны с суворовской и утконосовской этнокультурными группами. Археологические материалы датируют их серединой IV–III тыс. до н. э., когда, по мнению В. Н. Даниленко, в степной зоне Восточной Украины наблюдаются две параллельные линии развития – степная и азово-черноморская, импульсами которых явились раннеямная и майкопская культуры. Появление скипетров в виде головы лошади подчеркивает значимость этого животного, приручение и использование которого стало первым поворотным моментом в истории степного энеолитического населения.

В. Н. Даниленко считает, что захоронения костей лошади и их атрибутов свидетельствуют о появлении всадничества в степной полосе Северного Причерноморья, которое способствовало мобильности степных племен, активно продвигавшихся на запад. Это многовековое движение, вероятно, отразилось и в погребальном обряде захоронений, в первую очередь в появлении западной ориентировки скелетов. Однако захоронения эпохи энеолита, сопровождаемые костями и атрибутами лошади, многочисленны в степном Приморье от Приуралья до Дуная. Это может говорить об ограниченности числа лиц, связанных с конем, об относительной редкости этого животного в составе стада, редких и случайных перемещениях племен, практиковавших этот способ передвижения, что отнюдь не исключает крупной экономической и социальной значимости коня, используемого при охране стад, разведывании территории и участии в межплеменных столкновениях.

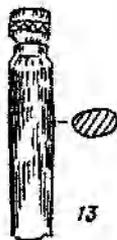
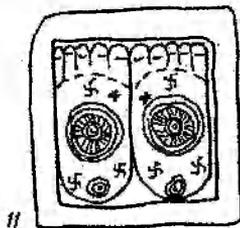
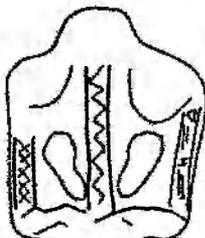
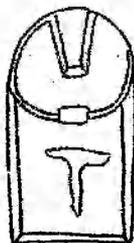
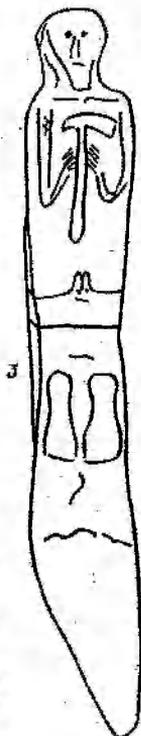
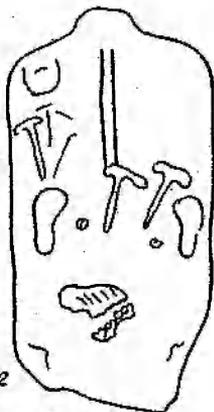
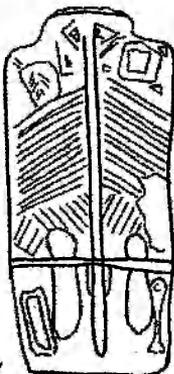

Рис. 29. Идеограммы стого и посоха на антропоморфных стелах и камнях:

1 — Керносковский идол; 2 — Гаманджия; 3 — Чобручи; 4 — Куржеонне; 5 — Плачидол; 6 — Болгария; 7 — Коллорж; 8 — Ларисса; 9 — Белогрудовка; 10 — Авейрон; 11 — Индия; 12 — Каменная Могила; 13 — посох дзёмон

Первые проникновения степных энеолитических групп населения в междуречье Дуная и Днестра и далее на запад не носили характера массовой миграции. Этой точки зрения придерживаются советские (Н. Я. Мерперт, Д. Я. Телегин, А. А. Формозов, В. С. Титов, Е. Е. Кузьмина и др.) и зарубежные (М. Гимбутас) исследователи энеолита-бронзы Северного Причерноморья.

Наиболее выразительным в Северо-Западном Причерноморье несомненно является суворовское погребение со скипетром в виде головы лошади. У с. Виноградовка Арцизского р-на в кургане 6 основное захоронение 4, совершенное в яме прямоугольной формы, перекрытое большой прямоугольной известняковой плитой, содержало два плоских продолговато-овальных деревянных предмета с овальными отверстиями, назначение которых трудно определить. Предположительно автор относит их к псаллям древнейшего типа. Размеры деревянных изделий: длина около 14 см, ширина 4–4,5 см, толщина около 2 см, диаметр отверстий 5х0,7 см. Скелет, при котором они обнаружены, лежал в скорченном положении на спине, головой на запад.

В кургане 7 того же могильника в основном разрушенном погребении 5, совершенном в яме прямоугольной формы, перекрытом каменным закладом, обнаружены кости собаки, копыта коня, большие куски охры. Высота кургана 1,7, диаметр 60 м. Размер погребальной ямы 1,8х1,1х1,45 м, размер плит 0,5х0,6 м, 0,5х0,5 м.

В кургане 1 у с. Нерушай Килийского р-на под первоначальной насыпью на уровне древней поверхности обнаружены черепа лошадей и быков, уложенные попарно, и кострище, заполнение которого составляли зола, охра и проколка из кости. В основном погребении 14, совершенном в яме прямоугольной формы, перекрытой накатом из плаха, на уровне древней поверхности обнаружено скопление раковин. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги распались ромбом. Справа от черепа обнаружена серебряная спиралевидная подвеска в 1,5 оборота. Возле черепа найдены куски охры, в районе таза — куски желтой охры [175, с. 11].

Утконосовские захоронения также сопровождаются костями лошадей и кострищами. Так, погребения 6 и 7 в кургане 3 у с. Кошары Коминтерновского р-на [39, с. 87–95] являлись основными в кургане. Совершены они в ямах овальной формы. В погребении 6 скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток. Погребение 6 обильно окрашено мелом и содержит некоторый погребальный инвентарь – украшения из раковин хеликс. Оба захоронения перекрыты каменными закладами и находились в центре кромлеха овальной формы диаметром 9,8–7,6 м (при высоте кургана 0,5 и диаметре 20 м), составленном из плит, уложенных в два-три ряда (ширина кромлеха 0,14 м). В заполнении ямы, оставленной грабителями, ведущей к основным захоронениям, встречены обломки костей животных и человека, обломки рогов, зубы лошади, фрагменты черепного сосуда с примесью мелкотолченой раковины в глине.

В кургане 1 у с. Десантное Килийского р-на на уровне древней поверхности обнаружены целый скелет собаки и кости лошади (череп, передние и задние ноги). Погребение животных перекрывалось первоначальной насыпью, возведенной над погребением 17, совершенном в яме овальной формы. Обильно окрашенный охрой скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. На скелете обнаружены 22 подвески из молочных зубов оленя и вырезанные из кости, имитирующие эти зубы с просверленными для подвешивания отверстиями [рис. 18, 1].

В основном погребении 9 кургана 1 второго Суворовского могильника, совершенном в яме овальной формы, найдены разрозненные, окрашенные охрой кости человеческого скелета и зуб лошади, а также подвески из створки раковины унюю.

В кургане 4 первого курганного могильника у с. Жовтневое Болградского р-на основное погребение в яме овальной формы сопровождалось захоронением ног коня. Скелет человека, окрашенный охрой, лежал на спине, головой на запад [140, с. 143–153].

В кургане 1 у с. Траповка Татарбунарского р-на основное погребение было ограблено (№ 10), оно находилось в яме овальной формы. Сильно скорченный на левом боку скелет человека был ориентирован головой на восток. Кисть правой руки находилась перед лицевой частью черепа, левая вытянута по направлению к ступням. В погребении обнаружена медная спиралевидная подвеска в 1,5 оборота, на лобной

кости погребенного – тонкая медная пластинка. Погребение человека сопровождалось захоронением черепа коня – на уровне древней поверхности.

Основное эпонимное погребение 2 в кургане 3 у с. Утконосовка сопровождалось захоронением черепов лошади и быка, совершенным на уровне древней поверхности.

Для единственного усатовского погребения был насыпан курган у г. Сарата [165] диаметром 20 м. Погребение находилось в яме неправильно-овальной формы размером 1,8x0,95x1,2 м и было окружено кромлехом диаметром 18,5–20 м. Погребение сопровождало захоронение костей животных – овцы и лошади (челюсть), 100 штук раковин хеликс и фрагмент усатовского сосуда с примесью толченой раковины в глине, а также культовая яма с расписным трипольским сосудом.

Подвижность населения особенно возрастает с изобретением повозки, знаменуя следующий этап развития культуры. Подвижность и активность степных племен приводит к усложнению социальной структуры общества и, видимо, к известному обособлению вождей и племенной аристократии. Как известно, четырехколесные повозки сопровождали царские погребения Ура, датируемые XXVI в. до н.э. Широко был распространен подобный обряд в Шумере и Эламе в XXVIII–XXVII вв. до н.э. Естественно предположить, что сложившийся в Месопотамии погребальный обряд с повозкой оказал влияние на соседние племена и народы, погребения с повозками в степных курганах Северного Причерноморья свидетельствуют о выделении особой социальной прослойки.

С изобретением повозки размеры транспортируемого груза увеличиваются по сравнению с грузом пеших носильщиков до 500 кг (современные нормы груза на подводу, запряженную двумя лошадьми, составляют 200–500 кг). Расстояние, например, от Днестра до Дуная в 240 км на четырехколесной повозке преодолевалось приблизительно за две недели, а за месяц до берегов Дуная на ней можно было добраться из Крыма, от берегов Южного Буга и Днепра, если считать, что громоздкая повозка на сплошных деревянных колесах двигалась со скоростью человека (человек, как известно, делает в день в среднем 20 000 шагов), за вычетом времени на отдых, приготовление пищи и др.

В Западном Причерноморье находки древнейших колес известны в памятниках середины III тыс. до н.э. (культуры Эзеро VII, Чернавода III). В Днестро-Дунайском ареале за непродолжительный срок (1968–1978 гг.) выявлено

десять деревянных повозок на четырех колесах, из них в одном кургане – две (Холмское). Все они в основном однотипны, имеют одинаковую конструкцию, размер колес и ступиц. Поперечные и продольные перекрытия могил с колесами на уступах являются основаниями этих повозок либо имитируют их. Некоторые отличия имеются в конструкции: одни из них, более древние [133, с. 13–15, 32–36, 97, табл. 1, 1–2; 2–4; 4–5], вырезаны из цельного куска дерева вдоль его диаметра и представляют собой сплошной деревянный диск диаметром 0,5–0,7 м с выступающей на 1,2–1,5 см ступицей диаметром 0,2 м, другие, более поздние (Холмское), состоят из средней части со ступицей и двух боковых сегментов, скрепленных со средней частью при помощи штифтов [41].

Стратиграфических данных, указывающих на более ранний возраст сплошных колес, пока нет. Однако несомненно, что развитие колеса шло от простейшей конструкции к более совершенной: сплошное колесо, состоящее из трех частей [173, с. 61], колесо с четырьмя спицами, с шестью и т. д. В Северо-Западном Причерноморье найдены повозки первых двух типов.

Так, в кургане 5 у с. Маяки Беляевского р-на [176, с. 255–256] в Нижнем Поднестровье в погребении 5, совершенном в прямоугольной яме с уступом, обнаружены четыре сплошных деревянных колеса, расположенных на дне уступа, по углам погребальной ямы, перекрытой в поперечном направлении семью бревнами.

В 20 км севернее, у с. Ясски открыты две деревянные четырехколесные повозки. В кургане 1 в первоначальную насыпь, возведенную над усатовскими и энеолитическими погребениями, было впущено захоронение 18 в прямоугольной яме с уступом. Размеры ямы 2,7x1,7x1,4 м, уступа – 6x3,5x0,7 м. На дне уступа, по верхним углам погребальной ямы, лежали четыре деревянных сплошных колеса диаметром 0,55 м (диаметр ступиц 0,2 м). 11 плах, положенных поперек ямы, могли имитировать основание повозки, а может быть, и служили этим основанием. Крупный скелет, окрашенный охрой, лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад. На лучевой кости левой руки обнаружена подтреугольная плитка из белой глины (такая же найдена в одном из основных погребений кургана у с. Десантное), рядом с локтевой костью руки находился каменный растиральный камень. У черепа найдены две серебряные спиралевидные подвески в 1,5 оборота.

Вторая повозка находилась в кургане 2 того же могильника, в погребении 2, совершенном в прямоугольной яме с уступом, размеры которых 2,5x1,6x1,5 м; 6,5x4,5x1,05 м. Погребение впущено в первоначальную насыпь, совершенную над погребением суворовского типа. Основание повозки символизировали 11 плах (как и в погребении 18 кургана 1), перекрывающих могилу вдоль длинной оси. Щели между плахами замазаны зеленой глиной, засыпаны песком и толченой раковинной. На дне уступа обнаружены четыре колеса. Колеса сплошные, их диаметр 0,6 м, диаметр ступиц 0,2 м. Окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на спине, головой на юг. Рядом с кистью левой руки лежал медный листовидный черешковый нож длиной 9 см. Наибольшая ширина лезвия 2,5 см, ширина черенка 3 см. У юго-восточного края предполагаемого основания повозки обнаружен продолговатый деревянный предмет в виде прямоугольно-овального в сечении бруска длиной около 30 см, шириной 4 см, толщиной 3 см. На одном краю деревянного изделия сделано небольшое углубление, другой конец разрушен. По форме предмет напоминает современный валёк – деталь конской упряжки, на которую надевают постромки.

Две четырехколесные повозки найдены на территории Молдовы – у с. Этулия Вулканештского р-на [15, с. 476–477], в курганном погребении, в прямоугольной яме с уступом и в кургане у с. Балабаны Чадыр-Лунгского р-на, также в прямоугольной яме с уступом [162, с. 147]. В первом случае обильно окрашенный охрой скелет лежал в скорченном положении на животе, лицом вниз, головой на восток. Под черепом и ступнями ног прослежены остатки птичьих перьев. Могилу перекрывал продольный бревенчатый накат. Четыре сплошных деревянных колеса лежали на дне уступа – у северной, южной стенок и в северо-западном углу.

Три четырехколесные повозки найдены в двух курганах у с. Холмское Арцизского р-на [41], из них две – в одном кургане. Еще две повозки обнаружены – одна в междуречье Днестра и Дуная, на северном берегу оз. Шаганы у с. Вишневое Татарбунарского р-на (раскопки Л. В. Субботина), другая – в Нижнем Подунавье, на юго-западном берегу оз. Котлабух у с. Богатое Измаильского р-на. В кургане 1 у с. Богатое погребение 7 с деревянными колесами было впущено в первоначальную насыпь, возведенную над энеолитическими утконосовскими погребениями. Погребение совершено в прямоугольной яме с уступом. Скелеты взрослого и ребенка лет семи,

обильно окрашенные охрой, лежали в скорченном положении – один на спине, другой на правом боку, спиной к взрослому, головами на северо-восток. Ноги взрослого скелета распались ромбом, руки вытянуты вдоль туловища. Колеса сплошные, диаметром 0,55–0,6 м, со ступицами диаметром 0,2 м, слегка выступающими над плоскостью колеса.

Находки в Северо-Западном Причерноморье одинаковых по конструкции и размерам деревянных четырехколесных повозок в прямоугольных ямах с уступами, находящихся в сходных стратиграфических условиях, указывают на принадлежность их одной большой группе населения. Захоронения с повозками несомненно связаны с заупокойным культом. Скорее всего, повозки изготавливались непосредственно перед совершением погребения: колеса и оси повозок не имели следов сработанности, что установил Е. А. Румянцев при исследовании и реставрации древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая [124, с. 236–241]. Соответствующий погребальный обряд подчеркивал особый социальный статус лиц, захороненных вместе с повозкой, имевшей большое значение в жизни степного населения [94, с. 102–110].

Так, положение скелета в кургане с повозкой у с. Этулия (на животе, лицом вниз), украшения из перьев, обнаруженные в этом захоронении, дают основание полагать, что в могиле находился скелет жреца [68, с. 212], владевшего в то же время повозкой.

Несомненный интерес представляет также уникальная находка валька как свидетельство запряжки лошади в громоздкую четырехколесную повозку. Однако хрупкость и плохая сохранность изделия не позволяют настаивать на подобной функции находки.

Отдельные детали указывают на связь погребений с повозками с чертами погребального обряда кеми-обинской культуры [172, с. 103, рис. 3–4] – обмазка зеленой глиной щелей между плахами деревянного перекрытия могилы или основания повозки, медный нож листовидной формы – в кургане у с. Яски.

Внешний вид повозок известен по многочисленным находкам их моделей (более позднего времени) на территории Румынии и Венгрии. Судя по некоторым различиям в конструкции колес, обнаруженных в Северо-Западном Причерноморье (сплошной деревянный диск и колесо, состоящее из трех частей), в развитии колесного транспорта на данной территории прослеживается два последовательных этапа с

постепенным усложнением формы колеса в степях Северного Причерноморья. Возможно, накопление новых археологических материалов приведет к пересмотру распространенной во всем мире гипотезы Г. Чайлда о моноцентрическом происхождении колесного транспорта и о путях распространения разных типов повозок через Балканы или Кавказ.

Представительная группа находок повозок в днестро-дунайском междуречье дает возможность сделать некоторые заключения относительно исторической обстановки в данном районе, сложившейся к середине III тыс. до н. э. Массовое использование тягловой силы животных и широкое распространение повозок содействовало широкому освоению обширных пастбищ и неизмеримо повышало миграционный потенциал степного населения. Возможно, именно большой подвижностью населения объясняется и отсутствие поселений. В то же время обилие курганов в степной части Северного, в частности Северо-Западного, Причерноморья указывает на значительную заселенность данного региона. Судя по монументальности курганных насыпей (единовременных курганов и досыпок), кромлехов, массивных каменных закладов, возводимых большим количеством людей, плотность населения была высокой, что можно установить путем простейших палеоэкономических расчетов. Приведем, для примера, расчет трудовых затрат на строительство кургана средних размеров. Так, насыпь кургана I первого курганного могильника у с. Червоный Яр Килийского р-на делалась три раза. Первоначальная насыпь высотой 2,8, диаметром 19 м имела объем 264 м³. Согласно шумерским нормам [28, с. 38], для возведения такого кургана требовалось 88 человеко-дней. Если допустить, что в работе принимали участие 25 здоровых мужчин, то для строительства кургана требовалось три-четыре дня. Однако основное погребение кургана было перекрыто известняковой плитой, вес которой, судя по размерам (1,2х0,65х0,5 м), достигал 880 кг, то есть около тонны (объемный вес известняка 2200 кг/м³). Установлено, что для перетаскивания камня весом в 1 т на салазках по каткам на расстоянии 1-1,5 км в день достаточно 16 человек. Если учесть, что ближайший к кургану известняковый карьер находится в 5 км, на пути из с. Червоный Яр в с. Фурмановку, то для транспортировки каменной плиты потребовалось бы 30 человек. Добыча и обработка сырого известняка в карьере не представляет больших трудностей и не отнимает много времени, поэтому изготовление и доставка такой плиты к месту

погребения заняли бы два дня. Кроме того, первоначальная насыпь укреплялась кромлехом диаметром 13 м. Окружность кромлеха ($C=2\pi R$)=40,8 м. Средняя длина плиты 1,20 м. Таким образом, кромлех состоял в среднем из 34 плит весом 0,5 т каждая, для транспортировки которых потребовалось бы 272 человеко-дня на 1–1,5 км, а на 5 км – в 3,5 раза больше, то есть 952 человеко-дня. На транспортировку плит из карьера, установку их и сооружение насыпи кургана человек 40 потратили бы 23 дня [97, с. 4].

Размер вторичной насыпи: высота 3,20, диаметр 48 м. Объем досыпки составил 117 м³ земли. Для выполнения этой работы требовалось 39 человеко-дней, или труд 20 человек в течение двух дней.

Третья насыпь была большей по сравнению с предыдущими. Ее объем 4359 м³ (1453 человеко-дня, или работа 50 человек в течение месяца). Для примера был взят курган в Червоном Яру, имеющий средний размер. Но, как известно, курганы раннего бронзового века, даже имеющие единичные насыпи, поражают своей монументальностью. В этом отношении показателен курган 1 первого курганного могильника у пос. Суворово. Курган имел всего одну насыпь, объем которой составлял 8870 м³, для возведения ее потребовалось бы 2956 человеко-дней (работа 50 человек в течение 59 дней, то есть двух месяцев). Ниже приводятся размеры первоначальных курганов, досыпок над ними и приблизительные человеческие трудовые затраты на сооружение наиболее известных стратифицированных курганов в Северо-Западном Причерноморье:

г. Яски, курган 1

I насыпь	H=2,40 м	D=20 м (ранняя бронза)	Объем=251,04 м ³
II насыпь	H=3 м	D=31,5 м	Объем=527,38 м ³
III насыпь	H=4,20 м	D=40 м	Объем=1757,28 м ³

Итак, для сооружения первоначальной насыпи потребовалось бы 83 человеко-дня, или работа 25 человек в течение трех-четырёх дней; для вторичной насыпи – 175 человеко-дней, или 25 человек в течение семи дней, для производства третьей досыпки кургана – 326 человеко-дней, или 25 человек в течение 13 дней.

Островное, курган 2

I насыпь	H=4,4 м	D=34 м	Объем 1330,09 м ³	443	ч/д=25	ч	х	17	д
II насыпь	H=4,6 м	D=42 м	Объем 2791,92 м ³	763	ч/д=25	ч	х	10	д
III насыпь	H=4,8 м	D=52 м	Объем 1272,15 м ³	424	ч/д=25	ч	х	16	д

Новокаменка, курган 1

I насыпь	Объем 54,98 м ³		
II насыпь	Объем 571,00 м ³	(всей насыпи)	Объем досыпки 336,11 м ³
III насыпь	Объем 571,90 м ³	(всей насыпи)	Объем досыпки 180,81 м ³
IV насыпь	Объем 658,45 м ³	(всей насыпи)	Объем досыпки 86,55 м ³

Изобретение повозки значительно облегчало трудоемкую работу людей при совершении погребального обряда (доставка камня, дерева и др.). А если учесть то обстоятельство, что владение повозкой способствовало повышению жизненного уровня людей, то не вызывает сомнений высокий социальный статус погребенного с повозкой. Широкое распространение грузового транспорта в раннем бронзовом веке было характерной чертой этого периода, своеобразным вторым после появления всадничества поворотным моментом в истории степного населения Юго-Восточной Европы.

Если учесть, что в истории известны случаи жесткой зависимости социального положения погребенного и размеров погребального сооружения, например в Китае ханьского времени [78], то связь погребального обряда и социальной структуры общества раннего бронзового века Северного Причерноморья выступает довольно отчетливо: статус человека в обществе определялся тем количеством труда, которое затрачивали соплеменники при его захоронении.

Социальные различия отражает и наличие погребального инвентаря, в частности украшений из раковин, зубов оленя, на изготовление которых затрачивалось немало времени и труда. Первостепенное значение несомненно имеют находки каменных скипетров в погребениях вождей или старейшин. Различия в способе погребения (густая посыпка охрой, центральное положение в кургане и связанный с этим погребением массивный каменный кромлех, каменная обкладка могилы или перекрытие каменными плитами, монументальная курганная насыпь над могилой) указывают на захоронение представителя племенной аристократии, обладавшего высоким социальным рангом.

Что касается более дробной социальной стратификации, то инвентарь и погребальный обряд дают скудный материал для выводов. Определенную и емкую информацию несут антропоморфные стелы, часто перекрывающие погребения или находимые в насыпях курганов раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Они же являются выразительной группой источников о духовной сфере племен энеолита-бронзы.

Обычно каменные стелы перекрывают погребения в прос-

тых прямоугольных ямах, изредка — в ямах с уступами. Кроме наличия стел, эти погребения не выделяются из группы остальных захоронений. Вопрос о назначении стел до сих пор остается дискуссионным. Основная часть изваяний перекрывает погребения лицевым изображением вниз, что уже указывает на их погребальный характер (на связь с загробным миром) и на отношение к социальному статусу покойного.

Повторяемость многих деталей говорит о том, что стелы изображали не людей, а мифологические персонажи. Такими деталями являются стопы ног, посох, каменный топор, позвоночник с ребрами, лопатки, признаки пола и др.

На территории Одесской области у сел Старые Трояны и Новоселовка Килийского р-на вблизи кургана на восточном берегу оз. Китай в 1975 г. нами обнаружена антропоморфная стела с гравированными изображениями. По-видимому, первоначально стела стояла на вершине кургана, но впоследствии упала и извлечена на поверхность при распашке поля. Лицевая сторона скульптуры сохранилась плохо, однако все же можно отметить непропорционально короткие, тонкие руки, согнутые в локтях и прижатые к груди. Среднюю часть стелы пересекал пояс, за которым был заткнут посох или палка с загнутым вниз верхним концом. Голова намечена небольшим выступом, лицо представляют три еле заметных углубления, обозначающие глаза и рот. Плечи прямые. На оборотной стороне антропоморфной скульптуры изображений значительно больше, они лучше сохранились. Отчетливо изображен позвоночник, позвонки и отходящие от них ребра, в верхней части по бокам стелы изображены лопатки. Пояс прослеживается и на оборотной стороне. Самой крупной деталью являются стопы, представленные крупным планом и занимающим среднюю часть стелы. Нижняя часть изваяния заужена и предназначалась, по-видимому, для вкапывания. Высота статуи 1,2 м, ширина 0,51, толщина 0,12 м, материал — мелкозернистый песчаник.

В Северном и Северо-Западном Причерноморье известно более десятка стел с изображениями стоп и посохов. Как правило, они выступают на первый план, глаза, рот, руки обычно имеют малые размеры, небрежно и схематично изображены и, вероятно, имеют второстепенное значение. Повторяемость таких элементов, как стопы и посох, на большинстве известных моделированных стел говорит о том, что они обладали высоким информационным статусом и занимали значительное место в иконографии стел.

Стопы ног изображались на лицевой и оборотной сторонах, посередине, выше или ниже пояса; носками вверх, вниз, в разные стороны. Посох располагался не только впереди за поясом, но и в любой другой части стелы. Так, на ближайшей территориально антропоморфной стеле из с. Чобручи в Молдове [48, с. 169–172] стопы ног изображены носками вниз в нижней части лицевой стороны. Изображены также пояс с пряжкой, личина, руки и топор. Носками вверх и на оборотной стороне помещены стопы на стелах из Гаманжии (Румыния) [223, р. 424, 1.4–6] и Плачидола (Болгария) [224]. Далее на запад изображения ступней и посохов зафиксированы на стелах Греции (Ларисса) [73, р. 56], Франции (Авейрон, Коллорж, Куржеонне [225, р. 252]. В Восточном Причерноморье изображения стоп и посохов известны на стелах вплоть до Дона [157].

Наиболее близок новоселовской стеле Керносковский идол, обнаруженный под Днепропетровском [79, с. 36–46]. Стопы на нем так же пересекают пояс на оборотной стороне и обращены носками вниз. Контуры этого идола в некоторой степени повторяют очертания новоселовской стелы.

Идеограммы стоп и посохов встречаются и на простых плитах, на стенах гротов, на дне могил [125]. Характерны они и для многих регионов, а хронологические рамки существования этих изображений охватывают период от палеолита до современности. Выявленное у разных индоевропейских народов сходство религиозных представлений о загробном мире позволяет искать аналогии ритуалу захоронений с антропоморфными стелами в шумеро-аккадской традиции, где изображения стоп и посоха являются неизменными культовыми атрибутами бога-пастуха Думузи и связываются в шумерской мифологии с идеей возрождения жизни, плодородия, что в скотоводческом обществе ассоциировалось с обилием скота, в обеспечении которого ведущая роль принадлежала богу-пастуху. В эпоху, когда основу хозяйства составляло скотоводство, складывались и религиозные представления, связанные с культом умерших и проводами на тот свет. Внутренней культовой системы посохов и стопы имеют несколько значений: изображают культовую обувь, без которой герой не достигнет страны мертвых (ту же роль играет и посох), символизируют действие, в результате которого бывший сородич превращается в существо высшего порядка, и являются символом плодородия-благополучия. Главная просьба в обращенных к богам молитвах – просьба о ниспослании скота. Иран-

ский бог Митра наделен эпитетом "владеющий обширными пастбищами" [111]. "Ахура-Мазда - тот, кто создал для нас скот (источник благоденствия), вручил Йиме (сыну Солнца) пастушеский посох с золотым наконечником". Посох сам по себе является сверхъестественным предметом. В "Рамаяне" мудрец Васиштха посохом отражает целую армию. Этот же посох был жезлом прародителя Брахмы [111].

В мифологиях всех народов достижение страны мертвых (предков) связано с комплексом различных средств, обеспечивающих благополучное путешествие умершего к месту назначения, из которых обязательными являются специальные обувь и посох [122; 260]. У некоторых племен до недавнего времени в могилу клали амулеты в виде сандалий, которые должны были правильно указывать путь в загробное царство [122, с. 260-263]. В Скандинавии в погребения укладывали особый вид обуви. В Лотарингии на умершего надевали сапоги и клали в гроб палку для предстоящего путешествия. В германских княжествах в XIX в. в гроб клали галоши и трость-зонт.

В погребениях древней Греции находили глиняную обувь, иногда две пары обуви [125, с. 38; 6, с. 179]. В Альмисараке (Италия) в подкурганном захоронении эпохи раннего металла была найдена вырезанная из кости модель сандалии [159, с. 361]. В погребениях культуры дзёмон находят сэкибо - жезлы, выточенные из камня [78, с. 148]. В погребении знатного горожанина на Алтын-Депе был найден каменный посох [95, с. 219].

Наибольший интерес представляют находки в Северном Причерноморье, относящиеся к эпохе энеолита-бронзы. В кургане 16 у с. Белозерка Г. Л. Скадовским найдены остатки деревянной обуви на ногах погребенного [135, с. 100]. В погребениях катакомбной культуры, обнаруженных на Южном Буге и Ингуле в 1973-1975 гг. Ингульской новостроечной экспедицией ИА АН УССР, возле скелетов красной охрой были нанесены на дно погребения изображения ступней [125, с. 68]. В кургане 32 у с. Белозерка Г. Л. Скадовский обнаружил впускное погребение, в котором слева от скелета, окрашенного охрой, находилась толстая дубина [135, с. 103]. Возможно, перед нами тот же посох-дубина, о котором пишет В. Я. Пропп (посох может заменяться палицей, дубиной, копьем) [122, с. 260-276; 37-39]. В этой ситуации боевая функция оружия не акцентируется.

В последние годы в коллективном погребении 2 кургана 1

на территории Луганского сельхозинститута среди множества находок было роговое зооморфное навершие. Оно лежало на правой стороне грудной клетки скелета, под нижней челюстью [120, с. 22] и, вероятно, являлось навершием посоха, который занимал такое же положение, как и на стелах. Аналогичное роговое навершие известно в Табурище – среднестоговском памятнике [147, с. 73]. В погребениях эпохи бронзы на Северном Кавказе известны посоховидные костяные булавки [133, рис. 4, 38]. Посох был и непременным атрибутом умерших в памятниках искусства. На кратере IV в. до н. э. представлена сцена беседы Одиссея с тенью умершего прорицателя Тересия, опирающегося на посох [73, рис. 363]. В средневековых росписях алтарей умершие в ожидании суда опираются на массивные посохи-дубины [221, р. 96].

Таким образом, можно прийти к выводу, что умерший, находясь в царстве мертвых, оказывал определенное воздействие на оставшихся в живых членов семьи, рода, племени. В определенной степени благополучное достижение страны предков живые должны были обеспечить, для этого умершего надежно снаряжали прочными, рассчитанными на долгий трудный путь обувью и посохом.

В мифологии известна и следующая фаза путешествия – возвращение-возрождение из мира мертвых. Очевидно, поэтому изображения стоп-посоха приобретают еще одну функцию – приносить благо и сохраняются в иконографии памятников скотоводов эпохи палеометалла длительное время. С фазой возрождения жизни, очевидно, следует связывать так называемые женские антропоморфные стелы.

Первым обратил на них внимание А. А. Формозов [157, с. 187]. В Тиритаке были обнаружены стоящие рядом (использованные вторично в античную эпоху) две стелы одинаковых размеров со сходно моделированной лицевой стороной. Руки антропоморфных изваяний выполнены в технике плоского рельефа. На одной из плит обозначена грудь, что дает основание считать ее женской по отношению к другой, лишенной такой детали. Женской А. А. Формозов считает и другую скульптуру, найденную во Франции (Коллорж), на которой кроме выделенной груди дополнительными деталями являются прижатые к животу руки и над грудью – посох, обращенный загнутым концом вверх влево. Посох в данном случае А. А. Формозов считает женским атрибутом.

В Южной Франции обнаружено еще одно женское антропоморфное изваяние III тыс. до н. э. На лицевой стороне этой

стелы (рис. 39, 3) обозначены руки, ноги, пояс, ожерелье, какая-то деталь в виде полумесяца и грудь, черты лица, как и туловища, проработаны гравировкой и плоским рельефом. А. Л. Монгайт считал, что статуя изображает женское божество [110, с. 268].

Две стелы, перекрывающие ямное погребение, обнаружены в Поингулье у с. Старогорожено Николаевской обл. [171, с. 136, рис. 20, 1-2]. На одной из стел охрой нанесены бусы, на другой — углубленными линиями — грудь, ниже которого охрой обозначен пояс (рис. 30, 5).

В 1975 г. в кургане 3 у с. Шевченково Килийского р-на в прямоугольной яме с уступом овальной формы обнаружено погребение 13, совершенное в первоначальной насыпи, перекрытое поперек длинной оси двумя антропоморфными стелами. Плиты лежали лицевым изображением вниз и ориентированы головами в противоположных направлениях — на юг и север. Каждая из стел представляла собой сплошной блок, немоделированный в нижней части. Изваяния были почти одинаковы по размерам и технике обработки. Размер стелы, лишенной деталей: высота 1,7 м, ширина 0,8—0,7 м, толщина 0,15 м. Размер другой стелы, имеющей изображения бус на лицевой стороне: высота 1,7 м, ширина 0,65—0,6 м, толщина 0,18 м. Обе стелы имели слегка скошенные плечи; головы намечены небольшими выступами и сзади отделены от туловища небольшими полукруглыми бородками, изображающими, скорее всего, край прически или головного убора. Нижние части плит заужены. На стеле, лежащей с западной стороны, обозначены глаза и рот, на груди круглыми углублениями выделены бусы, шедшие в четыре ряда [рис. 30, 6]. Скульптура, несомненно, изображала женское существо. У северо-западной и северо-восточной сторон уступа могилы обнаружены остатки двух чаш (или тарелок) высотой 2—3 см, диаметром 20 см (диаметр дна составлял 10 см) из полосок белой коры, переплетенных крест-накрест. Внутри чаш находились белые растительные волокна и остатки мелких косточек, по всей вероятности, птиц. Чаши были установлены поверх перекрытия из обожженной коры, которая лежала непосредственно на антропоморфных плитах.

Аналогичная шевченковской стела с бусами обнаружена ранее, в 1971 г., у с. Утконосовка (рис. 30, 7). Изваяние представляло собой известняковую плиту трапециевидной формы, тщательно обработанную. Все изобразительные элементы (глаза, бусы) выполнены одной техникой — круглыми углуб-

лениями, за исключением полукруглой канавки, протертой и отделяющей таким образом от туловища голову, намеченную небольшим полукруглым выступом, и пояса, охватывающего фигуру со всех сторон в средней части. Плечи у скульптуры прямые. Интересно, что нижний конец изваяния напоминает по очертаниям верхний, с той лишь разницей, что часть нижнего края обломана. Вероятно, обработка каменной плиты начиналась именно с этого края и оказалась неудачной (часть плеча откололась). В верхней части лицевой стороны стелы выбиты круглые углубления, изображающие бусы в четыре ряда. Стела перекрывала ямное погребение в яме прямоугольной формы с уступом овальной формы. В погребении возле скелета найдены медное шило и кремневый серп.

Антропоморфная плита с изображениями бус найдена на территории Молдовы у с. Александровка (рис. 30, 8). На ней углублениями и плоским рельефом обозначены черты лица, руки, прижатые к животу и бусы-ожерелье в один ряд.

В 1968 г. В. Г. Петренко обнаружила в кургане 1 у с. Баратовка Николаевской обл. над пустой могильной ямой стелу с выделенными лицом и бусами в один ряд [172, с. 188].

Стелы с бусами известны во Франции (Эпон) [157, с. 175, рис. 63, 8], в Германии — в памятниках культуры воронковидных сосудов (рис. 30, 10).

Близкой к причерноморским стелам территориально и по времени является известняковая плита из Усатова с рельефными плоскостными изображениями лошадей и гравированными — женщины и оленя [157, с. 152, рис. 53]. Сочетание образов женщины и оленя не случайны. У большинства древних народов одним из архаических мифологических персонажей являлась покровительница животного мира, богиня плодородия. Хеттская богиня охоты Рутас изображалась с оленем [44, с. 286]. В греческие времена на о. Крит почитали Артемиду, которую также изображали вместе с оленем [122, с. 290].

Женское существо, отображенное в древнейшей монументальной скульптуре Северного Причерноморья в виде антропоморфных плит, должно было сочетать в себе, по крайней мере, традиционную идею богини-Матери, идею плодородия и символизировать связь с загробным миром, так как большинство известных стел перекрывают погребения, а остальная часть найдена на курганах, вблизи курганов или в других могильных комплексах. Значительная часть стел Северного Причерноморья найдена в ямных захоронениях.

Как правило, идеологические представления связаны с практической деятельностью. У земледельческих и скотоводческих народов Древнего Востока и Средиземноморья наиболее полное выражение получила персонификация умирающего и воскрешающего бога, воплощающего в себе смерть и воскресение природы. Культ умирающего и воскресающего бога переплетался с культом богини-Матери, олицетворявшей женское и плодоносящее начало в природе.

С явной культурной общностью связывают восточную группу индоевропейских племен. В одном из самых ранних мифологических текстов индоиранских народов "Ригведе" отражаются древнейшие представления, восходящие ко времени индоевропейского единства. Видное место в пантеоне индийских богов занимали женские божества. Еще в Древней Индии эпохи Хараппы основными были обряды, связанные с культом плодородия и почитания богини-Матери (Адити). Характерные черты этой религии обнаруживаются много веков спустя в "Ригведе". Подобные религиозные представления, связанные с культом плодородия и богини-Матери, были широко распространены в III-II тыс. до н.э. и у народов Азии [144, с. 28].

В более позднем древнеиндийском мифологическом источнике "Рамаяне" миф об умирающем и воскресающем боге воспроизводится по традиционной схеме — поиски его другим героем приводят к посещению царства мертвых.

В другом мифологическом индийском памятнике "Махабхарате" середины I тыс. до н.э. в "Сказании о Савитри" продолжают традиции более древних религиозных представлений: повторяется вечная тема — гибель и возрождение жизни. Савитри следует за своим мужем Сатьяваном в царство Ямы — бога преисподней [149, с. 7].

Наиболее близки к женским северопричерноморским стелам эпохи неолита-бронзы образы богинь шумерского эпоса. На восточное происхождение божеств, воспроизведенных на антропоморфных стелах Северного Причерноморья, указывали В. Н. Даниленко и А. А. Формозов [44, с. 83; 157, с. 211]. В месопотамских заклинаниях земля выступает как Мать-Земля, плодородная подательница благ человеку. Обязательными атрибутами мужского шумерского божества являются скипетр и пастушеский посох. Однако посох на женской стеле из Франции, как уже упоминалось, А. А. Формозов считает женским атрибутом. Автор связывает его с посохом в шумерском мифе "Энки и мироздание", где тво-

рец вещей наделяет богиню Инанну "посохом овечьего пастыря" [157, с. 188]. Богине даны скипетр и посох, ей поручена забота о пастухах. Инанна является воплощением плодородия природы. С ней и с богом-пастухом Думузи связан культ умирания и возрождения жизни. Оплакивание умирающего божества – наиболее распространенный религиозный обряд Шумера. Культ Думузи-Инанны существовал уже в архаическую эпоху. Первобытные шумеры, для которых каждый бог является представителем силы природы, считали, что умирают и возвращаются к жизни не только Думузи, но и другие боги. Все связано с умиранием и возрождением природы [6, с. 192].

На наш взгляд, есть все основания считать изображения ожерелья на каменных антропоморфных стелах аналогом священного символа уруккской богини Инанны, царицы неба (лагашской Бабы, урской Нингалы). Ожерелье было необходимым атрибутом и ниппурской богини Нинлиль, супруги бога грозы Энлиля (который просит бога неба Ану передать ему все пастушьи посохи). Человек стремился слиться с богами в единое целое: "Шея моя – ожерелье богини Нинлиль!" ("Гильгамеш и Энкиду"). Ожерелье является главным и необходимым атрибутом почти на всех женских антропоморфных стелах. На обнаруженных женских шумерских каменных статуях богов руки смиренно сложены на груди. "Пусть эта статуя возносит мою мольбу", – говорит надпись на одном изваянии, найденном во дворе храма богини Бабы в Лагаше. В такой же позиции находятся руки на антропоморфных стелах Северного Причерноморья.

В шумерских богинях воплощена одна идея – идея Матери-Земли, матери богов, богини урожая и плодородия, женское начало. Культ Инанны возник, скорее всего, у пастушеских племен. В пользу этого обстоятельства говорит то, что Инанна выбрала в мужа бога пастухов. В мифе "Нисхождение Инанны в подземное царство" повествование начинается с того, что Инанна, могущественная "повелительница неба", решает сделаться одновременно и повелительницей подземного царства. Богиня направляется в "страну, где нет возврата". Но вернуться на землю она не может. Единственное спасение – найти себе замену. Надо полагать, что антропоморфные стелы, изображающие женское существо с бусами, и были заменой богини Инанны (или других богинь с ее функциями), спускавшейся в подземное царство.

В результате длительных и интенсивных связей между

культурами происходили передача и усвоение обычаев. Социальные нормы воспринимались, усваивались и превращались во внутреннюю потребность, поэтому большие трудовые затраты, связанные со строительством курганов, вытесыванием и доставкой из карьеров громадных каменных плит и рытьем глубоких погребальных камер, не воспринимались людьми энеолита-бронзы Северного Причерноморья как нечто внешнее и давящее. "Изучение истории первобытного человека показало нам, что дух человеческий обнаруживает замечательную однородность в разных странах и в разные времена (если не считать несущественных отклонений) в выработке своей первоначальной и несовершенной философии жизни", - писал известный английский этнограф Джеймс Фрэйзер [158, с. 28].

Выявленное у разных индоевропейских народов сходство религиозных представлений о загробном мире, и в частности о роли женского божества в спасении умирающего бога, в возобновлении жизни, свидетельствует об общности путей развития этих народов. Женское божество, воплощенное в антропоморфной стеле, перекрывающей погребение, скорее всего замена, своеобразная субституция того или той, которая должна была сопровождать умершего, своего рода искупительная жертва. Если же стелы находят в погребениях парами (мужская и женская одновременно - Шевченково, Тиритака, Поингулье), то, очевидно, умирающее и воскресающее мужское божество сопровождалось женским в расчете на то, что последнему предстоит выполнить функции или, как это имело место у древних египтян, содействовать вознесению на небо в будущем. М. И. Артамонов и А. П. Окладников полагают, что стремление похоронить в одной могиле двух разнополых людей указывает на изменения, происшедшие в обществе, где на первое место все более выдвигалась большесемейная община. Парное погребение свидетельствует об определенной форме близости таких погребений, характерных для периода становления патриархальных отношений, и свидетельствуют о возрастающей роли малой семьи, утверждающей свою экономическую и идеологическую самостоятельность.

Контакты скотоводческих племен с Триполем способствовали не только социальным переменам в обществе, но и формированию новых религиозных представлений. В Триполье, начиная с раннего этапа, способностью обеспечить плодородие, изобилие наделяются женские антропоморфные

статуэтки, фигурки быков, алтари, очаги, сосуды с "магической" орнаментацией и соответствующими пластическими элементами, модели жилищ и многое другое. Редкие находки на раннетрипольских поселениях мужских фигурок с выделенным и гипертрофированным признаком пола указывают на символическое выражение новых представлений, а именно на проникновение в среду Триполья элементов скотоводческого фаллического культа, поклонение которому выражалось у скотоводов в установлении на курганах фаллосоподобных камней, а также в выделении мужского признака пола на некоторых антропоморфных стелах [169, с. 29, рис. 9, 8; 178, с. 73; 5, с. 39, рис. 1, 1; 2; 4, 2, 3].

На этапе Среднего Триполья в пограничных со скотоводческими культурами памятниках в культе плодородия усиливается церемониал, связанный с обрядностью по воспроизводству стада [160, с. 164]. На специальных алтарях выставляются ритуальные сосуды, заполненные кальцинированными костями животных. Ограничивается применение в религиозных обрядах пластики. На поселениях встречаются нехарактерные для западной территории плоскостные антропоморфные статуэтки. Так, на Шкаровском святилище обнаружены два алтаря с сакральными углублениями [160, с. 42], что характерно для плит, найденных в курганных могильниках ямной и кеми-обинской культур и связанных, несомненно, с культом предков. Известные погребения детей под полами площадок-жилищ также дают основание предполагать, что обряд этот связан с идеей возрождения жизни и является своеобразной трансформацией в новых условиях культа плодородия, связанного с культом предков. Особенностью идеологических представлений племен Среднего Триполья являются первые захоронения с обрядом трупоположения [106, с. 10], захоронение черепа женщины с гипсовой маской [224, 110, 91–92] – все это зримые следы контактов со скотоводческим населением ямной культурной общности.

Самобытный духовный мир формируется под воздействием степных племен у представителей усатовской культуры. Кроме особенностей погребального обряда, воспринятого от степного населения (курганы, кромлехи, грунтовые могильники без насыпи, погребения, сопровождаемые инвентарем), следует отметить и наметившееся проникновение скотоводческой идеологии. Так, заимствованным от скотоводов знаком следует, возможно, считать изображение на извест-

ной усатовской стеле, по мнению В. Г. Петренко, лабриса, которое встречается среди гравировок степного культового памятника Северного Причерноморья – Каменной Могилы [123, с. 14–20].

В одном из усатовских курганов обнаружена плита с чашевидными углублениями, характерными для плит, встречаемых на курганах ямной и кеми-обинской культур. Появление в Позднем Триполье жрецов и жриц, что предполагают некоторые исследователи (В. И. Маркевич и др.) [92, с. 29], мы склонны относить за счет влияния культа предков у племен ямной культуры, где религиозные обряды при возведении курганов происходили под руководством жрецов или вождей со жреческими функциями [96, с. 36].

Многие элементы усатовского погребального обряда выявляются гораздо раньше, в ритуале захоронений близкой им генетически утконосовской культурной группы: наличие кромлехов, ровов, курганных насыпей, одинаковые форма могилы, ориентировка и положение скелета, отдельные виды погребального инвентаря (украшения из раковин, молочных зубов оленя, одинаковые типы керамики), использование камня в погребальном ритуале, сопровождение основных погребений кострищем и захоронением костей лошади, быка, собаки. Интересно и то обстоятельство, что, несмотря на предельную бедность погребального инвентаря утконосовских захоронений, наличие в них украшений из зубов оленя встречается довольно часто, что указывает на большую ценность зубов оленя и важность его образа. Известна и концентрация оленьих зубов вкладах энеолитической эпохи [130, с. 84–87; 131, с. 161–170]. В. Н. Даниленко писал, что еще "в доиндоевропейские времена в Юго-Западной Европе символ женщины, сопровождаемый изображениями оленей, был широко распространен в самых разнообразных способах выражения и олицетворял космическое божество" [44, с. 221].

Количество свидетельств обратных влияний трипольской культуры на степные скотоводческие племена ямной культурной общности ограничено. Встречаются лишь следы переработки отдельных религиозных представлений и образов Триполья на новой общественной основе. В нижнемихайловских и погребениях ямной культуры появляются женские статуэтки [169, с. 29, рис. 9, 8, с. 118, рис. 40, 5], например из курганов у сел Широкое, Баратовка, Любимовка, Новоалексеевка, Животиловка и др. в Южном Побужье-Поингулье, Поднепровье и в Крыму. Такова стела из ямного погребения

в Нижнем Подунавье у хут. Парাপоры, очертания фигуры которой напоминают указанные статуэтки.

Элементами, проникшими, вероятно, из среды трипольской культуры, в первую очередь следует назвать символы солнца, переданные в виде колеса, двойного колеса, перекрещенного косым крестом, косой крест. Изображения косоугольного креста характерны для многих плит Каменной Могилы [123]. В Северо-Западном Причерноморье изображения косоугольного креста встречены на каменных плитах перекрытия погребения I кургана I у с. Великодолинское в Нижнем Поднестровье [142, с. 189, рис. 3, 1-4]. Другим элементом, перешедшим из трипольской культуры в орнамент ямной и катакомбной керамики, а также на изделия из металла, является спираль. В Южном Побужье в ямном погребении обнаружена медная бляха, орнамент которой представляет собой спираль, нанесенную пуансоном с внутренней стороны [172, с. 22]. Спиральные медные, серебряные, биллоновые подвески в полтора-три оборота встречаются повсеместно. Как известно, изображения спирали считались священными у многих народов древности, в том числе и у индоевропейских народов, о чем свидетельствуют каменные кромлехи Великобритании, внутри которых геофизиками были определены магнитные дорожки в семь оборотов [80, с. 34-43].

Изображения спирали отмечены и на кромлехах. Сакральность спирали подтверждают неолитические "лабиринты" Кольского п-ва. Можно согласиться с мнением исследователей, которые считают круговую планировку ямных погребений связанной с пониманием древним человеком циклического движения небесных светил [58, с. 37]. Данная особенность погребального обряда, очевидно, отражает круг ранних представлений, больше связанных с земледельческой культурой Триполья.

Еще одним элементом, заимствованным, по-видимому, из Триполья, можно считать елочный узор — своеобразное изображение "древа жизни", которое встречается на некоторых изделиях, в основном на плитах каменных ящиков или перекрывающих погребения, а также на стенах захоронений ямной культуры. Исследователи считают, что изображение "древа" — свидетельство смешивания образов предков-людей с образами предков-растений, где образы умерших играют роль посредников между миром живых и миром природы. Возможно, изображение "древа" являлось другой ипостасью женского божества плодородия, возрождения жизни.

Воздействовать на окружающий мир человек считал возможным при помощи не только антропоморфной скульптуры, но и отдельных предметов, не имеющих человеческого облика. К ним можно отнести изделие из кожи с нанесенным на его поверхность елочным узором в ямном погребении кургана у с. Холмское (погребение было перекрыто каменным закладом и четырехколесной повозкой). Интересно и то обстоятельство, что выгравированное "древо" напоминало, как указывают авторы, изображение позвоночника с ребрами, характерное для антропоморфных стел Северного Причерноморья. Изображение "древа" на трипольской керамике трансформировалось в позвоночник с ребрами на каменной антропоморфной скульптуре в скотоводческой идеологии. Возможно, что здесь наблюдаются элементы трагедизма, характерные для обрядов многих первобытных народов и известных по этнографическим материалам. Старые образы вытеснялись новыми, отражая изменения в общественном бытии.

В целом, как показали исследования, идеология скотоводческого общества была консервативной, что говорит о сильной жреческой власти, выразившейся в монументальных курганах, массивных кромлехах, перекрытиях могил каменными закладами, плитами, антропоморфными стелами, деревянными повозками.

Не исключено, что проникновение и утверждение новых элементов религиозных представлений было связано с возникновением новых форм хозяйства, то есть с возрастанием роли земледелия, усилением оседлости, о чем косвенно свидетельствует обилие курганов в Северо-Западном Причерноморье и наличие во многих из них двух-трех досыпок. Однако, как уже подчеркивалось, консерватизм ямной культуры, основанный на сильной власти вождя-жреца, не давал возможности изменить мифологическую схему устройства мира [96], где на первом месте был культ верховного божественного предка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С середины IV тыс. до н. э. в днестро-дунайском регионе нарастают события, повлиявшие на весь дальнейший ход исторического развития. Сюда проникает население двух разнотничных групп, одна из которых обнаруживает сходство с материалами позднейших погребений Мариупольского могильника и захоронений с кремлехами Поднепровья, другая близка памятникам нижнемихайловского типа и складывающейся позднее усатовской культуре. Относительная редкость погребений указывает на незначительные по масштабам первоначальные проникновения в Северо-Западное Причерноморье энеолитических племен, а нахождение разнокультурных захоронений под одной курганией насыпью и на одном стратиграфическом уровне свидетельствует о синхронности культурных групп и довольно мирных взаимоотношениях между ними.

В энеолитическую эпоху формируются основные черты погребального обряда, культа предков, ставшего могущественной основой для укрепления патриархальной власти, для консолидации больших групп населения на обширной территории Северного, и в частности Северо-Западного Причерноморья, о чем свидетельствуют курганы, погребения с монументальными каменными закладами, кремлехами, сопровождаемые погребением костей лошади, быка, собаки, кострищем и др. Погребения с костями и атрибутами лошади, в частности со скипетрами в виде конской головы, указывают на появление всадничества, положившего начало поворотному моменту в жизни энеолитического населения Восточной и Юго-Восточной Европы.

Приручение коня способствовало далеким миграциям, развитию подвижных форм скотоводства, освоению обширных пастбищ, создавало возможности активных контактов с передовыми цивилизациями Кавказа, Северного Причерноморья и Балкано-Дунайского района. Немногочисленность погребений суворовского типа по всему степному Причерно-

морью – от Приуралья до Дуная говорит об ограниченности числа лиц, связанных с конем, о редкой встречаемости этого животного в составе стада и случайных перемещениях племен, практиковавших этот способ передвижения, что не исключает экономической и социальной значимости коня. Сопровождение погребений кострищами указывает и на особую, вероятно, очистительную силу огня в ритуалах захоронений древних скотоводов.

Днестро-дунайская культура – локальный вариант ямной этнокультурной общности, сложившаяся на основе памятников суворовского типа, проникавших с востока раннеямных племен и под влиянием постоянных связей с населением Балкан-Подунавья и культур шнуровой керамики формируется в Северо-Западном Причерноморье на рубеже IV–III тыс. до н. э. Новая культура в основных чертах сохранила традиции ямного погребального обряда, но создала свой самобытный материальный комплекс, наиболее полно отраженный в археологических материалах конкретного географического района – днестро-дунайского междуречья. Сильная патриархальная власть и определенная замкнутость коллективов, очевидно, способствовали тому, что материальная культура днестро-дунайского региона в раннем бронзовом веке не претерпела существенных изменений вплоть до первых веков II тыс. до н. э., когда на территорию Северо-Западного Причерноморья проникают отряды катакомбных племен, влияние которых отразилось в появлении богатой шнуровой орнаментации на керамике, каменных топоров и наконечников стрел катакомбного типа.

Черты обряда и частично инвентаря утконосовских захоронений сближают их с памятниками нижнемихайловского типа Поингуля-Побужья, а также с материалами усатовской культуры, дают основание предполагать участие утконосовской культурной группы наряду с нижнемихайловскими племенами и решающей ролью Триполья в сложении усатовской культуры.

К середине III тыс. до н. э. основные события в Северо-Западном Причерноморье связываются с участием в них племен днестро-дунайской культуры. Об этом свидетельствуют обилие курганов на рассматриваемой территории, наличие в них по две-четыре досыпки, монументальность курганных насыпей, активные связи с населением Балкан-Подунавья и культурами шнуровой керамики. Эти связи способствовали

созданию своеобразного материального комплекса, главным образом появлению посуды с большим разнообразием форм и типов (амфоры овоидной формы, кубки, амфорки; ситулообразные сосуды, горшки, чашки, кратеровидные, асковидные сосуды и др.). Анализ керамики каменного и кремневого инвентаря (топоры и кремневые наконечники стрел), а также мнения зарубежных (румынских, венгерских, польских) ученых, археологов Советского Союза доказали, что формирование керамического комплекса днестро-дунайской культуры происходило в географических пределах Северо-Западного Причерноморья под решающим влиянием ямной культурной общности и в результате многовековых контактов с населением Запада и Востока.

Эпоха энеолита – раннего бронзового века была тем временем, когда происходили социальные перемены в обществе и формировались новые религиозные верования, в том числе и в такой консервативной их части как погребальный обряд. Черты погребального обряда в Северо-Западном Причерноморье позволили реконструировать некоторые мифологические представления людей, связанных с культом предков. Погребения с костями лошадей, находки псалий и скипетров указывают на особую роль лошади в экономике и духовном мире человека энеолита–бронзы. Археологические материалы дают возможность проследить, как постепенно усложняются и обогащаются мифологические образы, связанные с конем, его атрибутами, колесом, повозкой, создаются основы той мифологической картины мира, которая приобретает конкретные черты в письменных памятниках Древнего Востока и Средиземноморья.

Неисчерпаемым информационным запасом обладают и антропоморфные стелы Северного, и в частности Северо-Западного Причерноморья. Повторяемость на стелах определенных деталей (стоп, посоха, бус и др.) говорит о том, что изображали они не конкретных лиц, а обобщенные, скорее всего мифологические персонажи. Так, идеограммы стоп и посоха прошли в сознании человечества через века и, как в фольклоре и этнографических материалах, свидетельствуют о связи их с загробным миром, тяжелым и опасным путешествием в "страну, где нет возврата". Шумеро-аккадские письменные источники связывают мужской образ, воплощенный в скульптуре и наделенный посохом и сандалиями, с мифо-

логическим персонажем богом-пастухом Думузи. Женское божество с ожерельем из бус наводит на мысль о связи северопричерноморских стел с изображением бус, трактуемых многими авторами как женские, с почитаемым почти у всех народов древности образом богини-Матери, от воли которой зависели благополучие, плодородие, изобилие и возрождение жизни.

Разные группы исследованных археологических источников обладают неодинаковой степенью информативности. Тем не менее, в каждой из них в определенной мере отразилась сложная социальная сфера степного общества эпохи палеометалла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агульничков С. М. Курган эпохи бронзы у с. Капланы // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1984.
2. Алексеева И. Л. Раскопки Беляевского кургана в 1966 г. // МАСП. — 1971. — Вып. 7.
3. Алексеева И. Л. Новые материалы эпохи раннего энеолита в междуречье Дуная и Днестра // 150 лет ОАМ АН УССР: Тез. докл. — Киев: Наук. думка, 1975.
4. Алексеева И. Л. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. — 1976. — Вып. 8.
5. Антонович В. Б. О похоронных типах юго-западного края // Тр. IV АС. — Казань, 1887. — Т. 1.
6. Ануцин Д. Н. Сани, ладыя и кони как принадлежности похоронного обряда. — М., 1890.
7. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. — М., 1982.
8. Артеменко И. И. Среднеднепровская культура // СА. — 1963. — № 2.
9. Артеменко И. И. Племена Среднего и Верхнего Поднепровья в эпоху бронзы // МИА. — 1967. — Вып. 148.
10. Археология Венгрии. — М., 1980.
11. Археология Украинської РСР. — К.: Наук. думка, 1971. — Т. 1.
12. Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры // САИ. — 1970. — Вып. 43.
13. Бейлекчи В. С. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная. — Кишинев: Штиинца, 1968.
14. Бейлекчи В. С. К вопросу о начале проникновения древнеяных племен в Днестро-Прутское междуречье // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. — Кишинев: Штиинца, 1985.
15. Бейлекчи В. С., Серова Н. Л. Раскопки кургана у с. Этулия // АО 1975. — М., 1976.
16. Белицкий М. Забытый мир шумеров. — М., 1980.
17. Березанская С. С. О так называемом "общевропейском горизонте" культур шнуровой керамики Украины и Белоруссии // СА. — 1971. — № 4.
18. Березанская С. С. Средний период бронзового века в Северной Украине. — Киев: Наук. думка, 1972.
19. Берчу Д. Два глиняных "якоря" и вопросы связи с культурами Коцофень и Чернавода // Дасія. — 1962. — № 6.
20. Бобринский А. А. О курганах близ местечка Смелы Киевской губернии (по раскопкам 1881—1884 гг.) — Одесса, 1886.
21. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб., 1887.
22. Бодянский А. В. Лысогорский неолитический могильник // КСИА АН УССР. — 1961. — № 11.
23. Волтенко М. Ф. Раскопки Усатовско-Большекуяльнического поля культурных остатков // Вісн. Одес. коміт. краєзнавства. — Одеса, 1925. — Ч. 2/3.
24. Волтенко М. Ф. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника // МАСП. — 1957. — Вып. 1.
25. Бранденбурге Н. Е. Об аборигенах Киевского края // Тр. XI АС. — М., 1905. — Т. 1.
26. Брюсов А. Я. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тыс. до н. э. // СА. — 1961. — № 3.

27. Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные боевые сверленные топоры на территории европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. В4-4.
28. Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика. — М., 1964.
29. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у с. Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. — Куйбышев, 1976.
30. Васильевский Р. С., Лавров Е. Л. Ча Су Бу. — Новосибирск, 1982.
31. Вісник Одеської комісії краєзнавства. — Одеса, 1924. — Ч. 1.
32. Гайдукевич В. Ф. Воспорские города Тиритака и Мирмекий // ВДИ. — 1937. — Т. 1.
33. Гамченко С. С. Дневник раскопок в Савранском районе в 1913 г. // НАИА АН УССР. — Ф.: С. С. Гамченко. — № 34.
34. Городилов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Тр. XI АС. — 1905. — Т. 1.
35. Городилов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Там же. — 1907. — Т. 2.
36. Городилов В. А. Классификация погребений Одесского кургана // Отчет Российского Исторического музея за 1915 год. — М., 1917.
37. Городилов В. А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. — М., 1927. — Т. 7.
38. Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. — Херсон, 1903.
39. Гудкова А. В. Энеолитический курган с кромлехом в устье Тилигула // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — Киев, 1980.
40. Гудкова А. В., Новицкий Е. Ю. Изделие из кожи с орнаментом из ямного погребения № 7 у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1981.
41. Гудкова А. В., Черняков И. Т. Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981.
42. Даниленко В. Н. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики // КСИА АН УССР. — 1955. — Вып. 4.
43. Даниленко В. Н. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе // КСИА АН УССР. — 1959. — Вып. 8.
44. Даниленко В. Н. Неолит Украины. — Киев, 1969.
45. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. — Киев, 1974.
46. Даниленко В. М., Шмаглей М. М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // Археологія. — 1972. — Вып. 6.
47. Деорянинов С. А., Петренко В. Г., Рычков Н. А. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981.
48. Дергачев В. А. Антропоморфные статуэтки бронзового века из Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение в Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1968.
49. Дергачев В. А. Курганы у с. Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев, 1984.
50. Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья. — Кишинев, 1980.
51. Дергачев В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. — Кишинев, 1986.
52. Державин В. Л. Курганы эпохи бронзы у с. Вуторь в Молдавии // СА. — 1976. — № 2.
53. Добровольский А. В. Раскопки кургана в предместье Одессы "Слободка-Романовка" // ЗООИИ. — 1915. — Т. 32.
54. Добровольский А. В. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану року 1927 // Збірник Дніпровського історично-археологічного музею. — Дніпропетровськ, 1929. — Т. 1.
55. Добровольський А. В. Перше Сабатинівське поселення / Археологічні пам'ятки. — 1952. — Т. 4.
56. Добровольський А. В. Могильник в с. Чаплі // Археологія. — 1954. — Т. 9.
57. Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Фокеев М. М. Охранные раскопки безымянных курганов // АО 1977. — М., 1978.
58. Замаровский В. Тайны хеттов. — М., 1968.

59. Захарук Ю. Н. Новые исследования культуры воронковидных сосудов в Польше // ВДИ. — 1956. — № 1.
60. Збеневич В. Г., Лесков А. М. О стратиграфии и классификации погребений Одесского кургана // КСИА АН СССР. — 1969. — Вып. 115.
61. Збеневич В. Г. Енеоліт Північно-Західного Причорномор'я // Матеріали з антропології України. — 1973. — Вип. 7.
62. Збеневич В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. — Киев, 1974.
63. Зиньковский К. В., Патокова Э. Ф. Исследование Маякского могильника в 1974 г. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1978.
64. Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. — Кишинев: Штиинца, 1961.
65. ЗРАО. — СПб., 1901. — Т. 12, вып. 1/2.
66. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. — М., 1978.
67. Кетрару Н. А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г. // Далекое прошлое Молдавии. — Кишинев, 1969.
68. Кетрару Н. А., Серова Н. Л. Курганный группа у с. Красное // Археологические исследования в Молдавии в 1979—1980 гг. — Кишинев, 1983.
69. Кнауэр Ф. И. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии // ЧИОНЛ. — 1889. — № 3.
70. Кнауэр Ф. И. Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии) // ЧИОНЛ. — 1890. — № 4.
71. Кнауэр Ф. И. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии // Тр. XI АС. — М., 1902. — Т. 2.
72. Ковалева И. Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н.э. — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3.
73. Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады. — М., 1977.
74. Кошма Е. К вопросу об относительной хронологии и о развитии энеолитических культур на юго-востоке РНР и на востоке НРБ//Дасия. — 1962. — Т. 6.
75. Кондураки Э. Румынская археология в 1956 г. // СА. — 1958. — № 1.
76. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. — М., 1972.
77. Круглов А. П., Поддаецкий Г. Е. Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. ГАИМК. — 1940. — Вып. 119.
78. Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. — М., 1968.
79. Крылова Л. П. Керносовский идол // Энеолит и бронзовый век Украины. — Киев, 1976.
80. Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы // СА. — 1970. — № 1.
81. Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. — 1974. — № 4.
82. Кузьмина Е. Е. Погребальный обряд пастушеских племен евразийских степей в свете данных индо-иранской традиции // Тр. конф.: Достижения сов. археологии в XI пятилетке. — Баку, 1975.
83. Кухаренко Ю. В. Археология Польши. — М., 1969.
84. Лагодовська О. Ф. Археологічна подорож до Курисово-Петровського // Вісн. Одес. коміс. краєзнавства. — Одеса, 1930. — Ч. 4/5.
85. Лагодовська О. Ф. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України // Вісн. АН УРСР. — 1947. — Вип. 6.
86. Лагодовська О. Ф. Усатівська експедиція 1946 р. // Археологічні пам'ятки. — К., 1949. — Т. 2.
87. Лагодовська О. Ф. Усатівська експедиція 1948 р. // Археологічні пам'ятки. — 1952. — Т. 4.
88. Лагодовська О. Ф. Пам'ятки усатівського типу // Археологія. — 1953. — Т. 8.
89. Лагодовська О. Ф., Шапошнікова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. — К., 1962.

90. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. — Рига, 1979.
91. Макаренко М. Маріупільський могильник. — К., 1933.
92. Маркевич В. И. Поздне трипольские племена Северной Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1981.
93. Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии // КСИА АН СССР. — 1971. — Вып. 127.
94. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука, 1976.
95. Массон В. М. Гробницы вождей на древнем Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1978.
96. Массон В. М. Изучение идеологии древних обществ // Идеологические представления древних обществ. — М., 1980.
97. Мелюкова А. И. Курган усатовского типа у с. Тудорова // КСИА АН СССР. — 1962. — Вып. 89.
98. Мелюкова А. И. Курган эпохи бронзы у с. Олонешты // Там же.
99. Мерперт Н. Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // Там же. — Вып. 105.
100. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III—II тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1968.
101. Мерперт Н. Я. Древнейшие каменные крепости в Болгарии // Новое в археологии. — М., 1972.
102. Мерперт Н. Я. Древнейшая культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М., 1978.
103. Мідний вік // Нариси стародавньої історії Української РСР. — К., 1957.
104. Микое В. Стари могилни гробове при Калугерица и Кблевча // Мадара. — София, 1936. — Т. 2.
105. Мовша Т. Г. Знаряддя праці з трипільського поселення Коломийщина I // Праці Київ. держ. іст. музею. — 1959. — Вып. 1.
106. Мовша Т. Г. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения // МИА Юго-Запада СССР и РНР. — Кишинев, 1960.
107. Мовша Т. Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. — 1964. — № 2.
108. Мовша Т. Г. Періодизація та хронологія середнього та пізнього Трипілья // Археологія. — 1972. — Вып. 6.
109. Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии // КСИА АН СССР. — 1969. — Вып. 115.
110. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. — М., 1978.
111. Нарайян Р. К. Боги, демоны и другие. — М.: Наука, 1974.
112. Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. — Киев, 1979.
113. Оболдуева Т. Г. Курган эпохи бронзы на р. Когильник // Изв. Молд. фил. АН СССР. — 1955. — № 5.
114. ОАК за 1899 г. — СПб., 1902.
115. ОАК за 1890 г. — СПб., 1893.
116. ОАК за 1891 г. — СПб., 1893.
117. Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений // МИА СССР. — 1949. — № 110.
118. Патокова Е. Ф. Археологічні пам'ятки долини р. Тілігул // МАПП. — 1959. — Вып. 3.
119. Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильники. — Киев, 1985.
120. Писларий И. А., Кротова А. А., Клочко Т. Н. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и рабронзовый век Украины. — Киев, 1976.
121. Попов Р. Могилните гробове при с. Ендже // Изв. на археол. Ин-т. — София, 1932. — Т. 6.
122. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1946.
123. Рудинський М. М. Кам'яна могила. — К., 1951.
124. Румянцев Е. А. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая // СА. — 1961. — № 1.

125. Ричков Н. А. Про зображення "ступнів ніг" на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. — 1982. — Вип. 38.
126. Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. — Варшава, 1892.
127. Самоквасов Д. Я. Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в Южной и Центральной России // Тр. Моск. археол. съезда. — М., 1895. — Т. 2.
128. Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. — М., 1908.
129. Свешніков І. К. Історія населення Прикарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тис. до н. е. — К., 1974.
130. Сергеев Г. П. Поздне трипольский клад женских украшений из с. Кетрошика // Тр. РИКМ. — Т. 2. — Кишинев, 1969.
131. Сергеев Г. П. Раннетрипольский клад у с. Карбуна // СА. — 1963. — № 1.
132. Серова Н. Л. Исследование кургана у с. Этулия // Археологические исследования в Молдавии в 1974—1975 гг. — Кишинев, 1981.
133. Синицын И. В., Эрдиус У. Э. Новые археологические памятники на территории Кальмückой АССР. — Элиста, 1966.
134. Синицын М. С. Курган в с. Чорноморка під Одесою // МАСП. — 1960. — Вип. 3.
135. Скадовский Г. Л. Велозерское городище Херсонского уезда Велозерской волости и соседние городища и курганы между низовьями р. Ингульа и началом Днепровского лимана // Тр. VIII АС. — М., 1897. — Т. 3.
136. Смирнов Ю. А. Археология погребения // Тр. конф.: Достижения сов. археологии в XI пятилетке. — Баку, 1985.
137. Софронов В. А. Хронологическая система энеолита и бронзового века Юго-Восточной Европы. — Донецк, 1979.
138. Спицын А. А. Курганы с окрашенными костяками // Зап. Рос. археол. об-ва. — СПб., 1899. — Т. 1, вып. 1 и 2.
139. Субботин Л. В. Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1982.
140. Субботин Л. В. Курган у с. Жовтневоє // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев, 1984.
141. Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у с. Огородное // МАСП. — 1970. — Вип. 6.
142. Субботин Л. В., Черняков И. Т., Ядвичук В. В. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (По материалам раскопок курганов у с. Великодолинское) // МАСП. — 1976. — Вип. 8.
143. Субботин Л. В., Шмаглий Н. М. Волградский курганный могильник // МАСП. — 1970. — Вип. 6.
144. Телегин Д. Я. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье // КСИА АН УССР. — 1961. — Вып. II.
145. Телегин Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. — 1971. — № 4.
146. Телегин Д. Я. Основні риси та хронологія середньостогівської культури // Археологія. — 1972. — № 23.
147. Телегин Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973.
148. Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры // СА. — 1980. — № 4.
149. Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. — М., 1982.
150. Титов В. С., Маркевич В. И. Новые данные о западных связях Позднего Триполья // СА. — 1974. — № 3.
151. Тодорова Х. Овчарово. — София, 1976.
152. Третьяков Д. К. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке—Романовке // ЗООИД. — 1915. — Т. 32.
153. Три великих сказания древней Индии. — М., 1980.
154. Труды VI АС в Одессе (1884 г.). — Одесса, 1886. — Т. 1.
155. Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. — СПб., 1856. — Т. 2.

156. *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. — Киев, 1951.
157. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. — М., 1969.
158. *Фрээр Дж.* Золотая ветвь. — М.; Л., 1928.
159. *Харузин Н. Н.* Этнография // Верования. — СПб., 1905. — Т. 4.
160. *Цеек Е. В.* Религиозные представления населения восточного ареала трипольско-кукутенской области // Религиозные представления в первобытном обществе. — М., 1987.
161. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. — М., 1956.
162. *Чеботаренко Г. Ф.* Раскопки курганов в Чадыр-Лунгском районе Молдавской ССР // Результаты польових археологічних досліджень на Україні в 1970—1971 рр. — Одеса, 1971.
163. *Черных Е. А.* О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР // КСИА АН СССР. — 1970. — Вып. 123.
164. *Черных Е. А.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. — 1978. — № 4.
165. *Черняков И. Т.* Позднетрипольский курган у с. Сарата // КСОАМ за 1962 г. — Одесса, 1963.
166. *Черняков И. Т., Чмихов М. О.* Хронология археологичних пам'яток епохи міді-бронзи на Україні: Вид-во Київ. ун-ту, 1989.
167. *Черняков И. Т., Тошее Г. Н.* Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Подунавья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1985.
168. *Шапошникова О. Г.* Пам'ятки типу нижнього шару Михайлівки // Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 1.
169. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди-бронзы в бассейне р. Ингул // Древности Поингуля. — Киев, 1977.
170. *Шапошникова О. Г., Неприна В. И.* Новорозановское поселение // Древности Поингуля. — Киев, 1977.
171. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. М.* Курганный группа близ с. Старогорожено // Древности Поингуля. — Киев, 1978.
172. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая область (Южно-Бугский вариант) // САИ. — 1986. — Вып. VI-3.
173. *Шилов Ю. В.* Залишки возів у курганах ямної культури Нижнього Подніпров'я // Археологія. — 1975. — Вип. 17.
174. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Раскопки курганов в низовьях Днестра // АО 1968 г. — М., 1969.
175. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. — 1970. — Вып. 6.
176. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы на Левобережье Нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1985.
177. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., Алексеева И. Л.* Курганы Нижнего Подунавья // АО 1970. — М., 1971.
178. *Шепинский А. А.* Во тьме веков. — Симферополь, 1966.
179. *Экспозиция Херсонского историко-археологического музея.*
180. *Яровой Е. Х.* Кам'яні знаряддя праці з фондів ОДАМ // МАП. — 1959. — Вип. 3.
181. *Яровой Е. В.* Находки шаровидных амфор в Молдавии // Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. — Донецк, 1979.
182. *Яровой Е. В.* Скотоводческие племена Юго-Запада СССР. — Кишинев, 1981.
183. *Яровой Е. В.* Памятники ямной культуры Пруто-Днестровского междуречья // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. — Киев, 1981.
184. *Яровой Е. В.* Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев, 1984.

185. Ястребов В. Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. – 1894. – Т. 17.
186. Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 1897/62, 1898/10, 1899/23, 1900/47, 1905/15.
187. Арх. Херсон. ист.-археол. музея, д. Стемковский И. Я., № 1897.
188. Гудкова А. В. Отчет о работе Измаильской экспедиции в 1977 г. // Науч. арх. ИА АН УССР, 1977/21.
189. Гудкова А. В. Отчет Измаильской новостроечной экспедиции 1978 г. // Там же, № 8745.
190. Лагодоевская Е. Ф. Погребения со скорченными костяками по Среднему Бугу (По материалу раскопок Бугской археологической экспедиции в 1930–1933 гг.). – Арх. ОАМ, инв. № 59297.
191. Субботин Л. В. Отчет о работе Семеновской новостроечной экспедиции в 1975 г. // Науч. арх. ИА АН УССР, № 7602.
192. Шмаглий Н. М., Алексеева И. Л. Отчет о раскопках Днестро-Дунайской экспедиции в 1971 г. // Там же, № 1971/23.
193. Banner J. Die Ungarn gefundenen Hockergraber // Dolgozatok. – 1927. – N 3.
194. Becker C. J. Mosefunde Lerkarfrayngre stenalder. – Kobenhavn, 1948.
195. Behrens H., Schroter E. Siedlungen und Graber der Trichterbeckerkultur. – Berlin, 1980.
196. Berciu D., Morintz S., Maximilian J. Şantierul archeologic Verbicioara // MCA. – 1957. – Vol. 3.
197. Buchvaldek M. Starsi snurova keramika v Cechach // AR. – 1957. – N 9.
198. Calicz N. Die Frühbronzezeit oder nordost-Ungarn // Abriss der Geschichte des 19–16 Jahrhunderts v. u. s. – Budapest, 1980.
199. Florescu M. Contributii la problema inceputurilor epocii bronzului in Moldova // AM. – 1964. – Vol. 2/3.
200. Garasanin M. Pontski i stepski uticalii u Doniem Podunavlju i na Balkanu na prelazu iz neolitskog Muzeja u Sarajevu. – Sarajevo, 1961. – Vol. 15/16.
201. Garasanin M. Nomades des Steppes et autochtones dans le sud-est Europeen a l'epoque de transition du neolithique a l'age du bronze // Sul'ethnogenese des peuples Balcaniques: Symp. intern. Plovdiv-Sofia, 1971.
202. Georgiev J. G. Die Entwicklung Prähistorischen Kulturen in Sud-Bulgarien // Balcanica-1971. – N 5.
203. Gimbutas M. The prehistory of Eastern Europe. – Cambridge, 1956. – Pt. 1.
204. Gimbutas M. The Relative Chronologie of Neolithic and the Black Sea // Chronologies in Old World Archaeology. – Cambridge, 1956.
205. Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Zentral and Eastern Europe. – Paris; London, 1965.
206. Glob P. Studier over den juske Entelgravskultur. 1944 // Aarberger for Nordisk Old kundighed og Historie. – Kobenhavn, 1945.
207. Hartuchi N., Dragomir J. T. Sapaturile de la Brailita // Materiale si cercetari arheologice. – 1975. – 1977. – № 3.
208. Häusler A. Die Gräber der alesten Ackerbauer in der Ukraine // Wissenschaftliche Zeitschrift. – 1964. – № 11/12.
209. Loeve G. Kataloge zur Mitteldentschen schnurkeramik. – Thuringen: Halle. – 1959.
210. Lucas H. Kataloge zur Mitteldeutschen schnurkeramik. – Berlin, 1968. – N 2.
211. Majewski K. O charakterse starsych kurhanow grupy Sackowickiey // Swiatowit. – 1905. – N. 6.
212. Morintz S., Roman P. Uber die Chronologie der Ubergangzeit vom Äneolithikum zur Bronzezeit in Rumänien // Dacia. – 1969. – Vol. 13.
213. Patay P. Ein Grab der Schnurkeramik aus den Ungarischen VR // Jahresschrift Mitteldeutschen. Vorgeschichte. – 1981. – Bd. 64.
214. Petrescu-Dambovița M., Casan J., Matiescu C. S. Sapaturile arheologice de la Foltești // SCIV. – 1951. – N 1.
215. Petrescu-Dambovița M. Cetașia de la Stoicani // Materiale arheologice privind istoria veche a RPR. – București, 1953. – Vol. 1.
216. Sprockhoff E. Die Kulturen der Jungeren Steinzeit in den Mark Brandenburg. – Berlin, 1926.

217. *Struve K. W.* Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein. – Neu-Münster, 1955.
218. *Zapotocký M.* K problemu počatku kulture nalevkovitych pocharů// AR. – 1957. – N 9.
219. *Tallgren A. M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux // ESA. – 1926. – N 11.
220. *Zapotocký M.* Streitäxte und Streitaxtkulturen // Památky archeologicne. – 1966. – N 57.
221. *Kidson P.* Stredoveke umenie. – Bratislava: Pallas. – 1974.
222. *Marinescu-Biccu S.* Cultura Precucuteni pe teritoriul României. – Bucuresti: Editura Acad. RsR, 1974.
223. *Párvan V.* La statue-menhir de hamandjia// Dacia. – 1925. – N 2.
224. *Tonceva G.* Necropole Tumulaire de l'âge du bronze ancien pres du village Beogradec// Studia Praehistorica. – 1978. – N 1/2.
225. *Flemming A.* The Myth of the mother-goddess//World Archæology. – 1969. – Vol. 1, N 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
БСЭ	Большая Советская Энциклопедия
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	Записки Российского археологического общества
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва
КСИА (УССР)	Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея, Одесса
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАПП	Матеріали з археології Північного Причорномор'я, Одеса
МИА	Материалы и исследования по археологии, Москва
ОАК	Отчет Археологической комиссии
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
Тр. АС	Труды Археологического съезда
Тр. ГИКМ	Труды Государственного историко-краеведческого музея, Кишинев
ЧИОНЛ	Чтения истории общества Нестора-летописца, Москва
AM	Archeologia Moldovei, București
AR	Acheologicke rozhledy
ESA	Eurasia Septentrionalis antiqua
MCA	Materiale și cercetari archeologice. București
SCIV	Studii și cercetari de istorie veche. București

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....	5
ГЛАВА II. ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ И ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНЫХ ГРУПП ПО ДАННЫМ ПОГРЕВАЛЬНОГО ОБРЯДА.....	24
ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	64
ГЛАВА IV. ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЛЕМЕН ЭНЕОЛИТА – РАННЕЙ ВРОЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.....	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	119
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	123
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	131

Научное издание

АЛЕКСЕЕВА Ирина Леонидовна

КУРГАНЫ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Художник обложки *С. В. Назаров*
Художественный редактор *И. П. Савицкая*
Технический редактор *Е. А. Яровая*
Оператор *П. У. Солярж*
Корректор *А. Ф. Коровниченко*

ИБ № 44948

Сдано в набор 23.12.91. Подп. в печать 17.01.92. Формат 60 х 84/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Тиде. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,60. Усл. кр.-отт. 8,95. Уч. изд. л. 8,01 + 0,93 вкл. = 8,94. Тираж 310 экз. Заказ № 1-667.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.